

**Свобода слова  
и средства  
массовой информации**

Сборник материалов семинара Московской Хельсинкской группы  
Москва, 1994

Публикации  
российско-американской проектной группы  
по правам человека

**Выпуск 7  
Свобода слова  
и средства  
массовой информации**

Сборник материалов  
Семинара Московской Хельсинкской группы  
«Права человека»  
(Москва, 5 – 7 февраля 1994 г.)  
Составление и общая редакция Л. Богораз  
Москва, 1994

Мнение редакции может отличаться  
от мнений докладчиков  
и выступавших в прениях.

Редактор	Ада ГОРБАЧЕВА
Художник	Елена ГЕРЧУК
Оригинал-макет	Владимир БОГОСЛОВСКИЙ

**Вступительное слово**

*Л. Богораз, руководитель просветительской программы МХГ «Правовая культура»*

Глубокоуважаемые коллеги!

Мы проводим седьмой семинар из нашей серии просветительских семинаров для правозащитников. Напомню, что мы начинали занятия с теоретических, научных вопросов: философии правозащитной идеи, истории правозащитного движения, его методов и принципов. В дальнейшем мы старались осмыслить правозащитную идею в ее связи с современностью, с реалиями нашей жизни. Основными документами, на которые мы опирались и к которым апеллировали в нашей программе, была Всеобщая Декларация прав человека ООН и другие важные международные документы – пакты, конвенции, а также и на российское законодательство, в основном – в части личных и гражданских свобод – теперь, слава Богу, учитывающее Всеобщую Декларацию. Мы, конечно, не имели возможности изучить все проблемы прав и свобод человека: их слишком много и они имеют различные аспекты. Мы, в основном, сосредоточили свое внимание на правах и свободах личности и гражданина: ведь наша просветительская программа адресована, прежде всего, именно гражданину.

Почему мы посвящаем специальный семинар именно проблемам свободы слова, свободы печати?

Слишком долго – десятилетия – граждане России жили с кляпом во рту, и очень много надежд мы связывали с освобождением от этого кляпа.

И вот – свершилось! 12 июля 1991 г. был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», отменивший цензуру. Не могу назвать этот закон совершенным, и все же за отмену цензуры помянем его добрым словом. В декабре 1991 г. принят аналогичный закон Российской Федерации. Ст. 1 этого закона так и называется: «Свобода массовой информации», а ст. 3 – «Недопустимость цензуры».

А сколько за это время появилось независимых газет, сколько вышло книг, которые еще недавно мы тайком прочитывали за одну ночь. А теперь – Остап Бендер сказал бы так: «Сбылась мечта идиота». Хочешь – читай Бердяева, Солженицына, Абрама Терца, Марченко, Юлия Кима, а кому интересно так – хоть и Гитлера. Из газет узнаешь и об очередном заседании Думы, и о грандиозной авиакатастрофе, и где что почем, и гороскоп на текущую неделю...

Что-то уж и поднадоела эта довольно однотонная информация. К тому же я не всегда уверена в ее достоверности. А когда я вижу газету со свастикой на первой полосе или в очередной раз читаю о лицах «кавказской национальности» или что покойный батюшка Жириновского был по национальности вовсе не адвокат, а обыкновенный еврей (или, как писали в достопамятные времена, «лицо еврейской национальности»),

– мне хочется повторить вслед за Александром Сергеевичем: «Мало горя мне, свободно ли печать морочит олухов, иль чуткая цензура в журнальных замыслах стесняет балагура». Вообще-то я догадываюсь, что кроме цензуры, есть цивилизованные способы обуздать особо оголтелых писак и с каждым днем желтеющие масс-медиа (я даже представляю себе, какие это способы: действующий закон!) – но закон бездействует, и поэтому я лишь брезгливо отворачиваюсь в подземных переходах от продавцов газеты «Завтра» или от выложенной на лотках порнухи. А из приличных выписываю две газеты – против шести пять лет назад. Так что же произошло с этой вожденной свободой «поиска, производства и распространения массовой информации»? То ли свобода слова у нас не такая, как у людей, то ли мы, читатели, какие-то не такие («Глотатели пустот, читатели газет»), то ли наши журналисты-публицисты «не дотягивают»?

Если вы, глубокоуважаемые коллеги, хотя бы частично согласны со мной (или совсем не согласны) в оценке сегодняшней ситуации со средствами массовой информации, давайте об этом и поговорим на нашем нынешнем семинаре. И вступительное слово я заканчиваю вопросительным знаком, даже тремя.

## Раздел I

### К проблеме гражданских и личных прав в русской политической мысли XIX в.

*В. Пугачев, профессор, доктор исторических наук*

Человек и гражданин. Права человека и гражданина. Каково их соотношение? Этот вопрос решался по-разному. В античности приоритет отдавался гражданину. Но постепенно акцент смещался в сторону человека. В том числе (может быть, даже особенно) в России. Правда, утопически и среди небольшой части населения. Е.В. Тарле в работе о Томасе Море писал: «... участие высших интеллектуальных сил в общенародной жизни характеризует английское образованное общество весьма важной чертой: общество не было так оторвано от насущных национальных интересов, как в других странах. Не философия, а религия, не воскрешение старых классических государственных форм, а гнетущие социально-экономические нужды королевства, не античное прошлое, а национальное настоящее – вот что интересовало и Уиклифа, и Чосера, и Ленгленда и других, менее ярких представителей английской мысли».

В России не так. Права человека и гражданина оказались уделом не философии, не юриспруденции, не вытекали из реальных насущных потребностей, а опережали их и осмысливались больше всего художественной литературой и критикой. Вместо Локка и Руссо – Радищев, Пушкин, Белинский, Толстой. Конкретной конструктивной программы, как правило, не выдвигалось. Почва для утопизма была благодатной. И не столько для прав гражданина, сколько для прав человека. В этом же плане действовали и традиции православной церкви, которые оказались сильнее правосознания, почти отсутствовавшего. К тому же колоссальную роль сыграло крепостное право – как реальность до 1861 г. и как его пережитки после реформы, в сознании же – до сегодняшнего дня. Об этой «гримасе истории» (по выражению В.О. Ключевского) писал еще П.Я. Чаадаев в 1854 г.: «Всякий знает, что в России существует крепостное право, но далеко не всем знакома его настоящая социальная природа, его значение и удельный вес в общественном укладе страны. Было бы при этом большим заблуждением представлять себе, будто его воздействие ограничивается тем несчастным слоем населения, который подпадает под его тягостное давление, на самом деле, чтобы отдать себе отчет в его наиболее пагубных последствиях, следует по преимуществу изучать влияние крепостного права на те классы, которым оно на первый взгляд выгодно. Благодаря своим явно выраженным аскетическим верованиям, благодаря прирожденному темпераменту, мало заботящемуся о внешних преходящих благах, наконец, благодаря огромным расстояниям, которые часто отдаляют его от владельца, русский крепостной – приходится это признать – не так уж жалок, как это могло бы представляться. Притом его теперешнее положение естественно вытекает из предшествующего. К рабству привело его не внешнее насилие, а логический ход вещей, вытекающий из его внутренней жизни, из его религиозных убеждений, из всей его природы. Если вам нужны доказательства, взгляните только на свободного человека в России – и вы не усмотрите никакой заметной разницы между ним и рабом. Я бы даже сказал, что в преклоняющейся перед судьбой наружности последнего есть нечто более достойное, более устойчивое, чем в колеблющихся опасливых взглядах первого».

Дело в том, что по своему происхождению и по своим отличительным чертам русское рабство представляет собой единственный пример в истории: в современном состоянии человеческого общества она не знает подобного. Если бы в России рабство было таким же учреждением, каким оно было у народов древнего мира или каково оно сейчас в СевероАмериканских Соединенных Штатах, оно бы несло за собой только те последствия, которые естественно вытекают из этого отвратительного института: бедствия для раба, испорченность для рабовладельца; последствия рабства в России неизмеримо шире. Мы же заметили, что, будучи рабом во всей силе этого понятия, русский крепостной вместе с тем не носит отпечатка рабства на своей личности, он не выделяется из других классов общества ни по своим нравам, ни в общественном мнении, ни по племенным отличиям; в доме своего господина он разделяет повседневные занятия свободного человека, в деревнях он живет вперемешку с крестьянами свободных общин; повсюду он смешивается со свободными подданными без всякого видимого знака отличия, и вот в этом-то странном смешении самых про-

типовых черт человеческой природы и заключается, по нашему мнению, источник всеобщего развращения русского народа, вот поэтому-то все в России и носит на себе печать рабства – нравы, стремления, образование и вплоть до самой свободы – поскольку о ней может идти речь в этой стране. Не следует забывать, что по сравнению с Россией все в Европе преисполнено духом свободы: государи, правительства и народы. Как же после этого ожидать, чтобы эта Европа прониклась искренним сочувствием к России? Ведь здесь естественная борьба света с тьмой! А в переживаемое нами время возбуждение народов против России возрастает еще и потому, что Россия, не довольствуясь тем, что она как государство входит в состав европейской системы, посягает еще в этой семье цивилизованных народов на звание народа с высшей против других цивилизаций, ссылаясь на сохранение спокойствия во время пережитого недавно Европой потрясения. И заметьте, эти претензии предъявляет уже не одно только правительство, а вся страна целиком. Вместо послушных и подчиненных учеников, какими мы еще не так давно пребывали, мы вдруг стали сами учителями тех, кого вчера еще признавали своими учителями. Вот в чем восточный вопрос, сведенный к своему наиболее простому выражению. Представился случай – и Европа ухватилась за него, чтобы поставить нас на свое место, вот и все.

Говоря о России, постоянно воображают, будто говорят о таком же государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия – целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека, – именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково это – *олицетворение произвола* (курсив мой. – В.П.). В противоположность всем законам человеческого общежития Россия существует только в направлении своего собственного порабощения и порабощения всех соседних народов. И поэтому было бы полезно не только в интересах других народов, а в ее собственных интересах – заставить ее перейти на новые пути».

Не перешла. Над Россией до сих пор тяготеет, по выражению А. Блока, «мертвое и зоркое око, подземный могильный глаз упыря». Слабо развитое правосознание.

Конечно, чаадаевская статья, написанная во время Крымской войны, освещает события односторонне и тенденциозно, не все учитывает. Рабы в Америке были из Африки. Сказывалось расовое неравенство. Да и рабство в Северной Америке не было основной силой производства. И все же в основном Чаадаев был прав. Крепостное право делало рабами по духу значительную часть свободных людей.

Но русская история богата парадоксами. То же самое крепостное право, мало чем отличавшееся от рабства, заставляло передовых мыслителей и просто передовых людей, проникшихся идеями равенства и братства, горячо сочувствовать «униженным и оскорбленным». Отсюда демократичность русской общественной мысли конца восемнадцатого – девятнадцатого веков. Дворянин Радищев мечтал об уничтожении сословных привилегий, стал антидворянским автором. В его представлении права человека и гражданина определялись учением Руссо. Он полностью воспринимает «Декларацию прав человека и гражданина».

Разочарование во Французской революции (особенно возмущение якобинской диктатурой) привело в России к пересмотру понятий о человеке и гражданине. Вместо Руссо на первом месте оказались либеральные учения Бенжамена Констана, мадам де Сталь, Бентама. Эти идеи исповедовали декабристы. Несмотря на разницу взглядов Пестеля, Н. Тургенева, Н. Муравьева, в программах тайного общества было и много одинакового – интерпретация прав человека и гражданина. Наиболее ярко они отразились в пушкинской поэзии той поры, прежде всего в оде «Вольность», пропагандировавшей по существу идею правового государства. Полемизуя с радищевской «Вольностью», Пушкин на первое место выдвигал закон и свободу. «Вечный закон» выше государства, положительного права, значимее суверенитета народа.

Однако эти представления о политической свободе, выдвигавшиеся во имя освобождения народа, оказались чужды самому народу. Крестьян не интересовали ни парламент, ни права гражданина. Этот разлад был неслучайным. Для русской истории бланкизм оказался характерным явлением. Народу предлагали преобразование, не спрашивая его согласия. В этом сходились и Петр I, и Петр Ткачев, и Александр I, и Александр Ульянов, и Владимир Ленин. Идеи прав человека и гражданина были чужды русскому крестьянину. Недаром Белинский писал, что во время бунта, революций русский мужик не в парламент пойдет, а в кабак побежит. И хотя русские мыслители не отказались от бланкизма и после катастрофы 14 декабря, но шаг в сторону приоритета прав человека перед правами гражданина они сделали. Пушкин тридцатых годов существенно меняет свои позиции. В 1836 г. поэт писал:

Не дорого ценю я громкие права,  
От коих не одна кружится голова,  
Я не ропщу о том, что отказали Боги  
Мне в сладкой участи оспоривать налоги  
Или мешать царям друг с другом воевать;  
И мало горя мне, свободно ли печать  
Морочит олухов, иль чуткая цензура  
В журнальных замыслах стесняет балагура,  
Все это, видите ль, слова, слова, слова.  
Иные, лучшие мне дороги права;  
Иная, лучшая потребна мне свобода:  
Зависеть от царя, зависеть от народа –

Ни все ли нам равно. Бог с ними.  
Никому Отчета не давать, себе лишь самому  
Служить и угождать; для власти, для ливреи  
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;  
По прихоти своей скитаться здесь и там,  
Дивясь божественным природы красотам,  
И пред созданьями искусств и вдохновенья  
Трепеща радостно в восторгах умиленья,  
Вот счастье! Вот права...

Права не только поэта. Права человека. Их Пушкин утверждает в «Капитанской дочке» и вообще в творчестве тридцатых годов. Но поэт был так же противоречив, как и его эпоха, и может быть, как все человечество. В те же годы он говорил своему другу Соболевскому, что после освобождения крестьян у нас будут гласные процессы, присяжные, большая свобода печати, реформы в общественном воспитании, в народных школах. По существу, все это и было проведено в период великих реформ шестидесятых годов прошлого века. Но народ оказался к ним неподготовленным, особенно к судебным преобразованиям. Чеховские персонажи наглядно демонстрируют это. Недаром Лев Толстой не принимал всю судебную систему, даже адвокатов. «Все эти люди: смотритель, конвойные, все эти служащие... сделались злыми только потому, что они служат...» «Люди эти страшны. Страшнее разбойников...»<sup>1</sup> «Все дело в том, – думал Нехлюдов, – что люди эти признают законом то, что не есть закон, и не признают законом то, что есть вечный, неизменный, неотложный закон, самим Богом написанный в сердцах людей... Все дело в том, что люди думают, что есть положения, в которых можно обращаться с человеком без любви, а таких положений нет... с людьми нельзя обращаться без любви... И это не может быть иначе, потому что взаимная любовь между людьми есть основной закон жизни человеческой.»

Но дело не только в «верхах». Беда в том, что в России вообще не было развито (да и сейчас не развито) чувство собственного достоинства. Об этом с горечью говорил Белинский в письме к Гоголю: «Россия видит свое спасение...» в пробуждении «...в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе... А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: ваньками, стешками, васьками, палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей».

Без чувства человеческого достоинства не могло быть интереса и к правам гражданина. И даже к правам человека. Хорошие мысли передовых людей падали на каменистую почву. Создалась трагическая коллизия: прогрессивные идеи были чужды народу. Типичный бланкизм. Но и без тех преобразований, к которым звали декабристы, не могла дальше развиваться Россия. И не мог появиться человек. Диогенов фонарь мало что высветит в девятнадцатом веке. А двадцатый вышел из девятнадцатого.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**И. Дядькин.** Вы, вероятно, пробовали исследовать аналогию отмены рабства в США в девятнадцатом веке и отмены крепостного права в России. Что общего между этими событиями и какая разница?

**В. Пугачев.** Свобода населения в Америке и в России несопоставимы. Поэтому тут все шло по-разному. В России большинство рабы, в Америке это только в основном в южных штатах; в общем, соотношение это гораздо меньше. А правовая культура Америки к этому времени – это же наследство Англии, начиная с Великой Хартии Вольностей, через революцию семнадцатого века. Поэтому это шло очень по-разному.

**И. Дядькин.** Но ведь негров тоже не спрашивали, хотят они свободы или не хотят.

**В. Пугачев.** Негров тоже не спрашивали, это верно. Видите ли, бланкизм появился не в России, а во Франции. С места. Вы, наверное, сопоставляли российскую ситуацию в девятнадцатом веке с современным состоянием дел в России и общим нынешним безразличием к свободам и правам человека большинства жителей России?

**В. Пугачев.** Да, конечно.

**В. Лобанов.** Вы ничего не сказали о принципе национального самоопределения. Каково ваше отношение к принципам национального самоопределения?

**В. Пугачев.** Я сознательно не говорил об этом, потому что эта идея, к сожалению, впервые была высказана не мной, и я не хочу быть в роли плагиатора. Ее впервые я услышал от Сергея Адамовича Ковалева, когда он выступал в Саратове. Я его точку зрения полностью разделяю. Ленин, большевики допустили колоссальную ошибку: они национальный вопрос обострили. Одно дело равноправие наций – культурное и прочее, а другое – ставить вопрос о государственном отделении. Это ведь был демагогический лозунг. По какому принципу? Нынешние события показали, что все это не так просто. Сколько в Якутии якутов? Семна-

<sup>1</sup> Толстой не дожил до советского суда.

дцать процентов. Они ставят вопрос о создании самостоятельной Якутской республики. Я думаю, что это просто нереалистично. Америка обошлась же без этого. Ну, создали штаты и никаких там национальных, государственных отделений нет.

**Г. Марьяновский.** Декабристы и другие демократы определяли уровень свободы для народа (а народ в это время сам определял свой уровень свободы). Если бы те люди, которые определяли уровень свободы народа, этого не делали, а занимались бы повышением его культуры, образования и т. д., пошло бы развитие России в дальнейших его революционных событиях по другому пути?

**В. Пугачев.** Я на этот вопрос не смогу ответить. Ведь в истории колоссальную роль играет случай. Откуда мы знаем, какие были бы случайности, если бы победили декабристы? Ну, допустим, они победили бы – победить они могли. Но мы не знаем, к каким последствиям это привело бы. Это могло привести к бонапартизму, к чему-то вроде сталинизма,

В отличие от физики, от математики в истории нет ни одного известного закона. Я думаю, история вообще не наука. Поэтому как можно сказать, что было бы? Если бы раньше отменили крепостное право, конечно, было бы лучше. Но мы не знаем, что произошло бы одновременно с этим в случае победы декабристов. И опять-таки кого – Пестеля или Никиты Муравьева?

**А. Азаров.** Что нового дала в свое время общественно-политическая жизнь России для представления о правах человека? Или мы только все заимствовали?

**В. Пугачев.** Российская мысль сконцентрировала внимание на правах человека, а не на правах гражданина. Для русской мысли характерно лидерство в литературе. Толстой, Достоевский. Это к вопросу о правах человека.

Если человек умирает от голода, нарушается его право на жизнь? Литература этот вопрос поставила. Если человек умирает от того, что нет денег на лекарства или на операцию, нарушается его право на жизнь? Литература к этому вопросу подошла по-другому. Русская литература здесь подошла с позиций очень дальних. Когда-то православная религия, которая часто обращала внимание именно на человеческое достоинство и т. д., как-то отстранялась от прав политических, от прав гражданина.

## Самиздат: поиски определения

**А. Даниэль,** *руководитель программы «Историй диссидентского движения», НИПЦ, «Мемориал»*

Тема моего выступления заставляет меня скорее ставить вопросы, нежели пытаться отвечать на них. Дело в том, что само существование самиздата породило и продолжает порождать мифы. Каждая эпоха и каждая общественная позиция порождала свой собственный миф о самиздате. Официозный миф старого режима хорошо известен: самиздат – это синоним идейно вредной литературы, засылаемой к нам из-за рубежа или инспирируемой внутри страны спецслужбами «противника» и нелегально распространяемый врагами с целью подрыва советского строя.

Насколько официальная пропаганда преуспела во внедрении этого мифа в общественное сознание – вопрос открытый. Среди части интеллигентной публики имел хождение иной миф. Он сводится к тому, что самиздатская деятельность была ненужной бравадой одиночек, не обладающих достаточной настойчивостью, терпением и талантом, чтобы пробиться в легальную печать, единственно значимую для просвещения народа, для культуры и истории России.

Третий миф – это миф о героической и бескомпромиссной истине, политической, художественной, научной, которая заведомо не живет в подцензурном пространстве. Это мировоззрение априори полагает, что официальная культура вся по определению не может не быть конформистской и рептильной, и что настоящие культурные события совершаются лишь за ее пределами.

Надо ли уточнять, что слово «миф» употребляется мною не в бытовом значении этого слова (т. е., неправда, вранье), а в культурологическом – миф как целостная концепция, претендующая на универсальное объяснение какого-то явления. Не скрою, впрочем, что к любым целостным концепциям лично я отношусь с некоторой опаской.

Сейчас на наших глазах формируется новая мифология, составной частью которой является новый, четвертый, миф о самиздате. Коротко суть этого мифа можно изложить так: «Самиздат – оружие, с помощью которого инакомыслие сокрушило режим». Легко понять, что в своих основных чертах эта концепция должна совпасть – и, действительно, совпадает – с первым, гэбистским, мифом об «идейно вредной» литературе. С точностью, конечно, до перемены знаков.

Какова, в этих условиях сплошной мифологизации, задача добросовестного исследователя? Прежде всего, ему надо разобраться во внутренней структуре явления и понять тот историко-культурный контекст, в котором оно существует. А для начала договориться о значении употребляемых терминов.

Астрофизик Кронид Любарский, осужденный в 1972 г. за распространение самиздата, сказал в своем последнем слове на суде примерно следующее (цитирую не дословно): «В последние годы в словари многих иностранных языков вошло русское слово „самиздат“. Это достойно сожаления, ибо предыдущее русское слово, вошедшее в иностранные языки, было слово „спутник“». В этом высказывании замечательно не столько негативное отношение к явлению (которое, по Любарскому, есть не что иное, как индикатор несвободы в стране), сколько придание ему серьезного, «государственного», «идейного» значения. Такое отноше-

ние к самиздату стало типичным к семидесятым годам (кстати, именно тогда слово «Самиздат» стали писать с большой буквы), но не раньше. Между тем термин появился задолго до того – еще в середине сороковых. Его автором, по-видимому, был московский поэт Николай Глазков, чьи стихи и прозаические миниатюры полуабсурдистского толка были хорошо известны в околосредовой среде, но почти не печатались при его жизни. Глазков придумал такую забавную литературную игру: составлял небольшие машинописные сборники своих стихов и прозы, сшивал их в брошюры форматом в пол-листа и дарил друзьям. А на титуле ставил им самим придуманное слово «самсебяздат». Собственно, нет ничего нового в том, что автор дарит друзьям копии своих произведений; игровой момент был именно в оформлении, в пародировании официального книгоиздания, в этом самом словечке «самсебяздат».

Совершенно аналогичная литературная игра описана в рассказе Абрама Терца «Графоманы» – там один из героев «издает» свои стихи в единственном экземпляре и на последней странице «прорисовывает» выходные данные: «Редактор С. Галкин. Художник-оформитель С. Галкин. Технический редактор С. Галкин. Тираж 1 экземпляр». Рассказ написан на рубеже шестидесятых, и оба автора – Абрам Терц и его персонаж – относятся к своей «самиздатской деятельности» гораздо серьезнее, чем Глазков – механизм самостоятельно-го размножения рукописи как реальной альтернативы Госиздату уже вовсю работал. Однако и у Терца еще сохраняется ироническое, хотя и явно сочувственное, отношение к этой деятельности. (Сам Терц предпочел, как известно, иную альтернативу Госиздату).

Тогда же, или несколькими годами ранее, термин был подхвачен литературной молодежью, которая усилила его «игровое» звучание, редуцировав его до «самиздат» – уже прямое передразнивание «государственного» наименования – Госиздат. Впрочем, во второй половине пятидесятых сохранялся еще и старый термин: мне приходилось видеть ранние (1957-1959 годов) машинописные сборники Горбаневской, тогда – поэта чертковского круга, помеченные как «самсебяздат».

Разумеется, я говорю об истории термина, а не о явлении как таковом: неподцензурная литература распространяется в списках в течение столетий – по крайней мере столько же, сколько существует сама цензура. Однако, выбор термина определил новую эпоху в истории неподцензурной литературы: в сопоставлении Самиздата и Госиздата таилась дерзкая и дразнящая идея, охватившая в пятидесятые годы уже значительную часть нового поколения советской интеллигенции – идея противостояния личности и государства, идея независимости. И карнавальное, по Бахтину, звучание слова – не случайность. Оно обеспечивало необходимый в данном контексте оттенок самоиронии, непременное условие свободомыслия в тоталитарном обществе. Это тема, требующая отдельного разговора, и здесь я больше не буду ее касаться; отмечу только, что самоирония сопровождала оппозиционные настроения по крайней мере до конца шестидесятых годов.

В процессе реализации исследовательской программы «Мемориала» «История диссидентского движения в СССР» нами была собрана значительная архивная коллекция материалов по данной теме – безусловно, крупнейшая на сегодняшний день в России и, по всей видимости, вторая по величине в мире (после архивных фондов Отдела Самиздата Исследовательского института Радио Свобода – Свободная Европа). И вот, работая с материалами этого архива, мы столкнулись с проблемой терминологических определений: что такое самиздат и каковы его границы.

В многочисленных справочниках «по самиздату», вышедших в последние годы, неформальная печать, документы политических движений последних лет и самиздат в нашем понимании этого слова объединяются по единственному признаку – неподцензурности. Я убежден, что при этом в одну кучу сваливаются совершенно разнородные явления.

Вообще, бесцензурность – это признак не дифференцирующий, а скорее объединяющий целый ряд внутренне неоднородных явлений. И задача моего сообщения вовсе не в том, чтобы констатировать эту внутреннюю неоднородность бесцензурной литературы – разница в культурной и социальной функции различных ее типов и без того очевидна. Я хотел бы сопоставить то, что мы интуитивно понимаем под самиздатом, с другими явлениями, не совпадающими, но смежными с ним в пространстве бесцензурной литературы. Быть может, в результате нам удастся выработать определение предмету нашего интереса.

Замечу сразу, что это определение не может быть основано на содержательных признаках и, в частности, на том из них, который более всего присутствует в современном массовом сознании – на оппозиционности норме. Прежде всего потому, что и сама норма – понятие многозначное. Норма может быть идеологической, а может быть эстетической, и эти две вещи далеко не всегда совпадают. Да и сама оппозиционность норме – явление не качественное, а скорее, количественное; например, можно говорить об «уровне оппозиционности» текста.

Давайте попробуем построить классификацию неподцензурной литературы по социумам, в которых она бытует, и в соответствии со способами этого бытования.

Предельным случаем, точкой отсчета на нашей шкале будет рукопись, вовсе не имеющая хождения. Для истории советской литературы это вовсе не экзотический вариант: рукописи, запечатанные в ящиках письменного стола, составляют большую и значимую часть литературного процесса. Примеры позвольте не приводить – они и так у всех на слуху.

Следующий шаг – это домашняя, или альбомная, литература. Данный тип бытования текста прочно укоренен в российской литературной традиции XIX века; наиболее яркий пример литературы подобного рода в современную эпоху – это «Чукоккала». Главный формальный признак домашней литературы: его существование, как правило, в единственном экземпляре. Отсюда часто встречающаяся уникальность оформле-

ния: использование каллиграфии, виньетки и другие элементы рукописного оформления, автошаржи и экс-либрисы вместо подписей, иллюстрации, рисунки и т. п., зачастую – художественно выполненный оклад. Все это, в свою очередь, затрудняет, если не делает невозможным, дальнейшее тиражирование. Во всяком случае, альбом, будучи изданным, даже фрагментарно, приобретает иное качество, как это и случилось с «Чукоккалой». Далее хотелось бы выделить – не по жанру, а по способу бытования – переписку. Переписка изначально предназначена конкретному лицу, а иногда – определенному кругу адресатов. Конечно, бывают случаи, когда эпистолярная используется для создания произведений, адресованных *urbi et orbi*. Но в этом случае эпистолярным можно назвать лишь жанр, и к нашему случаю эти произведения (например, «Великопостное послание Патриарху Пимену» Солженицына) отношения не имеют. Личная же переписка, как и в предыдущем случае альбомной литературы, обычно не тиражируется, даже если она представляет определенный интерес для круга более широкого, чем круг адресатов. Так, многостраничные и многотомные письма Юлия Даниэля из лагеря читались его друзьями и знакомыми в Москве и нескольких других городах, но не только ими. И те люди, которые не были лично знакомы с Ю. Даниэлем, воспринимали его письма как своеобразную эссеистику на тему «литератор в политлагере» или даже «интеллигент в политлагере»; эта тема была новой для общественного сознания середины шестидесятых, но стремительно актуализировалась. Тем не менее, письма Даниэля, насколько мне известно, не перепечатывались: эта возможность была табуирована их принадлежностью к эпистолярной форме. Другой пример – это эпистолярное наследие так называемого «приютинского братства», многолетняя переписка группы лиц, в которую входили такие известные люди, как Вернадский, Ольденбург, Шаховской и ряд других. По самому составу участников ясно, что эта переписка была культурообразующим фактором уже в момент своего возникновения, а не стала таковым после публикации, скажем, эпистолярного наследия Д.И. Шаховского. Однако, скорее всего не непосредственно, а через идеи кружка, реализуемые каждым его участником в своем творчестве. В общем, переписка – это переходный, на наш взгляд, вариант от «домашней» к «кружковой» литературе.

Кружковая литература – это следующий шаг к публичности. О ее текстах уже можно сказать, что они «имеют хождение». Но – лишь в узком кругу друзей и знакомых автора. Это явление, присущее, вероятно, всем эпохам. Ведь «кружковая» литература – это своеобразная лаборатория, испытательный полигон для литературного творчества. Текст может выйти за пределы кружка – в печать или в неподцензурное пространство, – а может и остаться в этих пределах. Такой известный сейчас поэт, как Борис Чичибабин, с середины сороковых годов существовал лишь для двух-трех десятков своих знакомых в Харькове и Москве (пара его подцензурных сборников шестидесятых годов не в счет). Правда, харьковский же артист Леонид Пугачев положил в начале шестидесятых многие стихи Чичибабина на музыку и сам их исполнял под гитару, и существовали магнитофонные записи этих песен. Но все равно, это еще были тексты, хождение которых оставалось подконтрольным автору. А вот когда в 1968 г. одну из песен Пугачева начинает исполнять (не со сцены, разумеется) И. Кваша, кажется, не зная даже фамилии автора текста, а известный киевский литератор и медик Н. Амосов в своей повести «Мысли и сердце», печатавшейся в «Науке и жизни», цитирует строку из другой его песни, то это уже иное качество бытования. На рубеже семидесятых годов стихи Чичибабина прорвались за пределы «кружковой» литературы. Случился ли этот прорыв по инициативе автора, или без его участия – вопрос другой. Версии, которые могут возникать по этому поводу, относятся, скорее, к истории литературы, чем к библиографии. В середине семидесятых Чичибабин уже признанный автор самиздата, со всеми его атрибутами, включая гонения по месту жительства. А в начале перестройки он «официально» признан и опубликован в «подцензурной» печати. Последнее замечание – это еще одно напоминание о том, что мы говорим здесь лишь о способе бытования текста, а не о нем самом.

Литература, порождавшаяся политическим подпольем, от листовок до солидных манифестов и трактатов по истории, политэкономии и пр., тоже была по преимуществу кружковой литературой, поскольку само подполье с двадцатых годов не представляло собой связанной среды, а состояло из отдельных разрозненных кружков. Этого нельзя сказать о литературе, которая попадала в подполье извне (в 1965-1985 годах от диссидентов): Джилас, Авторханов, Конквест, Бердяев, т. е., типичная самиздатская (точнее, «тамиздатская») продукция. Но даже после 1965 г. подполье чаще всего возникало автохтонно, а связи подпольщиков с диссидентами и вообще с оппозиционно настроенными кругами были минимальны. Поэтому если подпольщики и пользовались какой-то «внешней» литературой, то по большей части, легально изданной в СССР: «Государство и революция» Ленина, работы Плеханова и Каутского. Но уж собственные тексты они, точно, порождали. Оставив в стороне листовки (это отдельный и сложный вопрос), мы обнаружим в текстах политического подполья конспекты и очерки Револьта Пименова и его круга (1956-1957 годы), сборник «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», составленным В. Ронкиным и С. Хахаевым (дело ленинградского «Союза коммунар», 1963-1965 годы), статьи и монографии В. Трубы свободы» и «Закат капитала» Ю. Вудки («рязанско-саратовское» дело, 1969 г.), «Уникапитализм и социальная революция» В. Демина (дело «Революционной социал-демократической партии» Демина и Чукаева, 1983-1984 годы). Эти тексты имеют все признаки именно кружковой литературы. Независимо от замыслов их авторов, они оставались почти исключительно предметом ознакомления и обсуждения внутри самой подпольной группы и на ее границах. Мне неизвестны случаи (за исключением программы ВСХСОН), чтобы подобные тексты публиковались за рубежом, хотя известны попытки в этом направлении.

Далее надо отметить такой тип бесцензурной литературы, как учрежденческая стенная печать, вузовские и школьные альманахи, рукописные журналы и пр. С одной стороны, это явление довольно близко к

домашней литературе (единичность экземпляров текста), а с другой обладает несвойственным последней качеством публичности. Тут действует в определенной степени принцип «зашел – читай», т. е. читателем может стать любой случайный человек с улицы; впрочем, рукописных журналов и альманахов это касается в меньшей степени, чем стенгазет. Тем, кто сомневается в общественной значимости подобной литературы, можно напомнить, что в 1950-60-е гг. вокруг некоторых ленинградских студенческих стенгазет и рукописных журналов разворачивались вполне серьезные разборки с участием районных и городских организаций комсомола, КПСС и даже КГБ. Так что власть относилась к этим опытам достаточно внимательно. С другой стороны, В. Буковский, в своих мемуарах («И возвращается ветер...». М., 1990 г.), вспоминая о своем участии (также в конце пятидесятых годов) в составлении и редактировании рукописного школьного журнала, расценивает эту деятельность, как первые шаги самиздатской периодики, т. е., также придает ей общественное значение – да ведь и в самом деле у него были в связи с этим журналом крупные неприятности. Вслед за Буковским стенную и рукописную периодику относят к самиздату и некоторые современные исследователи (как, например, в сообщении В. Долинина на конференции в Петербурге, проходившей весной 1992 г. и посвященной самиздатской периодике).

Несомненно, перечень видов бесцензурной литературы можно продолжить (например, я не упомянул о студийной литературе, типологически схожей с кружковой, но отличающейся от нее ориентацией на устность исполнения). Однако, на мой взгляд, и этого беглого обзора достаточно, чтобы попытаться определить собственно самиздат по известному методу ковбоя из анекдота: «то, что осталось». То есть, как и было заявлено в начале, обозначить явление через его границы.

Общее в названных выше способах бытования неподцензурных текстов – это ограниченное, контролируемое авторами тиражирование. Таким образом, определением самиздата, которое позволило бы очертить его границы внутри общего потока неподцензурной литературы, не растворяя его среди смежных явлений культуры, становится следующее (увы, не очень операционное) определение: самиздат – это специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде. Автор может лишь «запустить текст в самиздат», дальнейшее не в его власти.

Тем самым я фактически присоединяюсь к формуле Юрия Владимировича Мальцева: «Спонтанное саморазмножение подпольной литературы – вот что такое самиздат» (Ю. Мальцев. Вольная русская литература 1955-1975. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1976). Единственная оговорка касается «подпольности»; этот оборот, как мне кажется, слишком ассоциирован с «оппозиционностью», а это понятие не очень пригодно для формального анализа. На мой взгляд, эссе Гачева о хтонических началах в романах Достоевского совершенно равноправно сосуществует в самиздате с «памяткой» Есенина-Вольпина «Как вести себя на допросах». Вместо термина «подпольная» уместнее было бы, с моей точки зрения, употребить термин «бесцензурная» и тогда все встает на свои места.

Хотелось бы подчеркнуть: все это не игра ума и не упражнение в дефинициях. Без четких классифицирующих признаков не решить ни проблему собирательства, ни проблему научного описания текстов, ни проблему их изучения, ни даже не выработать структуру библиографической цитации и форму ссылок.

Заметим, что предложенное определение не дает возможности установить «начало самиздата», более того, очевидно, что с этой позиции послания протопопа Аввакума ничем не отличаются от «Письма вождем». Но, может быть, это не минус, а плюс данного определения?

С другой стороны, мы можем теперь отсечь модернистское толкование термина: так, неформальная пресса 1987-1990 годов, пусть нелитованная, самиздатом в этом смысле не является – вопреки многим современным библиографам. И это хорошо, ибо, что ни говори, «Хроника текущих событий» и «Экспресс-хроника» не соприродны друг другу, как не соприродны друг другу «диссидентство» шестидесятых-восьмидесятых годов и «демократическое движение» 1987-1991 года. К очень важному и непростому вопросу о соотношении между диссидентством и самиздатом я хотел бы вернуться немного позже.

Из всего сказанного вытекает, что под словом «самиздат» я предлагаю подразумевать не сам текст, а способ его бытования. Действительно, одно и то же произведение может быть последовательно фактом домашней, кружковой и самиздатской литературы, может перейти из неподцензурной литературы в «официальную» (не затрагивая лавины перестроечных публикаций, сошлюсь, например, на судьбу русского перевода романа Хемингуэя «По ком звонит колокол» или на новомировские публикации отдельных искандеровских рассказов из цикла «Сандро из Чегема»). Или, наоборот, из подцензурной литературы в неподцензурное распространение (рассказы Солженицына после изъятия их из библиотек или просто самодельные копии малотиражных или не переиздающихся книг).

Попробуем теперь взглянуть на историю советского самиздата послевоенного периода с заявленной позиции. Конечно, я дам лишь пунктирный обзор, и имена, которые я буду называть, достаточно случайны, их выбор носит, скорее, иллюстративный характер.

Мне представляется по мемуаристике и устным воспоминаниям современников, что в сороковых – начале пятидесятых годов в списках ходили почти исключительно стихи; в сталинскую эпоху это был, прежде всего, Гумилев. Позже появились и современные поэты: Слуцкий, Корнилов, Окуджава, Сапгир, Холин, Евтушенко, Аронов, Ахмадулина.

Рубикон был перейден где-то ближе к концу десятилетия: самиздат освоил прозаические и далеко не всегда беллетристические тексты. Поразительно, но в первую очередь это были переводные тексты: Кест-



лер, Орвелл, Кафка, «Письмо к заложнику» Сент-Экзюпери, Нобелевская лекция А. Камю. Конечно, выбирались произведения, созвучные отечественной проблематике. К сожалению, мы лишь в редких случаях знаем имена переводчиков (так, «Тьма в полдень» А. Кестлера была впервые переведена, если не ошибаюсь, И. Голомштоком где-то в 1958-1960 г.). В сущности, именно они, переводчики, были первыми литераторами, осознанно использовавшими механизм самиздата.

Что касается отечественной прозы, то, как мне кажется, в пятидесятые годы это была проза Платонова, Зощенко и «Доктор Живаго» Пастернака, который распространялся по стране не столько в машинописи, сколько в виде фотокопий с зарубежных изданий. Ну, и конечно, особый жанр, который я бы назвал «републикациями самиздата» – произведения, когда-то опубликованные в СССР и не переиздававшиеся в течение десятилетий: письма Короленко Луначарскому, «Несвоевременные мысли» Горького, Пильняк, Замятин, Булгаков и т. д.

В начале шестидесятых самиздат подхватил мемуары Евгении Гинзбург, рассказы Шаламова, причем явно не в качестве художественной прозы, а как историко-философские произведения. Сюда же надо отнести и знаменитое «Открытое письмо» Эрнста Генри Илье Эренбургу, и одну из самых, по-моему, толстых книг в мире работу Роя Медведева о сталинизме «К суду истории». Последний пример лишний раз показывает, что в шестидесятые годы объем вещи не имел еще решающего значения для того, будет ли она подхвачена самиздатом, или нет.

Видимо, где-то в это же время в самиздате начали циркулировать сборники «Вехи», «Из глубины», работы Бердяева и других религиозных философов начала века. Чуть позже самиздат (вероятно, не без участия эмигрантских организаций) включил в себя и откровенно политическую литературу, поступающую с Запада: Джиласа, Авторханова, программные документы солидаристов. Как и «Доктор Живаго», эти книги распространялись, по преимуществу, в виде фотокопий.

Очень существенным шагом стала попытка Александра Гинзбурга в 1959-1960 г. выпускать самиздатским образом поэтический сборник «Синтаксис». Гинзбург выпустил два сборника, на третьем его посадили. Предприятие явно имело целью создание периодического издания – первый, но очень важный опыт. В это же время и в этом же кругу создавался сборник «Феникс» (сейчас его обычно называют «Фениксом-61», в отличие от «Феникса-66» – сборника, подготовленного Юрием Галансковым пятью годами позже). Характерно, на мой взгляд, что в тот период составлением сборников и альманахов занимаются, по преимуществу, маргиналы с площади Маяковского; по-видимому, этот жанр интуитивно ощущается как нечто качественно отличное от обычной самиздатской деятельности, как новый шаг, требующий большей степени независимости от системы. Кстати, Гинзбург был одним из немногих, репрессированных в те годы в связи с самиздатской (попыткой, в предлагаемом мною смысле) деятельностью: вероятно, госбезопасность тоже отнеслась к этим попыткам с особым вниманием.

И, наконец, предтечами будущей диссидентской эпохи стали два текста, которые можно отнести к правозащитной тематике. Включив в себя эти тексты, самиздат забил колья на территории прежде чуждых ему газетных жанров: публицистики, документалистики, судебного очерка. Я имею в виду стенограмму обсуждения Пастернака на общем собрании московских писателей в 1958 г. и запись процесса 1964 г. над Бродским, сделанную Фридой Вигдоровой.

Отмечу, что альтернативный способ тиражирования неподцензурных текстов – издание их на Западе, – используемый в пятидесятые – начале шестидесятых годов и лишь в единичных случаях в семидесятые, становится настолько популярным, что для него даже возникает специальное, тоже пародийно сниженное, название «тамиздат». Причем на рубеже десятилетий типичным был переход произведения из самиздата в тамиздат. По крайней мере, ряд авторов – Солженицын и другие писатели, не желавшие откровенно ссориться с советской властью, ранние диссиденты – именно так объясняли публикацию своих текстов за рубежом. Насколько эти декларации были искренними и соответствовали ли они реальности, т. е., в какой степени утечка рукописей происходила действительно вне ведома и контроля их авторов, – другой вопрос. Во всяком случае, к середине семидесятых правилом становится противоположное направление дрейфа: из тамиздата в самиздат (чаще всего, в виде фотокопий). Еще позднее, когда каналы возвращения текстов в страну стали относительно хорошо отлаженными, размножение их самими читателями перестало быть необходимостью, во всяком случае, в Москве и Ленинграде. Начался закат самиздата.

Сказанное особенно касается диссидентской и, в частности, правозащитной литературы. Даже «Хроника текущих событий», начиная примерно с 50 – 55 выпусков, приходила к читателю, в основном, в виде нью-йоркского переиздания, или через зарубежное радиовещание на русском языке. Что же касается большинства других диссидентских текстов, то их хождение и «саморазмножение» к концу семидесятых было настолько незначительным, что говорить о них как о произведениях самиздата (а не как о «кружковой литературе») можно лишь с весьма серьезными оговорками.

Диссидентская активность породила огромное количество письменных текстов; именно они составляют подавляющее большинство материалов в архивах отдела Самиздата РС, архиве НИПЦ «Мемориал», ряде фондов Народного архива и в некоторых других исследовательских центрах. Но являются ли они, с предлагаемой точки зрения, самиздатом?

Давайте рассмотрим некоторый умозрительный пример. Вот собрались пять евреев-отказников, предположим, в городе Рига, и сочиняют письмо про то, как в восемнадцатый раз отказали одному из них в праве выезда на историческую родину, да еще и с работы уволили, и в подворотне избили. Формально это

письмо адресовано в отдел адморганов ЦК КПСС и Генеральному прокурору т. Руденко. Фактически же оно отпечатано в восьми экземплярах, и у каждого своя судьба. Два экземпляра честно отосланы по адресу, в ЦК и прокуратуру. Еще два переданы знакомым правозащитникам в Москве. Один из этих экземпляров попадает в портфель «Хроники текущих событий», аннотируется в очередном выпуске, а после того, как выпуск подготовлен, скорее всего уничтожается. Другой посылается с попутным иностранцем за границу и там, после долгих хождений, оседает в конце концов в фондах Центра изучения восточноевропейского еврейства в Иерусалиме. А ксерокопия пересылается в Мюнхен, в архивы отдела самиздата радио «Свобода» и тоже там оседает в справочных фондах. Публиковать его никто не будет: времена, когда такие письма печатались на первых страницах ведущих западных изданий, кончились к середине семидесятых.

Что касается оставшихся четырех экземпляров, то три из них остаются у авторов письма и через месяц благополучно изымаются у них на обыске. Последний же экземпляр, который был предусмотрительно отдан «незасвеченному» знакомому, чтобы тот его хранил, так и лежит где-то на антресолях вместе с другими подобными документами до 1991 г. А в 1991 г. хозяину антресолей понадобилось разобрать старые бумаги. Он весь этот ворох берет и отдает в общество «Мемориал», где мы начинаем думать, что же с этим письмом делать и как его описывать: как самиздатский текст или нет? Что это вообще за самиздат, который никто ни разу не перепечатал?

Хотелось бы, чтобы меня поняли правильно. Сказанное не означает, что в подобных текстах нет никакой ценности. Наоборот, это очень ценные тексты, они имеют двоякую ценность. Во-первых, как свидетельства о преследованиях, о нарушении прав человека в этой стране, свидетельства, содержащие конфетные даты, имена, факты. А во-вторых, как свидетельства сопротивления режиму: ведь само написание и отсылка такого письма – это уже акт сопротивления. Но к самиздату все это не имеет никакого отношения. В данном случае мы имеем дело с документом диссидентского движения, точнее, с документом, связанным с одним из многих наших диссидентских движений – движением евреев-отказников.

Таким образом, далеко не все документы диссидентского движения являются событиями самиздата, что, подчеркну, ни в коей мере не выводит их из сферы наших интересов. Просто эти документы имеют самостоятельную научную ценность, независимо от способа их бытования. Но и принципы классификации их, и методика изучения будут совсем другими.

Какие же материалы, связанные с диссидентством, будут все-таки, с моей точки зрения, также и текстами сам- или по крайней мере тамиздата? Рассмотрим, прежде всего, их жанровую специфику. Это те тексты, которые относятся к жанрам документа, публицистической заметки, судебного очерка, хроники и т. д. То есть это по существу газетные и журнальные жанры. В период петиционной кампании 1966-1969 годов именно эти жанры определяли лицо нарождающегося правозащитного движения. Среди них попадаются блистательные образцы отечественной публицистики, но основная масса этих материалов, – «письма протеста», – при всей важности их изучения, остались все же однодневками, которые, вероятно, не могли бы сами по себе иметь достаточно широкого распространения. Самиздатская форма существования правозащитных документов была изобретена все тем же Александром Гинзбургом, составившим в 1966 г. «Белую книгу по делу Синявского – Даниэля». Эта форма – документальный сборник. В течение ряда лет именно документальные сборники стали общественно значимым явлением в диссидентском самиздате. Можно перечислить целый ряд таких сборников, появившихся после «Белой книги»: «Дело о демонстрации 22 января 1967 г.» Павла Литвинова (1967), его же «Процесс четырех» (1968), «Полдень» Натальи Горбаневской (1969), сборник «Четырнадцать последних слов», составленный Юлиусом Телесиным (1970), и некоторые другие. Чуть позднее, к середине семидесятых, самиздатские альманахи вышли за рамки чисто правозащитной тематики, стали появляться философско-религиозные и общественно-политические сборники, такие как «Из-под глыб» (1974), «Жить не по лжи» (можно отметить еще неудавшуюся попытку собрать альтернативный «Глыбам» сборник под условным названием «Через топь»). Впрочем, первой ласточкой такого рода был, по-видимому, все же галанковский «Феникс-66», часть материалов которого носила даже беллетристический характер. Во всяком случае, библиография самиздатских журналов будет, несомненно, насчитывать многие десятки наименований.

Особое место занимают информационные бюллетени правозащитников и других диссидентских течений: «Хроника текущих событий», «Украинский вестник», «Хроника Литовской Католической Церкви», «Бюллетень комиссии по расследованию случаев злоупотребления психиатрией», «Бюллетень Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов» и ряд других. По самому своему смыслу эти бюллетени были не чем иным, как самиздатскими газетами. Неважно, что интервалы между выпусками составляли от полутора-двух месяцев до полугода. Характер и формы подачи материала, стилиевые и интонационные черты, способы сбора информации и распространения тиража – все это сближает перечисленные бюллетени с такой, например, газетой, как герценовский «Колокол». Только «Колокол» печатался типографским способом в Лондоне и нелегально ввозился в страну в готовом виде, а тиражирование правозащитных изданий происходило, до поры до времени, в соответствии с самиздатской традицией, самопроизвольно и рассредоточенно, по ходу распространения, самими читателями.

Все вышеуказанные соображения подсказывают простой способ определения «самиздатности» диссидентского текста для периода после 1965 г.: аналогом «публикации» такого текста в «Самиздате» могло бы считаться появление его в том или ином самиздатском периодическом издании или сборнике, «самиздатность» которых сомнения, как правило, не вызывает. Конечно, нет правил без исключений. Вероятно, най-

дутся и такие диссидентские документы (особенно второй половины шестидесятых – начала семидесятых годов), которые имели самостоятельное самиздатское хождение, но, тем не менее, ни в какие сборники не вошли. С другой стороны, некоторые поздние повременные издания (например, исторический сборник «Память») ходили в рукописи в весьма ограниченном круге читателей: их распространение шло, в основном, за счет издания за рубежом и последующего нелегального ввоза «тамиздатных» экземпляров в СССР. Однако за основу для составления библиографического справочника этот принцип, думается, можно было бы принять.

Другая сторона связи между самиздатом и диссидентскими движениями состоит в том, что в основе обоих явлений лежит идея не столько борьбы с режимом, сколько игнорирования его предписаний. Это модель поведения внутренне свободного человека в несвободном обществе. Отсюда лозунг правозащитников: «осуществление прав и свобод явочным порядком». Механизмом реализации наиболее важной из таких свобод – свободы слова – и стал самиздат, все равно какой – художественный, политический или научный.

Не случайно КГБ так и не выработал системного взгляда ни на самиздат, ни на диссидентство как явление и так и не научился с ними бороться. Даже в документах Комитета эти слова употребляются нечасто и с обязательным префиксом «так называемые». Конечно, госбезопасность изымала самиздат на обысках; конечно, она иногда изымала и людей, его распространявших. Но она ни разу не сформулировала четкую операционную концепцию. Невозможно бороться с чем-то, что тебя просто игнорирует, и с чем-то, что ты предпочитаешь игнорировать, с явлением, для которого тебя просто нет по определению, с которым ты существуешь в разных измерениях.

Из сказанного вытекает, что я полностью ввожу самиздат как явление в рамки диссидентства. Иными словами, хотя не всякий документ диссидентских движений есть факт самиздата, но всякий текст самиздата (в том числе и относящийся к «сугубо литературной» сфере) есть факт диссидентства как культурно-политического явления.

Отсюда вытекают и некоторые соображения по проблеме, о которой я говорил в начале своего выступления: о роли и влиянии самиздата на произошедшие в нашей стране события. На мой взгляд, это часть вопроса о роли диссидентской активности, шире – о роли инакомыслия. Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен, он требует многих и длительных исследований, но все же я рискнул бы осторожно сформулировать рабочую гипотезу. Полагаю, что миф о самиздате, сокрушившем режим – это все-таки миф. Самиздатчики, диссиденты, инакомыслящие не были в большинстве своем борцами с режимом, а если кто-то и был, то это оставалось его личным делом. Мне представляется, что у инакомыслия (и у самиздата как основного его инструмента) была иная историческая задача: быть полигоном для завтрашнего (нынче уже сегодняшнего) дня, моделью будущего свободного общества. Как диссидентство с этой задачей справилось – другой вопрос.

И последнее, чего я хотел бы коснуться – это вопрос о временных рамках самиздата. Конечно, что касается нижней границы, то как я уже говорил, принципиальной разницы между самиздатом пушкинской и хрущевской эпохи, в общем, нет. Хотя, конечно, распространение запрещенной литературы в списках смогло стать значимым общественным явлением лишь с вхождением в быт пишущих машинок (один огоньковский журналист года три назад несколько патетически, но по существу правильно, предлагал поставить на московской площади памятник пишущей машинке). Появление пишущих машинок в личном владении стало для свободы мысли тем же, чем изобретение Гуттенберга для культуры в целом – это понятно.

А вот вопрос о верхней границе уже несколько сложнее. Ясно, что исчезновение самиздата не могло произойти позже, чем летом 1990 г., когда в СССР была отменена цензура как государственный институт. Однако, самиздат (в нашем понимании этого слова) исчез несомненно раньше. Когда же: в 1987 г., с началом перестройки? В начале восьмидесятых, с усилением репрессий? Я полагаю, что упадок самиздатской деятельности наступил значительно раньше, в конце семидесятых годов, и был связан не с репрессиями, а наоборот, с появлением новых альтернативных самиздату возможностей, в первую очередь «тамиздата».

Но это – тема для отдельного разговора.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**В. Осипов.** Существует ли систематизация всех изданных произведений за все годы самиздата?

**А. Даниэль.** Мы ведем работу в этом направлении. Не только мы, конечно; большая работа была проделана Г. Суперфином в отделе самиздата радиостанции «Свобода». Но все время приходится сталкиваться с проблемой, о которой я говорил: что считать самиздатом. Если для отдела самиздата Исследовательского института радиостанции «Свобода» самиздатом было то, что обработано и издано в специальном фонде под названием «Архив самиздата», насчитывающем, если не ошибаюсь, около девяти тысяч единиц хранения, то для нас этот вопрос далеко не очевиден. Многое из того, что в Мюнхене считали самиздатом, с нашей точки зрения, является документом диссидентского движения, но не самиздатом. Неформальная пресса, например, даже «Хронограф» (миллионы экземпляров подобных газет были изданы в 1987-1991 годах) – для нас это не самиздат.

**А. Арендарь.** Интересна ваша мысль об игровом характере самиздата. Если воспринять ее серьезно, а ее, видимо, надо воспринять серьезно, то очень слабым кажется объяснение причин гибели самиздата тем, что там появился тамиздат. Получаются две версии, два понимания самиздата.

**А. Даниэль.** С возникновением диссидентства самиздат разделился как бы на два русла. В одном русле продолжали бытовать тексты общекультурного характера, и самиздат на самом деле не изменился в этом

смысле, хотя очень многие писатели и публицисты предпочитали публиковаться за рубежом, а не в самиздате. Но, тем не менее, этот самиздат оставался всегда, и элемент литературной игры оставался. Он редуцировался с годами, но остался.

И второе русло – это тексты диссидентского движения, которые становились, на мой взгляд, самиздатскими по мере того, как возникали какие-то коллекции этих документов, сборники, журналы, самиздатские газеты. Постепенно отпечаток самоиронии терялся, хотя вначале присутствовало очень много элементов игры. Но ведь игра в том смысле, в котором я говорю, это не нечто легкомысленное, это как раз попытка моделирования культурной жизни. Когда возникла близкая по духу эмиграция третьей волны за рубежом и появилась возможность моделировать культурную и общественную жизнь не так, как раньше, через самиздат, а живьем, на примере западной эмиграции, на примере тамошних изданий, нужда в иной модели, более сложной для исполнения, постепенно отпала.

**Л. Богораз.** Самиздат существовал постольку, поскольку у него были читатели. Ведь он распространялся и издавался, собственно говоря, усилиями самих читателей. Изменился ли с течением времени спрос на самиздат?

**А. Даниэль.** Что значит спрос? Спрос – это, если бы было предложение. А механизм самиздата именно в том, что не возникает предложения без превышающего спроса. Могу привести пример. Однажды году в семидесятом два народных умельца соорудили из какого-то хлама подобие печатающего устройства типа ротопринта или ротатора. И начали на нем шлепать один за другим экземпляры «Хроники текущих событий». И нашлепали тысячи две, наверное. А потом не знали, куда девать этот выпуск, разве что вместо обоев поклеить, потому что не было такого спроса.

С другой стороны, самиздатский механизм распространения «Хроники» был абсолютно всегда адекватен спросу. Так что нельзя говорить о повышении или понижении спроса именно в силу того, как мне сказал недавно один умный историк книги, что у самиздата не было публикаций, изданий. Были переиздания, потому что каждая новая закладка текста – это переиздание. Именно в силу этого говорить о тиражах самиздата бессмысленно, потому что тираж всегда один – четыре экземпляра или восемь, если на тонкой бумаге, или, если на совсем тонкой, так можно было и двенадцать сделать. Вот и все. Тираж был всегда адекватен спросу.

**Л. Богораз.** На самиздат был спрос?

**А. Даниэль.** И самиздат читали. Если мне дадут в руки самиздат, я буду читать. Вопрос не в том, буду ли я его читать, вопрос в том, сяду ли я его перепечатывать.

**М. Григорян.** Я позволю себе дополнить ответ на предыдущий вопрос. Он связан с тем, что типологически технология распространения самиздата очень близка к средневековому переписыванию текстов. А каковы географические границы вашего материала?

**А. Даниэль.** Мне уже говорили, что предмет моего изучения очень похож на палеографию, что методы, которые я предлагаю, это все равно, что изобретать велосипед. Что касается вашего вопроса, то в научно-информационном центре «Мемориал» функционирует программа «История диссидентского движения в СССР» и, в общем, исследования ограничены этими географическими рамками. Скажем, польский и чешский самиздат не входят в эту программу. Мы с радостью занимаемся самиздатом других новых государств, других республик в пределах СССР. Мне неизвестны попытки сбора таких коллекций ни на Украине, ни в Литве. Не знаю, может быть в Ереване есть такие попытки.

**Е. Захаров.** Вы занимаетесь самиздатом только на русском языке?

**А. Даниэль.** Нет.

**С места.** Делался ли анализ тех тенденций, которые имели место в бывших социалистических странах? Есть ли сходные явления, тенденции?

**А. Даниэль.** Этим много и плодотворно занимается Бременский университет. Там роскошная коллекция восточноевропейского самиздата. Насколько я знаю, Бременский университет проводит типологические сравнения.

**М. Николаев.** Известны ли вам другие определения самиздата в трудах западных ученых? Вы в качестве определяющего признака для характеристики этого явления говорите о непричастности автора к процессу тиражирования. Не кажется ли вам, что процесс тиражирования зависит от общественной значимости текста?

**А. Даниэль.** Уверяю вас, что секретная инструкция ВЧК 1918 г. не была изначально рассчитана на распространение, однако на рубеже шестидесятых – семидесятых годов она усиленно распространялась в самиздате. Если вы имеете в виду авторскую интенцию, то и она далеко не всегда совпадала с бытованием текста. Я уж не говорю о противоположном случае, когда автор мечтает, чтобы его рукопись ходила в самиздате, а она не ходит. И это не значит, что она плохая, она может быть и хорошей, но вот не ходит, чем-то она не глянулась вот этому рынку, если это можно рынком назвать.

А что касается других определений, то вот, насколько я знаю западных авторов, – Уолл, например, или из ранних, кто этим занимался (именно западных, не эмигрантских наших ученых, а западных), они пользовались термином «самиздат», не пытаясь его определять, что зачастую и вредило, по-моему, их работе. Ну, вот, например, лучший архив по самиздату, который я когда-либо в своей жизни видел, ныне покойный архив радиостанции «Свобода», по-моему, значительно проиграл из-за того, что он не сформулировал для себя никакой концепции своего существования. То есть совершенно непонятно, что это такое – центр ли документации, исторический ли архив, издательский ли центр или сервисная служба для радиовещания, или что?

Это, к сожалению, сильно уменьшило научную ценность этого архива, хотя этот архив лучший в мире, самый большой во всяком случае. Самый большой в мире. Судьба его еще не вполне ясна до конца.

**М. Николаев.** Если следовать вашим критериям, попадут ли в самиздат материалы по различного рода аномальным явлениям, НЛО, про снежного человека? Бардовские песни? Для этого критерия не обязателен политический характер?

**А. Даниэль.** Абсолютно нет. Конечно, попадут. Что касается бардовских песен, то тут ведь по сути то же самое. Кстати то, что называется очень нелюбимым мною словом «магнитиздат», возникло, в общем, почти синхронно с современным самиздатом и развивалось в пару с ним. И тексты переходили из письменного вида в исполнительский, из исполнительского – в письменный.

**М. Николаев.** Я думаю, вряд ли в архиве радиостанции «Свобода», например, лежат рукописи о каком-нибудь снежном человеке.

**А. Даниэль.** Лежат.

## Российские законы о гласности и средствах массовой информации

**Г. Резник, доцент, кандидат юридических наук, член Президиума Московской городской коллегии адвокатов, директор Института защиты при международном союзе адвокатов**

Я выступаю как юрист, как застегнувший все пуговицы мундира правоведа, толкующий закон. В данном случае закон России «О средствах массовой информации».

Закон этот принят 27 декабря 1991 г. В действие введен с момента опубликования. Он сменил союзный закон «О печати и средствах массовой информации», который был принят 12 июля 1990 г. Издание ныне действующего российского закона предваряет посвящение: «Памяти журналистов, жизнью своей утверждавших гласность и демократию». Прекрасные слова! За свободу печати боролась очень узкая элита нашего общества и прежде всего лучшие представители журналистского братства, задохнувшиеся в тисках, пожалуй, самой страшной в истории человечества советской тоталитарной цензуры.

В целом я весьма высоко оцениваю нынешний закон, хотя, безусловно, отдельные его нормы нуждаются в совершенствовании. Закон достаточно надежно закрепляет и юридически обосновывает свободу средств массовой информации. В первой же статье закона устанавливается, что в Российской Федерации поиск, получение, производство и распространение массовой информации не подлежат ограничениям, за исключением ограничений, предусмотренных самим законодательством о средствах массовой информации. Статья 3 закона запрещает цензуру массовой информации в какой бы то ни было форме.

Учредителем средства массовой информации может стать любой гражданин, достигший восемнадцатилетнего возраста, если он не отбывает наказание в местах лишения свободы или не признан судом недееспособным. Учредить средство массовой информации вправе также любое объединение граждан, предприятие, организация, чья деятельность не запрещена по закону. При этом учредитель не вправе вмешиваться в деятельность средства массовой информации, за исключением специально оговоренных в законе и учредительном договоре случаев. Руководителей государственных органов и общественных объединений, работников пресс-служб закон обязывает представлять сведения о деятельности этих организаций и должностных лиц средствам массовой информации по запросам редакций. Отказ возможен только тогда, когда запрашиваемая информация содержит сведения, содержащие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну.

Хорошо прописаны права журналиста.

Особо выделю права:

- искать, запрашивать, получать и распространять информацию;
- посещать государственные и общественные органы и организации или пресс-службы;
- излагать свои личные оценки и суждения в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения, за своей подписью;
- отказаться от подготовки за своей подписью сообщения и материала, противоречащего собственным убеждениям;
- снять свою подпись под сообщением или материалом, содержание которого, по мнению автора, было искажено в процессе редакционной подготовки.

Закон устанавливает, что виновные в ущемлении свободы массовой информации несут ответственность в уголовном, административном или дисциплинарном порядке.

В Уголовный и Административный кодексы введены соответствующие нормы, карающие за нарушение прав редакций, журналистов, издателей и распространителей продукции средств массовой информации.

Свобода средств массовой информации – важнейшая политическая свобода. Она составная часть права человека на убеждения и на беспрепятственное их выражение. В статье 19 Хартии о правах человека, в статье 19 Пакта о гражданских и политических правах, а сейчас уже в статье 29 Конституции Российской Федерации право на убеждения конкретизируется как раз через право искать, распространять, получать информацию.

Одновременно свобода средств массовой информации – важнейшая гарантия реализации других прав человека, может быть, единственное действенное средство борьбы общества с произволом властей, их кор-

румпированностью.

Конечно, сами по себе политические свободы, права человека, записанные в законодательстве, неспособны улучшить жизнь людей, повлиять на экономику, изменить культурный и психологический климат в обществе. Но права и свободы человека – необходимая предпосылка общественных перемен, утверждения цивилизованного рынка и конкуренции в экономике, изменения уклада и стиля жизни населения страны. Мы, правозащитники, не должны впадать в состояние скепсиса и разочарования от болезненных издержек свободы и демократии. Они неизбежны. И если кто-нибудь из нас этого не предвидел, то должен упрекнуть себя в наивности. Семьдесят с лишним лет жестоких заморозков бесследно пройти не могут. Нельзя винить население страны за то, что, столкнувшись с новыми проблемами, с гримасами нашей незрелой демократии, массы возжаждали не свободы, а равенства – пусть и в бедности. Мы тронулись в тяжелый путь, и любовь к свободе, уважение к закону постепенно и неизбежно станут прорастать в исковерканных душах граждан.

Недавно меня больно уколола фраза, сказанная на одной нашей правозащитной встрече человеком, который жертвовал своими свободой, здоровьем и жизнью, борясь с бесчеловечным режимом. «Мы сделали из прав человека катехизис и на него молились. В этом была наша ошибка».

Хочу оспорить это утверждение. Если что и разрушило советский тоталитаризм, то это идея правового государства. Производственные отношения – прибегну к марксистской терминологии – отнюдь еще не вошли у нас в противоречие с производительными силами. Экономическое загнивание социализма при отечественных природных богатствах могло идти еще минимум полтора-два десятилетия.

Политические свободы – слова, убеждений, печати, собраний – основа современной цивилизации. Это базовые ценности, выстраданные человечеством. И они для нас, правозащитников, нерушимый катехизис. Ибо отсутствие гражданских свобод означает крушение всех надежд, влечет невозможность достижения прав социальных и экономических.

Но всегда, когда мы произносим это сладкое слово «свобода», встает главный вопрос: как претворить в жизнь с наибольшей пользой для общества и людей свободу личности и в то же время предотвратить злоупотребления этой свободой? В правовом государстве свобода должна быть юридически признана. Правовой принцип формулируется обобщенно так: свобода личности не должна нарушать права и свободы других людей. Я полагаю такой принцип идеалом. В жизни он, скорее всего, реализоваться до конца не может. Но стремиться к этому необходимо.

Применительно к свободе слова, в частности, к свободе массовой информации, проблема еще более обостряется, можно ли вообще говорить о злоупотреблении такой свободой, можно ли в принципе вводить какие-либо запреты на слово?

«Можно», – отвечает на такие вопросы закон. Статья 4 не допускает использования средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для призывов к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства, разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны. Статья 51 не допускает злоупотребления правами журналиста, в частности, для сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, порочения чести и достоинства граждан.

Статья 4 закона вызывает сейчас наибольшие споры. Она по сути накладывает запрет на совершение уголовно наказуемых деяний. Разглашение сведений, составляющих государственную или служебную тайну, призыв к захвату власти, пропаганда войны, разжигание национальной или религиозной нетерпимости, – все эти деяния признаются действующим Уголовным Кодексом Российской Федерации преступлениями. Виновные в их совершении должны привлекаться к уголовной ответственности и осуждаться. Но субъектами преступлений по нашему уголовному законодательству являются только физические лица. Закон же «О средствах массовой информации» устанавливает санкции в отношении самих средств массовой информации. При неоднократном нарушении в течение двенадцати месяцев редакцией статьи 4 закона суд прекращает деятельность средства массовой информации по иску регистрирующего органа или Министерства печати и информации Российской Федерации.

Возникает правовая проблема. Суть ее в правомочности гражданского суда, рассматривающего иск о прекращении деятельности средства массовой информации, констатировать по существу факт нарушения уголовного законодательства. Это очень спорно. Устанавливать преступные события – это все же прерогатива уголовного суда. В то же время обвинительный приговор выносится не по факту преступления, а в отношении лица, виновного в его совершении. Путь такого лица к скамье подсудимых долог: необходимо возбуждать уголовное дело, найти автора уголовного наказуемого текста, доказать его вину, привлечь к ответственности, предать суду. Процедура возбуждения, расследования и рассмотрения уголовного дела трудоемка.

Впрочем, в практике наших прокурорско-следственных органов поставленная проблема звучит несколько иначе. Они вообще не склонны реагировать на нарушение рядом зарегистрированных изданий статей 71 и 74 Уголовного Кодекса Российской Федерации, воспрепятствующих пропаганде войны и действия, возбуждающие национальную и религиозную вражду или рознь. Например, у меня не вызвала сомнения необходимость возбуждения уголовных дел по фактам не менее десятка публикаций в «Дне», «Советской России», «Правде». Но прокуратура дремала либо сознательно закрывала глаза на преступные нарушения. Долгое время не было никакой реакции на такого рода публикации и со стороны Министерства печати. А когда

реакция наступила, она оказалась настолько непрофессиональной, что иски о прекращении деятельности «Дня» и «Советской России» были судом отклонены.

Мне представляется, что в тех случаях, когда нарушения статьи 4 закона «О средствах массовой информации» носят преступный характер, без установления факта совершения преступления в уголовно-процессуальном порядке гражданский суд не вправе рассматривать иски о прекращении деятельности средства массовой информации. Однако для констатации совершения преступления вовсе не обязателен обвинительный приговор. Уголовное дело может не дойти до суда: виновник не установлен (статья под псевдонимом или без подписи) либо освобожден от уголовной ответственности. В таких случаях факт преступления устанавливается в постановлениях следователя о приостановлении или прекращении уголовного дела.

На период следствия деятельность средства массовой информации может приостанавливаться. Статья 16 закона «О средствах массовой информации» предоставляет такое право суду, рассматривающему иск Министерства печати и информации. Считаю, что надо наделить следователя и прокурора правом обращаться в суд с заявлением о приостановлении деятельности средства массовой информации на период расследования уголовного дела. Но без возбуждения уголовного дела и расследования фактов криминальных публикаций бороться с преступными злоупотреблениями свободой массовой информации невозможно. Задача правозащитников в том, чтобы следить за недопустимостью нарушения закона, подавать заявления, по которым должны возбуждаться уголовные дела, закрываться клеветнические, расистские издания.

Иначе, как мне представляется, следует относиться к другому нарушению, сформулированному в статье 4 закона как «разжигание классовой и социальной нетерпимости и розни». Такое правонарушение неизвестно ни одной отрасли права. Норма ответственности за «социальную неприязнь» отсутствует и в уголовном, и в административном законодательстве. Мы проскочили тот момент, когда надо было запрещать коммунистическую партию. Без классовой и социальной нетерпимости коммунизм немислим. Мне кажется, что эта часть статьи 4 обречена на невостребованность.

Большая проблема, на которой подробно остановлюсь – взаимоотношения средств массовой информации и граждан.

Статья 38 закона закрепляет право граждан на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений и должностных лиц. Конечно же, это право реализуется далеко не в полной мере. Для прессы, а значит, и для граждан деятельность ряда властных структур остается по-прежнему закрытой. Граждане России должны знать о своем праве быть информированными о деятельности власти, требовать от редакций изданий, в особенности тех, чьими учредителями являются государственные органы, предоставления оперативных и достоверных сведений. Редакции, опираясь на требования читателей и слушателей, обязаны реагировать на неосновательные отказы в предоставлении запрашиваемой информации.

В законе о средствах массовой информации подробно разработаны вопросы взаимоотношений средств массовой информации и граждан, которые сочли опороченными свои честь и достоинство. Право редакций и журналиста на распространение информации, изложение своих личных взглядов, оценок и суждений имеет одно ограничение: нельзя порочить честь и достоинство граждан и организаций ложными сведениями. На страже прав опороченного и оболганного гражданина стоит уголовный закон, устанавливающий ответственность за клевету и оскорбление, и закон гражданский, дающий право предъявить иск о защите чести и достоинства.

Следует отметить, что наш закон не знает, к сожалению, ответственности за диффамацию в чистом виде. Диффамация – это когда средства массовой информации распространяют порочащие рядового гражданина сведения вне зависимости от того, ложны они или правдивы. Мне очень нравится емкая формула американцев, в которой они выражают всю совокупность своих прав и свобод: «Мое право – это право быть оставленным в покое». Для человека, воспитанного в условиях советской системы, это какая-то чудовищная фраза: как это так гражданин может быть оставлен в покое. В законах о средствах массовой информации за рубежом проводятся различия между статусами частного лица и лица должностного. Должностному лицу, представителю власти предъявляются повышенные требования. Например, если публикуются сведения о том, что член парламента или сената, президент, министр – алкоголик или наркоман, он может требовать сатисфакции только тогда, когда эти сведения ложны. Но если публикуется информация, что, скажем, дворник, закончив трудовой день, тайком от жены под подушкой перед сном выпивает бутылку виски, опороченное частное лицо может привлечь газету к ответственности даже тогда, когда опубликованные сведения правдивы. У нас, к сожалению, ответственность за диффамацию отсутствует. И закон «О средствах массовой информации», и статья 7 Гражданского Кодекса Российской Федерации устанавливают ответственность за распространение сведений, порочащих честь и достоинство, но только если они не соответствуют действительности. Ну, а если бесцеремонно вторгаются в частную жизнь рядового гражданина и оглашают травмирующие его психику сведения? В таких случаях права личности у нас не защищены.

Но вот гражданин сталкивается с тем, что в средствах массовой информации опубликованы порочащие его репутацию ложные сведения. По какому пути ему пойти?

Закон «О средствах массовой информации» предоставляет гражданину право на опровержение или ответ. В то же время существует право обратиться за судебной защитой своей чести и достоинства. 18 августа 1992 г. вышло постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации как раз о вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел о защите чести и достоинства. Постановление устрани-

ло неопределенность, существовавшую в судебной практике, по вопросу предъявления исков о защите чести и достоинства. До выхода в свет постановления пленума суды склонялись к ограничительному толкованию права гражданина на судебную защиту. В чем это выразалось? Закон «О средствах массовой информации» истолковывался так, что опороченный гражданин был обречен на мучительную процедуру: предварительно обратиться в средство массовой информации и затеять с ним переписку, потребовать, чтобы средство массовой информации опубликовало опровержение. Только после того, как оно откажется это сделать, появлялось основание для обращения в суд, да и то только в течение года.

Сейчас эта неопределенность устранена. Все зависит от пути, по которому пойдет гражданин для защиты своей репутации.

Первый путь: гражданин не хочет судиться. В таком случае у него есть два права: обратиться в средство массовой информации с требованием опровержения либо публикации своего ответа. Если средство массовой информации отказывает в опровержении или ответе, то у гражданина появляется право в судебном порядке обжаловать отказ, и тогда суд принимает решение обязать редакцию к публикации. Как оценить этот путь?

Когда ко мне как к адвокату обращаются опороченные граждане, я практически никогда не рекомендую им использовать свое право на ответ. Потому что первая задача каждого клеветника – поставить опороченного человека в положение оправдывающегося. Начал сам доказывать, что ты не верблюд, – значит, цель достигнута. Надо также учитывать, что закон «О средствах массовой информации» дает редакциям право публиковать ответ на ответ, да еще комментарии, т. е. здесь, в сущности, гражданин не только не получает сатисфакции, а, собственно говоря, положение его только усугубляется.

Требовать от редакции реализации права на ответ нужно вот в каком случае.

Закон «О средствах массовой информации» вводит два понятия, которые не совпадают: опорочивание чести и достоинства и затрагивание прав и законных интересов. Простой пример: известный человек – политический деятель, артист и т. д. обнаруживает, что в газете написано, что он страстный болельщик «Спартак», тогда как он всегда болел за «Динамо». Возникает вопрос: информация ложная, действительности не соответствует, но можно ли считать ее порочащей честь и достоинство? Нет, конечно. Как может порочить честь и достоинство человека то, что он болеет на самом деле за другую команду? Но для него это значимо. Друзья ему звонят и говорят: «Вася, ты, милый, оказывается, скрытый болельщик „Спартак“, чего же ты нас обманывал?» Только в подобных случаях можно и нужно использовать право на язвительный ответ либо потребовать опровержения от редакции. В остальных случаях следует идти по линии судебной защиты чести и достоинства.

Статья 62 закона «О средствах массовой информации» (а эта норма впервые была введена в союзный закон «О печати и средствах массовой информации») содержит принципиальную норму – о компенсации морального вреда, причиненного в результате распространения порочащих и ложных сведений. Юристы за введение такой нормы давно сражались, но постоянно сталкивались с противодействием.

Еще один пример того, что искусство демагогии большевиками было доведено до совершенства. Аргумент был совершенно железный: там, «у них», торгуют честью, а репутация советского гражданина столь высока, что не может быть оценена ни в каких суммах. Поэтому вводить норму о компенсации морального вреда нельзя. Конечно, сумма компенсации морального вреда в известной степени условна. Но угроза выплаты денег – единственное средство, способное отрезвить любителей разносить ложь, единственная узда для клеветников.

Пленум Верховного суда 18 августа 1992 г. во-первых, устанавливает: если гражданин хочет обратиться за судебной защитой чести и достоинства, ему не надо вступать ни в какую предварительную переписку, он может сразу обращаться в суд; во-вторых, для неимущественного иска в суд нет никаких давностных сроков. Годичный срок существует только для тех случаев, когда гражданин не через суд, а непосредственно сам хочет выяснять отношения с редакцией. Год прошел, и он не может больше обращаться в редакцию. А в суд может.

Право на судебную защиту – это самостоятельное право человека, которое сейчас закреплено в Конституции Российской Федерации, и оно не может быть подвергнуто ограничению.

Когда суд признает распространенные сведения порочащими честь и достоинство и не соответствующими действительности, он принимает решение о компенсации морального вреда. Размер компенсации устанавливает сам суд. Критерии здесь такие: характер порочащих сведений, степень их распространения, форма вины редакции и журналиста. Учитывается и финансовое положение средства массовой информации.

Могу вам сказать, что суды постепенно начинают взыскивать довольно значительные суммы, выражаемые в миллионах рублей. Компенсация морального вреда – это санкция за правонарушение, которая налагается на средства массовой информации, на виновных должностных лиц и граждан.

Здесь мне хотелось бы обратить внимание на следующий момент. Как быть, если журналист критикует власть, ругает идеи, концепции, политику правительства, законы, постановления парламента? Демократическая правовая власть такую критику должна терпеть. Право журналиста ругать власть, высмеивать власть, даже издеваться над властью, если при этом, конечно, не фальсифицируются факты, не порочатся ложными сведениями конкретные лица. Надо отграничивать мнения, убеждения и оценки от сведений, т. е. от фактической информации.

Я говорю об этом вот почему. В свое время с подачи Генерального прокурора было возбуждено уголовное дело в отношении журналиста Андрея Черкизова, который дал острый комментарий по радиостанции



«Эхо Москвы». Он сказал в нем, что парламент приватизировал не только квартиры, но и конституцию. Обидно, конечно. Верховному Совету надо бы вспомнить существование государства Российского, когда была цензура.

Мне вспоминается одна история, связанная с изданием произведений Щедрина. Цензор пишет отзыв, кажется, на «Письма к тетеньке»: автор порочит власть, он издевается над добропорядочными россиянами, портит нравы, способствует возбуждению ненужных настроений. Заканчивает же цензор так: полагаю, нужно опубликовать, автор ведь всегда так пишет.

Пожалуй, я на этом закончу.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**Л. Богораз.** Как быть, если опорочено достоинство не отдельного человека, а группы лиц? Например, уже два года наши газеты пишут о «лицах кавказской национальности», которые совершают преступления и т. д. Такой этнической общности – «лица кавказской национальности» – вообще не существует. Кто может за них вступить?

**Г. Резник.** Правом предъявлять иски обладают физические и юридические лица. Гражданин может предъявить иск только о защите своей личной чести или умершего либо недееспособного близкого родственника. Если нет юридического лица, т. е. надлежащим образом зарегистрированной организации, вступить некому. Когда порочится религиозная группа, надлежащий истец – церковь, национальная группа – иск вправе предъявить какое-либо общественное объединение лиц этой национальности. В определенных случаях индивидуальный иск о защите чести и достоинства может предъявлять человек, принадлежащий к национальной или этнической группе, даже если он не назван по имени. Но это, как говорят юристы, вопрос факта. Важен контекст. Когда, например, написано: все лица данной национальности мерзавцы, убийцы, насильники и т. п., гражданин этой национальности вправе подать иск, так как сказано обо всех и каждом, а он один из них. Бывает, всем все ясно, а иск о защите национальной чести подать невозможно. Имеют в виду евреев, а пишут «сионисты». Но сейчас у нас зарегистрировано отделение Сионистского общества. Оно и может подать иск о защите чести и достоинства сионистов.

**А. Гладкий.** Что такое «учредитель»? Чем он отличается от собственника? И что значит, когда в газете мы читаем, что учредителем является трудовой коллектив?

Второй вопрос. Каким образом регламентируются и регламентируются ли вообще законом имущественные отношения с функционирующим или возникшим средством массовой информации и, в частности, откуда возникает право на имущество? Откуда оно возникало, например, в случаях, когда газета, принадлежащая организации, потом запрещенной (например, ЦК КПСС), вдруг становилась независимой?

**Г. Резник.** Регистрация средства массовой информации по линии Министерства печати еще не делает редакцию юридическим лицом и не решает никаких имущественных вопросов. Редакция может быть юридическим лицом, а может и не быть им. Если она хочет приобрести статус юридического лица, то должна регистрироваться по другому закону – «О предприятиях и предпринимательской деятельности». Это различие, в частности, бывает очень важным для предъявления исковых требований о компенсации морального вреда.

Например, у меня был процесс (он, кстати, завершился буквально два дня назад) с газетой «День». Ну, кому в голову могло прийти, что газета «День» не юридическое лицо? Представьте себе, выяснилось, что группа изданий определенного сорта: газета «День», «Наш современник», «Литературная Россия» не были юридическими лицами, у них не было даже своего устава. Они являлись структурными подразделениями ИПО писателей. Встает вопрос, кто должен компенсировать моральный вред, нанесенный клеветнической публикацией? Неюридическое лицо не может исполнить решение по такому иску, потому что у «Дня» нет своего обособленного имущества. Надлежащий ответчик в таком случае – ИПО писателей. Учредителем может быть любой гражданин, любое предприятие. Закон «О средствах массовой информации» вообще не решает никаких имущественных вопросов. Если редакция – юридическое лицо, то она собственник. Если нет, то собственник учредитель. Газета может переучредиться: вот тебе и новый собственник. Но вопросы собственности решаются за пределами закона «О средствах массовой информации». Это уже имущественные отношения, которые решаются на основе норм гражданского права.

**В. Гладышев.** В статье 38 закона «О средствах массовой информации» закреплено право граждан и редакции на получение достоверной информации. В статье 39 закреплена также обязанность государственных органов и предприятий предоставлять такую информацию. А механизма ответственности за непредоставление или уклонение от этой обязанности что-то не просматривается.

**Г. Резник.** Есть закон об обжаловании в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан.

**В. Гладышев.** Но информация-то уже устареет за это время.

**Г. Резник.** Дело в том, что информация-то устареет, но наступит определенное реагирование суда в отношении должностного лица, которое нарушило закон. Кроме того, если запрос идет от гражданина, то редакция не обязана ему отвечать.

**В. Гладышев.** Нет, от редакции идет запрос к судебным органам.

**Г. Резник.** Тут смотря о какой информации идет речь.

**В. Гладышев.** Например, осудили гражданина за групповой разбой, причем осужденный в единственном числе, каких-либо вещественных доказательств нет. Редакция делает запрос: на какой правовой основе?

**Г. Резник.** Суд вообще не комментирует решения, которые принимает. Существует определенный порядок обжалования, опротестования судебных приговоров и решений. Судья не обязан никому разъяснять, почему было принято такое решение.

**А. Подрабинек.** Говоря о диффамации, вы согласились, что она не должна распространяться на журналистов, когда они пишут о должностных лицах. Если я правильно понял, то диффамация должностных лиц не является предметом судебного разбирательства.

Должна ли наступать ответственность, если речь идет о лидерах политических партий или о кандидатах в депутаты парламента, которые не являются должностными лицами, но общественная значимость их достаточно высока?

**Г. Резник.** Как я уже говорил, диффамация в чистом виде по нашему закону ненаказуема. Должен измениться тот закон, который есть: каждое лицо, независимо от того, частное оно или должностное, если опубликованы сведения, порочащие его честь и достоинство и не соответствующие действительности, вправе обратиться в суд. Редакция либо должна доказывать свою правоту, либо наступают санкции. Я говорил совершенно о другом – о том, что частное лицо за рубежом может предъявлять иск и в том случае, когда порочащие его данные соответствуют действительности.

**А. Подрабинек.** Как устроен закон?

**Г. Резник.** Закон наш устроен так: если публикуют порочащие данные, которые не соответствуют действительности, то любой гражданин, какое бы он ни занимал положение, имеет право на сатисфакцию.

**А. Подрабинек.** А если сведения соответствуют действительности?

**Г. Резник.** Должно быть так: вмешиваться в частную жизнь рядового гражданина нельзя ни при каких условиях. Неважно, что он совершает какие-то действия, которые не приветствуются с точки зрения нравов, существующих в обществе. Это его частная жизнь. В нее нельзя вмешиваться.

**С места.** На днях средства массовой информации объявили, что журналистам, представителям средств массовой информации запретили присутствовать на заседаниях правительства. Может ли в связи с этим организация российских журналистов подать в суд на правительство: ведь правительство тем самым не только лишило журналистов права на информацию, но и ущемило права народа, наши права?

**Г. Резник.** По закону «О средствах массовой информации» единственное ограничение здесь возможно тогда, когда это связано с распространением сведений, затрагивающих государственную, коммерческую или какую-либо иную тайну.

**С места.** Значит, есть право подавать в суд?

**Г. Резник.** Полагаю, что да. Но учтите, что подавать иск имеют право только граждане, а не организации. Это очень важный момент. Закон говорит о неправомерных действиях, ущемляющих права гражданина. Граждане, лишённые права на получение информации, могут обратиться в суд с иском о защите своего права.

**С места.** Хотелось бы вернуться к вопросу, который задавала Л. Богораз – о лицах «кавказской национальности». Кто может подавать в суд иск о защите их чести и достоинства?

**Г. Резник.** По закону предъявить иск об опорочении чести и достоинства может само лицо, которое опорочили – физическое или юридическое. Чтобы предъявляли иск сторонние организации в отношении других лиц, если эти лица вменяемые, дееспособные, достигли определенного возраста – это по закону не полагается. В свое время был странный иск Шеховцова, – я не знаю, как суд мог его принять, – Шеховцов пекся о чести и достоинстве Иосифа Виссарионовича Сталина.

**С места.** На мой взгляд, публикации, которые сейчас появляются, должны рассматриваться не по статье 7, а по статье 74 как призыв к национальной вражде.

**Г. Резник.** Так это же другой жанр. В данном случае речь идет не о гражданско-правовых отношениях, не о гражданско-правовой защите, а о возбуждении уголовных дел по статье 74 Уголовного Кодекса за разжигание национальной розни. В таком случае необходимо подавать заявление о совершенном преступлении в прокуратуру. А подавать заявление может каждый.

**С места.** Я хотел бы вернуться к вопросу о диффамации в чистом виде. Может быть, следовало бы внести другую формулировку в закон «О средствах массовой информации», например, об ответственности за преследование журналиста. Ведь есть же статья 140 Уголовного Кодекса, которая формулируется совсем по-другому. Если, например, запрещают публиковать что-то. А вот, допустим, периодически, с жесточайшей последовательностью о журналисте пишут, что в детстве у него было недержание мочи. Цель этого – заставить журналиста замолчать. Можно ли расценивать это как попытку устранить журналиста из средств массовой информации?

**Г. Резник.** Есть одна статья, которая крайне редко применяется в силу сложности доказывания состава этого преступления – статья о клевете.

**С места.** А если это не клевета?

**Г. Резник.** Короче говоря, публикуются сведения из вашей прошлой жизни, имевшие место, но которые, скажем так, вас не украшают. Были они?

**С места.** Да, были.

**Г. Резник.** Терпите.

**А. Азаров.** Достаточно широкая полоса жизни не охватывается законом «О средствах массовой информации». Может быть, следует принять какие-то другие законы, регулирующие весь объем свободной информации, право на доступ в архивы, например?

**Г. Резник.** Закон «О средствах массовой информации» не единственный. Есть специальное постановление об открытии архивов. Кроме того, действует Временное положение об издательской деятельности.

**С места.** Когда истец заявляет о моральном ущербе в несколько миллионов рублей, платит ли он госпошлину?

**Г. Резник.** Ничего он не платит, это моральный вред. Опять же постановление Пленума от 18 августа 1992 г. вопрос этот решило. Раньше была противоречивая практика. Некоторые суды требовали внесения пошлины к сумме заявленных требований, как по искам о взыскании материального ущерба. Пленум четко указал: моральный вред, хоть и определяется в денежном выражении, но является вредом неимущественным. Процентная пошлина не взыскивается.

**А. Горелик.** По поводу диффамации. Я сторонник американского подхода к диффамации. Но если довести это до логического конца, то возможна такая ситуация. Допустим, журналисты проводят исследование, в результате которого публикуют данные, что кто-то пьет кефир, а кто-то шампанское, и получается диффамация.

**Г. Резник.** Простите, речь идет о другом. Я говорю о непроступных действиях, не о правонарушениях. Это мое личное дело, что мне выпить перед сном – кефир или виски. Сами по себе эти действия составляют мою частную жизнь. Конечно, когда журналист публикует информацию, что через этого дворника проходит транзит наркотиков, вопрос другой. Я же говорю о частной жизни лица, про то поведение, которое в обществе осуждается, не приветствуется, но не является нарушением закона.

**Т. Котляр.** Сейчас против газеты «Завтра» (бывший «День») возбуждено уголовное дело. Когда аналогичные публикации появляются в провинциальной прессе, что можно сделать?

**Г. Резник.** С заявлением о совершенном преступлении в прокуратуру и в милицию может обратиться кто угодно.

**А. Подрабинек.** В Думе собирают поправки к закону «О средствах массовой информации», одна из них предусматривает, что журналисты после третьего предупреждения лишаются права на профессиональную деятельность, а средства массовой информации, которые после судебного решения предоставят возможность им печататься, лишаются регистрационного свидетельства. Как вы относитесь к этому проекту?

**Г. Резник.** Я отношусь к этому отрицательно, потому что в принципе запрет на занятие определенной деятельностью – это, между прочим, разновидность дополнительных уголовных наказаний, которые назначаются по приговору.

Я бы вот над чем подумал. В принципе должен быть, если угодно, профессиональный кодекс, который может применяться, скажем, ассоциациями журналистов, с какими-то смягченными санкциями. В свое время, например, были советы присяжных поверенных (мы восстанавливаем их сейчас). Нарушение норм профессиональной этики влекло временное отстранение адвоката от практики – на три месяца, на шесть месяцев. Я полагаю, что для журналистов, которые допускают совершенно очевидные злостные нарушения закона «О средствах массовой информации», какие-то санкции такого рода могут быть введены. Но не на годичный срок. Я думаю, месяца на три, не более полугода.

**Г. Марьяновский.** Вы сказали, что если какое-то издание входит в коллизию с законодательством, на время следствия это издание можно приостановить. В таком случае можно фактически вообще закрыть газету, начиная вновь и вновь следствие.

**Г. Резник.** Я полагаю, что если возбуждено уголовное дело и предъявлены конкретные обвинения в совершении преступления, то такая санкция может быть применена. Злоупотребления, конечно, могут быть, я не отрицаю. Но издержки неизбежны при любой ситуации, при применении любой, самой идеальной нормы.

Я полагаю, приостановление издания возможно, когда дело не только возбуждено, но уже предъявлено обвинение. Либо возможен другой вариант: заканчивается расследование дела, и после того, как оно направляется в суд, издание приостанавливается на период судебного рассмотрения. Я думаю, что над этим можно поразмышлять, потому что не должно быть такого положения, когда средство массовой информации, несмотря на начавшееся реагирование закона, продолжает нарушать закон.

**С места.** Но ведь дело возбуждается против журналиста, а санкцию предлагается применять к газете.

**Г. Резник.** Ответственность за публикацию несет не только журналист, но и редакция, главный редактор.

**Письменный вопрос.** «Может ли Московский антифашистский центр выступить с иском в защиту лиц „кавказской национальности“?»

**Г. Резник.** Полагаю, что может выступить в печати, но иск такой в суд предъявить по нашему законодательству нельзя. Слово «иск» с самого начала вводит нас в сферу гражданско-правовых отношений. С заявлением о привлечении к уголовной ответственности, ради Бога, выступайте.

**С места.** В каких случаях журналист и газета несут ответственность, если опубликовано интервью, например, с каким-то политическим деятелем, и оно задело чью-то честь и достоинство?

**Г. Резник.** Читайте закон «О средствах массовой информации». Статья 57 содержит шесть пунктов, когда редакция, главный редактор и журналист освобождаются от ответственности за распространенные сведения.

## Законодательное обеспечение свободы слова

**Ю. Вдовин**, *руководитель службы развития телекомпании «Шестой канал», сопредседатель организации «Гражданский контроль», вице-президент «Балтийского центра средств массовой информации», эксперт Фонда защиты гласности*

Журналист – это субъект, обладающий определенными правами и имеющий определенные обязанности. Что для общества важнее: соблюдение его прав или исполнение им своих обязанностей? Я бы все-таки поставил акцент на том, что журналисты существуют потому, что существует Декларация прав человека на получение информации. Журналист – это наемный работник, который соединяет источник информации с массой потребителей информации. И поэтому основное право журналиста – право получать информацию и доводить ее до сведения потребителя – вытекает из его обязанностей перед этим самым потребителем. Эту формулу я бы поставил во главу угла. Необходимо, хотя, может быть, это прозвучит обидно для журналистов, чтобы они осознали, что они не мессии и не учителя, что их задача не формировать общественное мнение, а в соответствии с общественным мнением идти к читателю, зрителю, потребителю с информацией.

У нас с советских времен закрепилось представление о том, что журналисты должны формировать общественное мнение. В Петербурге во время одного из интервью на нашем телевидении возмущенная журналистка спросила: а как же нам формировать общественное мнение? Я ответил: почему вы решили, что вы должны формировать общественное мнение? Это ей показалось очень обидным.

Когда-то, воспитывая сына, я читал соответствующие книги и прочел в одной книге, что дети, выросшие в детских домах, отличаются от детей, воспитанных в семьях, тем, что они знают, что есть такие понятия, как любовь, дружба, семья и т. д., но не верят в них. А дети, выросшие в семьях, – твердо верят в это. Вот и Россия мне напоминает выросшего без родителей ребенка, который знает, что существует Декларация прав человека, знает, что существуют гражданские права, но не верит в это, а значит, и не воспринимает. Статья 19 Декларации прав человека (право на информацию) и понятие свободы слова остаются для нас в достаточной степени абстрактными. И мы не будем ими интересоваться и пользоваться в полном объеме еще очень долго, до тех пор, пока свобода слова не будет обеспечена реальным законодательством. Но для этого надо еще осознать, что такое свобода слова. На каждом углу плести все, что придет в голову, иметь возможность что угодно печатать в любой газете или телевидении – так многие понимают свободу слова, по крайней мере, у нас в Петербурге. Оппозиционеры различных партий требуют эфира, считая, что они должны иметь возможность агитировать, убеждать людей верить им и только им. Вот вопрос: печать, радио, телевидение – это средства массовой информации или средства массовой пропаганды и агитации, которыми они были семьдесят лет? Вот этот стереотип: свобода слова у нас подразумевает возможность через средства массовой информации заниматься пропагандой, а не возможность граждан получать информацию по всем интересующим их вопросам.

Я был председателем в Комиссии по свободе слова в Петросовете. Мы считали, что необходимо законодательно определить некоторые вещи. Нужен закон о свободе информации. Существующий Закон о средствах массовой информации, который пришел на смену Закону о печати, вообще говоря, не обеспечивает свободу слова, свободу получения и распространения информации. И в первую очередь потому, что там закреплён совершенно идиотский принцип, когда в качестве учредителей средств массовой информации выступают органы государственной власти и управления. Есть соответствующие международные документы. Позволю себе привести краткую цитату из документа 1970 г., принятого ассамблеей Совета Европы. В резолюции 424 относительно средств массовой информации и прав человека говорится: «п. 4. Независимость печати и других средств массовой информации от государственного контроля должна быть записана в законе. Любое ущемление этой независимости допускается только на основании решения суда, а не органов исполнительной власти». В этом усматривается один из важнейших принципов возможности существования свободной прессы, свободных средств массовой информации и демократии вообще, т. е., рекомендуется лишить правительство и органы государственной власти возможности заниматься формированием общественного мнения, иначе говоря, манипулировать общественным мнением.

Я напомним, что Германия получила законодательство о средствах массовой информации, в значительной степени приближающееся к этому эталону, в первую очередь, благодаря оккупационным властям, в частности английским, навязавшим ФРГ законодательство, которое в значительной степени защитило средства массовой информации от контроля со стороны органов государственной власти.

Должен с прискорбием отметить, что по своей воле ни одно государство не обеспечило законодательно независимость средств массовой информации от органов государственной власти. Но если в свободных и демократических европейских государствах при относительной экономической стабильности это сейчас не несет серьезной опасности, то в случае нарушения стабильности в этих государствах существует возможность мгновенно поставить средства массовой информации под правительственный контроль и заставить их работать в том направлении, в каком захочет власть. Есть такие возможности, хотя они трудно реализуются в государстве с демократическими традициями. У нас совершенно справедливо говорят об отсутствии свободы слова. Свобода слова у нас существует очень ограниченно, для очень ограниченного числа средств массовой информации, которые могут обеспечить себе экономическую независимость. Самые мощные средства массовой информации – радио, телевидение и центральные газеты – существуют на государственные дотации, и в них осуществляется контроль за выпускаемой информацией, хотим мы этого или нет. Этот

контроль осуществляется в самых разных формах, в первую очередь, под лозунгом борьбы за обеспечение свободы слова. Вообще ограничения свободы слова происходят под самыми разными лозунгами, и они должны быть устранены.

Мы пытались делать практические шаги по устранению ограничения свободы слова. Санкт-Петербургский городской совет предлагал поправку к проекту Конституции Российской Федерации. Эта поправка была направлена нами во все места, в какие только можно было. Но о ней никто ничего так и не услышал. Мною лично она была передана в руки Ельцину, но тоже никакого отклика не было. Смысл поправки сводился к тому, что средства массовой информации провозглашаются независимыми от органов государственной власти и управления. А государственная политика в этом отношении должна быть направлена на поддержание всех средств массовой информации независимо от форм собственности, партийной принадлежности и т. д., и т. п. Все средства массовой информации должны получать дотацию в равной степени. В идеале лучше вообще убрать такой институт, как дотация. Государство должно создать специальные механизмы, которые обеспечат удешевление бумаги для средств массовой информации, понизят цены за использование типографий и средств связи. Это политика инвестиций в бумажную промышленность, создание налоговых льгот для средств массовой информации, освобождение их от налога на добавленную стоимость, снижение различных платежей, обеспечивающих деятельность средств массовой информации, начиная с почты и кончая спутниковыми каналами связи, снижение арендной платы, платы за коммунальные услуги и т. д. Существуют способы, известные во всем мире, как правительству и государству поддерживать и реализовать право граждан на получение информации, не вмешиваясь в деятельность средств массовой информации. Все это мы предлагали закрепить в Конституции. Наши предложения обсуждались в разных местах, но безрезультатно. Я думаю, это происходило потому, что каждый из тех, кто имел отношение к законодательству, прикидывал: а вдруг мы придем к власти, надо будет бороться с оппонентами и тогда хорошо бы иметь возможность как-то влиять на средства массовой информации. Это хоть и без КПСС, но советская ментальность: когда коммунисты управляли средствами массовой информации – это было плохо, когда наши оппоненты управляют средствами массовой информации – это плохо, а вот мы, демократы или еще кто-то хороший будет хорошо управлять средствами массовой информации. Чтобы переломить такую ментальность, необходима предлагавшаяся нами статья в Конституции. Но ее нет.

У нас существует институт учредительства средств массовой информации – нелепейший и глупейший. Это атавизм коммунистического режима. Нужно на первых порах хотя бы исключить из субъектов, имеющих право учреждать средства массовой информации, органы государственной власти. Представители государственной власти должны, наконец, понять, что они имеют право читать газеты, смотреть телевизор, слушать радио. При этом они обязаны представлять без каких-либо условий и ограничений во все средства массовой информации сведения о своей деятельности. Сейчас одних журналистов можно допускать, других можно не допускать к информации. Это свидетельствует о порочности учрежденных властью средств массовой информации. Субсидируемые государством средства массовой информации будут, скорее всего, допущены на заседание правительства, а остальные не будут. Это следствие такого законодательства. И мы остаемся абсолютно глухи к этому, мы говорим, что у нас все обстоит прекрасно со свободой слова. А свобода слова у нас дозированная. Журналисты в Петербурге, например, всерьез обсуждают, что надо делать, где доставать деньги для покупки чиновников мэрии, чтобы получать информацию о том, что там происходит. У нас есть свобода слова, но нет свободы информации, нет обязанности властных структур безоговорочно предоставлять информацию журналистам. Нет закона о свободе информации.

Мы предлагали ввести поправку в Закон о средствах массовой информации, где изменен перечень тех, кто имеет право быть учредителем средств массовой информации. Эта поправка была направлена во многие инстанции – тоже безрезультатно.

В конце концов, мы предложили концепцию законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации. Жить без законодательства о средствах массовой информации невозможно, ибо любые власти без этого всегда будут ограничивать права граждан. Законодательство должно не вводить ограничения для журналистов, а выработать регламент. Без регламента, который обеспечивал бы права граждан на информацию и одновременно защищал их от злоупотреблений свободой слова в средствах массовой информации, жить нельзя. Это предусмотрено и в статье 19 Пакта о гражданских правах.

История показала, что средства массовой информации могут быть жесточайшим образом использованы против граждан. Об этом свидетельствует семидесятилетний опыт Советского Союза, двенадцатилетний опыт фашистской Германии. И сейчас мы от всего этого абсолютно не застрахованы.

В качестве гарантии демократии необходимы новые законы, обеспечивающие свободу и независимость средств массовой информации от властей. Мы предложили концепцию такого законодательства, предложили перечень и номенклатуру законов, где особый раздел составили законы, регулирующие деятельность телевидения и радиовещания. Это самая сложная область, которая никак не регламентирована. Частоты распределяются по совершеннейшему произволу. Вещательная комиссия распущена в связи с роспуском Министерства печати, частоты раздает опять министр связи Булгаков. Он очень хороший человек, раздает частоты очень хорошим людям. Бэлле Алексеевне Курковой он выдал еще одну частоту в Санкт-Петербурге – двадцать седьмой канал, и она будет вещать еще и там. Куркова заявляет, что она самый независимый журналист. В моем присутствии она говорила директору попечительского совета Би-Би-Си г-ну Хассе: «Пятый канал Санкт-Петербурга – очень независимая телерадиовещательная компания. Мы никому не позволим

критиковать Президента». Я очень хорошо отношусь к Президенту, но не дай Бог таких защитников.

Часть наших предложений вошла, между прочим, в Указ Президента об обеспечении информационной стабильности, чему мы немало рады и чем горды. В частности, есть перечень законов, которые мы предложили, о телевидении и радиовещании. Была создана рабочая группа по подготовке проектов законов Российской Федерации по телевидению и радиовещанию, но работать она так и не начала. Мы пошли дальше – предложили Закон Российской Федерации о государственном телевидении и радиовещании, полагая, что в России может существовать как государственное телевидение, так и общественно-правовое, и частное. В мире существует три института телевидения, причем государственного практически уже нигде нет. В Соединенных Штатах Америки есть только частное телевидение. В Европе есть общественно-правовое телевидение, которое нам вообще неизвестно. В Петербурге в 1992 г. мы провели конференцию, на которой рассмотрели эти вопросы. Сейчас издана книга «Права радио и телевидения в России», где представлены материалы этой конференции.

Был такой печальный эпизод в нашей жизни. В Вене проходила конференция по вопросам общественно-правового телевидения, на которую пригласили Брагина и Попцова. По злому стечению обстоятельств конференция начиналась 22 сентября 1993 г. Брагин вообще не прилетел, Попцов прилетел 21 сентября. 22 сентября он улетел обратно, сказав мне, что ни о какой свободе слова в наших нынешних условиях говорить нельзя. Конференция была очень полезной. Она называлась «От контролируемого государством телерадиовещания к общественно-правовому телевидению» и рассматривала взаимоотношения телерадиовещания и властей именно в посттоталитарных, посткоммунистических государствах. Представители телерадиовещательных компаний докладывали, как у них обстоят дела, были специально подготовлены интервьюеры, которые задавали им вопросы. По материалам этой конференции была принята Венская декларация, в которой сформулированы основные требования к телерадиовещанию в посттоталитарных государствах и призыв ко всем государствам обеспечить существование телерадиовещания, независимого от государственных органов власти и реализующего право граждан на информацию.

Я вернулся с этой конференции и разослал обращение во все средства массовой информации. Они никого не заинтересовали. Венское телевидение сняло сорокапятиминутную передачу об этой конференции. Я привез бытовую запись, попробовал ее показать. Копия была плохая, ее не захотели показывать. Тогда я обратился с просьбой к директору Венского телевидения, и нам прислали профессиональную кассету, предложив все авторские права. Ни одна телекомпания не заинтересовалась этим. Сейчас кассета находится у О. Попцова.

Я вернусь к образу детей, воспитанных в семье и воспитанных в детском доме. Для первых целый ряд общечеловеческих понятий естествен, для вторых абстрактен. Так и для России понятие «свобода слова» все-таки в достаточной степени абстрактно и искусственно. Мы говорим: да, конечно, это бывает, но как бы не настоящее понятие, для красоты; да, конечно, права человека есть и право на получение информации есть, но это тоже как бы не настоящее, только для формы, для лозунга, для отчета. И практическая деятельность наша показывает, что именно такое отношение в стране к этим понятиям.

Я нарисовал мрачную картину, но у меня есть некоторые предложения. Прежде всего, надо учитывать то обстоятельство, что наши законодатели вряд ли сами напишут какой-нибудь хороший закон. Сейчас они тусуются вокруг закона о телевидении и радиовещании, пишут закон для того, чтобы существовало государственное телевидение.

Более того, изготовители проекта этого закона также начинают отстаивать свои интересы. Очень уважаемый мною человек Кирилл Игнатьев, придя на работу в «Останкино», сразу поменял свою позицию относительно закона по телевидению и радиовещанию и стал одним из авторов очередного законопроекта, ориентированного на то, чтобы можно было приватизировать и акционировать телекомпанию «Останкино» с его участием.

Человек слаб, и надо об этом помнить. Кто может написать необходимые законы? Мне кажется, рабочая группа тоже не напишет ничего хорошего. Есть только один способ подготовки хорошего законодательства – привлечь к этому слой людей, которые и в обществе, и в журналистике были когда-то диссидентствующими, а теперь я бы назвал их людьми гражданской инициативы. Движение, которое организовало сегодняшнюю конференцию, – это конечно, гражданская инициатива. Вот этот институт гражданской инициативы должен взять на себя тяжелую ответственность писать «болванки» каких-то законов.

Мы в Санкт-Петербурге в ближайшие дни будем работать, видимо, с несколькими представителями различных частных телерадиокомпаний и попробуем написать законодательство о частном телерадиовещании. Но все это бессмысленно, если не будет принята основная концепция развития законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации.

Я был бы рад, если бы здесь возникла инициатива именно законодательного плана. Мы в Петербурге обладаем каким-то опытом и готовы сотрудничать с любыми структурами, которые захотят это делать. Я обращаюсь к вам с призывом не доверять созданию законов о деятельности средств массовой информации государственным чиновникам. Они будут создавать законы, которые обеспечат не право граждан на информацию, а право властей на пропаганду и агитацию.

Самым главным и, может быть, единственным условием демократизации общества является все-таки свобода прессы, а главным условием свободы прессы является ее независимость от органов государственной власти. Если мы эту истину понимаем, если мы будем добиваться, чтобы она стала законодательной

нормой и была поддержана механизмом исполнения законов, то мы можем рассчитывать на позитивные результаты. Россия известна тем, что законы есть, но они не исполняются. Поэтому нужно создавать и соответствующий механизм. В этом могут помочь Ю. Шмидт и его коллеги журналисты, которые так или иначе сталкиваются с юридическими вопросами.

## **ПРИЛОЖЕНИЕ I** **к докладу Ю. Вдовина**

### **ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ**

Все процессы демократизации в нашем обществе требуют информационного обеспечения, ибо только если они будут обеспечены потоками независимой и достоверной информации, возможно принятие наиболее верных решений в любых ситуациях.

Информация искаженная – то ли тенденциозной селекцией, то ли окрашенная пропагандистскими пристрастиями, – рано или поздно приведет к печальным или катастрофическим последствиям.

Для обеспечения целей демократизации общества, по нашему мнению, необходимо срочно обсудить и законодательно закрепить некоторые основополагающие принципы деятельности средств массовой информации в России.

1. Формулируя законодательную базу в области средств массовой информации, необходимо исходить их «Всеобщей декларации прав человека», ст. 19. Законодательство должно обеспечивать право граждан на получение и распространение информации, а не право властей или политических партий навязывать свое видение мира.

2. Необходимо законодательно (конституционно) закрепить принцип независимости средств массовой информации от органов государственной власти и управления.

3. Государственная политика в отношении средств массовой информации должна быть направлена на обеспечение прав граждан на свободное распространение и получение информации.

Это должно выражаться в создании режима наибольшего благоприятствования со стороны властных структур по отношению ко всем средствам массовой информации и всем предприятиям и организациям, обеспечивающим деятельность средств массовой информации.

4. Никакие органы власти в центре и на местах не могут вмешиваться в деятельность средств массовой информации. Через свои пресс-центры и информационные центры они могут (обязаны) предоставлять информацию о своей деятельности всем средствам массовой информации, которые этого пожелают. Дело средств массовой информации и потребителей (подписчиков, радиослушателей, телезрителей) определять объемы используемой информации.

5. Органы власти не могут быть учредителями или владельцами средств массовой информации и не могут выпускать ничего, кроме сборников или бюллетеней своих документов.

6. Финансируемые из государственного или местного бюджетов средства массовой информации (в основном радио и телевидение) не имеют никаких обязательств перед органами власти, осуществляющими практическое финансирование, так как для этого используются деньги налогоплательщиков.

7. Контроль за осуществлением прав граждан на получение информации на финансируемом из государственного или местных бюджетов телерадиовещании осуществляется с помощью попечительских или наблюдательных советов. Члены попечительских или наблюдательных советов не представляют в них партий, общественных движений или организаций, государственных структур, с которыми они связаны или которым они симпатизируют, а представляют интересы телезрителей или радиослушателей, обеспечивая реализацию прав граждан на получение информации. В своей работе они руководствуются только законами и своими представлениями о совести, чести и порядочности.

8. Аналогично сотрудники финансируемых из государственного или местных бюджетов телерадиовещательных компаний не представляют в эфире политических партий, общественных движений и организаций, государственных структур, с которыми они связаны или которым они симпатизируют, практически реализуя право граждан на получение информации.

Право журналиста на представление собственной точки зрения или комментария не должно быть более легко реализуемо, чем право любого гражданина России, только потому, что он нанят на работу, связанную с более легким доступом к микрофону или телекамере. Ведь понятно всем, что воин-ракетчик не имеет право сам выпускать ракету в зависимости от собственных симпатий!

Необходимо обеспечить неукоснительное соблюдение принципа строгого и точного разделения факта и комментария.

9. Законодательно должна быть обеспечена недопустимость монополизации телерадиовещания. В любом регионе одной структуре – государственной или частной – может принадлежать не более чем один частотный канал телевидения и не более чем один канал радиовещания.

10. Недопустима монополизация телерадиоканала любой политической партией, религиозной конфессией, общественным движением или организацией.

11. Необходимо обсудить целесообразность предоставления эфира любым политическим партиям, об-

ественным движениям и объединениям в пропагандистских целях вне периодов предвыборных компаний.

С нашей точки зрения, все политические партии, общественные движения и организации предоставляют через свои пресс-центры и информационные центры информацию в те средства массовой информации, какие считают нужным. И дело средств массовой информации и их потребителей под контролем общественности определять характер и объемы информирования граждан о деятельности таких партий, объединений и движений.

12. Необходимо создать социологические и социально-психологические службы, законодательно закрепить их существование и компетенцию, в задачи которой входила бы защита населения от противозаконного воздействия на аудиторию в негативном направлении (разжигание ненависти, неприязни, призывы к насилию, к другим противоправным антигуманным действиям) на основе психиатрического, психологического, социального, морально-этического и эстетического строго научного и юридически обоснованного анализа.

Часть перечисленных принципов уже входит в закон «О средствах массовой информации Российской Федерации», но, не повторяя их, хотелось бы укрепить их и расширить применимость закона в направлении дальнейшей демократизации средств массовой информации.

**Ю. Вдовин**

## **ПРИЛОЖЕНИЕ II к докладу Ю. Вдовина**

### **ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ В ОБЛАСТИ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ И РАДИОВЕЩАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Российское законодательство в области телевизионной и радиовещательной деятельности должно исходить из основополагающего тезиса о независимости средств массовой информации от органов государственной власти в центре и на местах. Телевидение и радио в России реализует право граждан на свободное распространение и получение информации в рамках действующего законодательства и Конституции. Телевидение и радио не могут рассматриваться и использоваться властными структурами в целях навязывания монопольных представлений о тех или иных событиях в стране и за рубежом, о тех или иных политических доктринах, движениях и т. п.

Обеспечено это может быть в случае принятия следующих законов, регулирующих деятельность телевидения и радиовещания в Российской Федерации.

1. Закон Российской Федерации о лицензировании телевизионной и радиовещательной деятельности.
2. Закон Российской Федерации о государственном (финансируемом из бюджета РФ) телевидении и радиовещании.
3. Закон Российской Федерации о частном телевидении и радиовещании.
4. Закон Российской Федерации о местном (региональном) общественном (финансируемом из местных бюджетов) телевидении и радиовещании.
5. Закон Российской Федерации о рациональном использовании и распределении частотных ресурсов.
6. Закон Российской Федерации о рекламной деятельности на телевидении и радио.
7. Закон Российской Федерации о политическом плюрализме на государственном, местном, общественном и частном телевидении и радиовещании.
8. Закон Российской Федерации об обязанностях частных теле- и радиокomпаний по обеспечению общественных интересов.
9. Закон о производстве, использовании и распространении продукции телевидения и радиовещания.
10. Закон о кабельном телевидении.
11. Закон о проводном радиовещании.
12. Необходимы также законодательные нормы, обеспечивающие невозможность вмешательства государства в деятельность материально-технической базы, обеспечивающей работу телевидения и радиовещания на всей территории Российской Федерации.

Безусловно, указанный перечень не может быть признан исчерпывающим и может быть изменен в любом направлении.

### **КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО СОДЕРЖАНИЮ ЗАКОНОВ**

1. Закон РФ о лицензировании телевизионной и радиовещательной деятельности должен содержать основные положения о лицензировании, содержащиеся в проекте закона об организации телевидения и радиовещания в Российской Федерации. С нашей точки зрения, следует пересмотреть подход к созданию региональных комиссий по телевидению и радиовещанию. Они должны формироваться по территориальному, а не административному признаку, так как распространение теле- и радиoproграмм подчиняется в большей степени законам физики, чем административно-территориальному делению России на субъекты федерации. Кроме того, формирование комиссий вне связи с административными органами в значительной степени



обеспечит независимость комиссий от администраций регионов, обеспечивая независимость телевидения и радиовещания от органов власти на местах. Влияние представительной и исполнительной властей на персональный состав комиссий должно быть сведено к минимуму, и предложения по составу могут формулироваться на основе конкурса, а проведение конкурса – регламентироваться отдельным документом. В любом случае члены комиссий не должны представлять тех общественных организаций и партий, в которых они состоят.

Этот закон не делает различий между теле- и радиовещателями ни по какому признаку. Все виды и типы вещателей обладают равными правами и обязанностями.

2. Закон Российской Федерации о государственном (финансируемом из бюджета РФ) телевидении и радиовещании должен определять взаимоотношения государства с тремя теле- и радиовещательными компаниями: «Останкино», «Россия» и «Петербург – пятый канал». Возможно, необходимы не законы, а договора между учредителем (государство в лице Мининформпечати) и теле- и радиоккомпаниями о характере работы теле- и радиоккомпаний, об обязательствах министерства перед теле- и радиоккомпанией и обязательствах теле- и радиоккомпаний перед телезрителями и радиослушателями. Обязательства министерства должны сводиться к обеспечению бесперебойной и современной материально-технической базы телерадиоккомпаний, а обязанности телерадиоккомпаний – максимально удовлетворять информационным и художественным вещанием телезрителей и радиослушателей, не допуская перекоса в агитацию и пропаганду ограничений в культурной области.

В этом документе должны быть введены нормы по защите телезрителей и радиослушателей на государственном телевидении и радиовещании от назойливой рекламы, от низкопробной продукции, низкой по качественному уровню и т. д. Кроме того, обязательно должна быть норма, стимулирующая защиту российских производителей телепрограмм и радиопрограмм, российских музыкантов, композиторов, режиссеров и т. д. Это может быть в виде ограничений на демонстрацию зарубежной продукции, льготные условия на демонстрацию отечественных видео- и радиопрограмм.

Институт попечительских или наблюдательных советов в структуре регламентации деятельности государственного телевидения не должен строиться по принципу представительства от различных общественных организаций, партий, движений, различных ветвей власти. Предпочтительнее небольшой орган, сформированный на конкурсной основе с категорическим обозначением члену Совета представлять в нем те структуры, с которыми он связан. В основе деятельности Совета – Законы, жизненный опыт и мудрость, честность, порядочность, терпимость, хорошее представление об интересах потребителей продукции теле- и радиоккомпаний, опирающееся на результаты аналитических исследований телекомпании и независимых исследователей. Должен быть аппарат Совета, финансируемый из бюджета компании через фонды и спонсорские взносы.

Следует предусмотреть поэтапный перевод финансирования государственных теле- и радиоккомпаний через госбюджет за счет абонентной платы и других источников с целью дальнейшего отделения телевидения и радиовещания от государства.

3. Закон Российской Федерации о частном телевидении и радиовещании устанавливает права и обязанности частных теле- и радиовещателей по отношению к телезрителям и радиослушателям, обеспечивая невмешательство государства в программную политику частных теле- и радиоккомпаний и обеспечив только защиту нравственности действующего законодательства. Следует предусмотреть в Законе невозможность монополизации частного теле- или радиоканала какой-либо одной политической силой или коммерческой структурой, которая получила бы возможность монопольного владения умами и навязывания определенных концепций в политике или экономике. Главное условие существования частного теле- и радиоканала – реализация права граждан на получение информации, а не только права владельца частотного ресурса на пространство информации.

4. Закон Российской Федерации о местном (региональном) общественном (финансируемом из местных бюджетов) телевидении и радиовещании должен определить права региональных теле- и радиоккомпаний, пока они не перестали быть государственной собственностью. Они должны быть выведены из центральной подчиненности. Если такие теле- и радиоккомпания не владеют собственными частотными каналами, должны быть определены правовые основы использования федеральных частотных каналов: время вещания, объемы производства собственной продукции. В этом случае, возможно, целесообразны ограничения на использование зарубежного программного продукта. Этот закон должен стимулировать развитие регионально-го телевидения и радиовещания.

Здесь также необходимо предусмотреть возможность поэтапного изменения финансирования в сторону ослабления связей с институтами власти и зависимости от институтов власти.

5. Закон Российской Федерации о рациональном использовании и распределении частотных ресурсов предполагает установление точного учета частотных ресурсов в России и в регионах, процедуры предоставления лицензии на использование частотных ресурсов, права и обязанности владельцев лицензий при использовании частотных ресурсов. При разработке этого закона должны быть учтены все нормативные акты Минсвязи в этой области, международные акты и отечественные стандарты. Должна быть прекращена практика зависимости использования частотных ресурсов от Минобороны, МВД, МБРФ и других ведомств. Законодательно должен быть закреплён приоритет права граждан на получение информации через частотные ресурсы России перед всеми другими использованиями каналов, отведенных для осуществления вещания.

6. Закон Российской Федерации о рекламной деятельности на телевидении и радио предполагает разработку нормативов, защищающих права граждан от назойливой рекламы, на сохранение целостности художественных произведений и программ, соблюдение в рекламе нравственных и этических норм, сложившихся в нашем обществе. На государственном и общественном региональном телевидении и радиовещании, существующем за счет государственного и местных бюджетов, объем рекламы должен быть значительно сокращен, особенно в самое используемое время. Следует учесть также, что государственные каналы трансляции используются для трансляции рекламы, в то время как средства выделены для содержания информационных, а не рекламных телепрограмм.

7. Закон Российской Федерации о политическом плюрализме на государственном, местном общественном и частном телевидении и радиовещании должен определить порядок предоставления времени в эфире и степени освещения деятельности общественных движений, партий. Этот же закон должен определить порядок предоставления времени в эфире в периоды предвыборных компаний или проведения референдумов. Безусловно, при разработке указанного закона надо выбрать модель равного представительства всем партиям или пропорциональное представительство, изучить требования национальных меньшинств о предоставлении эфира. Возможно, это самый сложный и деликатный из всех законов этого пакета.

8. Закон Российской Федерации об обязанностях частных телевизионных и радиовещательных компаний по обеспечению общественных интересов должен предусмотреть необходимые обязанности, связанные с чрезвычайными обстоятельствами, требующими оперативного доведения общественно значимой информации до как можно более широкого круга населения (стихийные бедствия, штормовые предупреждения, угроза военного нападения и т. д.). Кроме того, допустимо требование невозможности одностороннего представления событий, их оценок и комментариев и обязанности представления различных точек зрения на каналах, обеспечивающих, в первую очередь, информацию, а не агитирование.

9. Закон о производстве, использовании и распространении продукции телевидения и радиовещания должен обеспечивать соблюдение авторских прав, исключить пиратский прокат теле- и радиопродукции в любых вещательных структурах. Тут же должны быть определены процедуры взаимодействия производителей программ телевидения и радиовещания с прокатчиками, порядок использования кинопродукции, возможность использования рекламы при прокате программ и т. д.

10. Закон о кабельном телевидении должен отрегулировать процесс создания и использования кабельных сетей, гарантирующих абоненту кабельной сети качественный прием всех программ эфирного телевидения, действующих в регионе, без специальных устройств, которые могут понадобиться при вхождении в кабельную сеть. На владельцев кабельных сетей должны распространяться все законы по частному телевидению и радиовещанию. В этом законе должны быть оговорены процедуры распределения, лицензирования и использования частотных каналов в кабельной сети, определены отсылки к техническим требованиям, которые должны соблюдаться при обеспечении вещания.

Следует отметить, что в настоящее время, кроме разрозненных требований ГОСТов, отсутствуют хоть какие-нибудь требования к деятельности кабельного телевидения, а сети развиваются интенсивно и занимаются пиратством, портят эфирные программы, дают очень низкое техническое и художественное качество программ.

11. Закон о проводном радиовещании должен определить порядок наполнения программами сетей проводного вещания в соответствии с требованиями абонентов. В настоящее время это все в руках у чиновников и выбор программного наполнения никак не учитывает потребностей населения. Возможна выработка механизма определения программного наполнения с использованием общественных советов по проводному вещанию или эти функции могут быть возложены на территориальные комиссии по вещанию. Это область, в которой никогда не было никаких регламентирующих документов. Следует определить в этой сети систему приоритетов – местное вещание (районное, городское, областное, республиканское), всероссийское или останкинское с учетом пожеланий радиослушателей.

**Ю. Вдовин**

## **Трудности в защите прав журналистов**

**А. Симонов**, *председатель правления Фонда защиты гласности*

Проблема защиты журналистов пока еще находится вне сферы внимания юриспруденции, и это особенно затрудняет защиту. Что я имею в виду? Во время октябрьских событий семеро журналистов погибли, одиннадцать человек ранены, более семидесяти человек были избиты, арестованы, у многих уничтожены орудия их труда – теле-, фотокамеры и т. д. Конфискованы материалы семи фотоагентств. Я особенно хочу обратить внимание на то, что и конфискации, и избиения, и аресты, и убийства – да, и убийства! – журналистов производились в связи с исполнением ими профессионального долга. Имеются убедительные свидетельства того, что нередко дело обстояло именно так.

До сих пор не возбуждено ни одного уголовного дела против тех, кто совершал все эти беззакония. Итак, первая трудность состоит в том, что нет законов, защищающих права журналистов. Вторая – трудно убедить самих журналистов обратиться в суд за защитой своих прав (пусть не прав журналистов – коль нет специального законодательства, – а просто человеческих прав. По горячим следам мы составили реестр по-

страдавших – в него было внесено семьдесят человек; но через два-три дня некоторые из них просили вычеркнуть их из этого реестра: «Подумаешь, пару раз дали по голове дубинкой, чего не бывает в горячке». Сказывалась традиционная для россиян нелюбовь к сутяжничеству, неверие в возможность добиться через суд результатов. Для этого у нас не хватает времени, сил, настойчивости. Действительно, это невероятно трудно: на кого подавать в суд? Люди, которые избивают журналистов палкой или разбирают камеру, естественно, не представляются. В журналистах, особенно с фото- или телекамерой, они видят потенциальных свидетелей. Нередко стреляли именно на вспышки фотокамер. Но прямых доказательств преднамеренности действий против журналистов у нас, как правило, нет, хотя мы и знаем, где они служат, а иногда и кто они. Но разбираться во всех обстоятельствах должны были бы правоохранительные органы, а они этого не хотят делать.

Сначала Генеральная прокуратура буквально замучила и Комитет защиты журналистов, и нас; Фонд защиты гласности – просьбами представить дополнительные сведения о том, кто, где, когда, кого... Мы подготовили монитор о преследованиях журналистов<sup>2</sup>.

Министр внутренних дел Ерин предложил пострадавшим и тем, кто пытался защищать их, встретиться с ним. Нас собралось человек тридцать. Но собственно никакого разговора не состоялось. В своем монологе министр объяснил нам, что даже в условиях некоторой чрезвычайности, имевшей место в Москве в октябре, подразделения Министерства не могли нарушать правопорядок или препятствовать гражданам в реализации своих прав. Конечно, сказал он, отдельные негативные явления могли быть, в связи с чем уже назначено судебное расследование по тем отделениям милиции, на территории которых произошли конфликты. Нас министр не слушал и не понимал – точнее сказать, не хотел ни слушать, ни понимать. Единственное, о чем нам удалось договориться с Ериным, это о необходимости выработать совместное положение о статусе журналистов в конфликтных ситуациях и в при чрезвычайных обстоятельствах.

Вообще-то такое положение существует: большинство пострадавших журналистов имели тот или иной вид аккредитации. Но, видимо, для экстраординарных случаев необходимо завести специальные карточки, специальный яркий опознавательный знак, по которому журналиста обяzano было бы опознать и признать любое охранное ведомство. Я, конечно, понимаю, что вешать на себя бирку и неприятно и не даст достаточных гарантий безопасности. Но, может быть, это спасло бы хотя бы нескольких журналистов от черепно-мозговых травм.

Почему я считаю нереалистичным, неэффективным нормальный, естественный судебный путь защиты журналистов?

Как я уже говорил, нет специального законодательства. И еще важная причина: чтобы поддерживать иск в судебных инстанциях, нужны опытные юристы. А значит, нужны деньги: труд юристов, как всякий труд, должен оплачиваться, и оплачиваться хорошо. У редакций нет для этого денег. Наши общественные организации – Комитет защиты журналистов, Фонд защиты гласности – тем более не имеют необходимых для этого денег.

Фонд защиты гласности попытается решать эту проблему, как и другие правозащитные организации, с помощью грантов, получаемых «вне наших границ». Это и не очень приятно для нас, и может быть использовано против нас. И, я не сомневаюсь, это непременно будет сделано, как только наши организации окажутся слишком неудобными для министра Ерина или еще для кого-нибудь из власть имущих.

Еще несколько слов о Законе о средствах массовой информации. В этот наш закон введен термин, беспрецедентный в мировой практике, – «учредитель». Во всем мире есть владелец газеты, главный редактор и коллектив редакции – наемные работники; между ними существуют определенные договорные отношения, где определены права и обязанности тех и других. Кто же это такой – учредитель? Ими стали чаще всего работники властных структур. В результате местная (или центральная) администрация, местное представительство президентской власти и т. д. имеют на издание достаточно сильное влияние.

По моим сведениям, уже подготовлены предложения о поправках к закону, согласно которым издания можно будет закрывать не судебным порядком, а административным решением. Понятно, что, если такая поправка будет принята, она мгновенно поставит судьбу издания в зависимость от региональной инспекции. Сегодня имеется еще один орган, имеющий право выносить изданию предупреждение, – судебная палата по разрешению информационных споров. Был информационный третейский суд (членом которого я был в течение двух месяцев). А теперь вот – специальная судебная палата. Именно эти два органа – региональная инспекция и специальная судебная палата – станут узлами вокруг которых будет воссоздаваться вся цензурная сеть. Достаточно вспомнить, что цензура, введенная в прошлом году на несколько дней чрезвычайного положения, практически наполовину была сформирована на базе кадров Инспекции по охране и защите свободы слова, которая, в свою очередь, создана на базе Главлита. Если эти организации будут наделены правом административного закрытия газет и журналов, мы с вами и охнуть не успеем, как нам надо будет защищаться от них. А как?

---

<sup>2</sup> Этот монитор был прочитан О. Панфиловым на семинаре; информация Панфилова была дополнена выступлениями других участников семинара. Мы эти материалы не публикуем в нашем сборнике, так как ко времени публикации они, безусловно, устарели: преследования журналистов продолжаются. С этими материалами желающие могут ознакомиться в архиве МХГ (Москва, Б. Комсомольский пер., д. 8/7, комн. 93) или в Комитете защиты журналистов, в Фонде защиты гласности (Москва, Зубовский бульвар, д. 4, комн. 432). *Прим. ред.*

Самим журналистам стоило бы задуматься о том, чтобы организовать что-то вроде этического комитета; самодеятельный комитет мог бы решать и внутренние проблемы журналистской этики, и отстаивать права самих журналистов и права граждан, желающих получать добросовестную и полную информацию. Журналисты не хотят этого, так как не хотят брать на себя никаких обязательств. Но ведь прав без обязательств не может быть, как и обязательств без прав.

Пока что мы с вами были свидетелями единственного совместного действия всех редакций газет и журналов – это когда они протестовали против попытки правительства повысить цены на печатание. Они решили первую парламентскую неделю и приезд Клинтона «пройти на нулевом варианте», т. е. бастовать в это время. Это солидарное решение привело к встрече с Черномырдиным, и правительственная комиссия пообещала тогда представить свои предложения по облегчению деятельности средств массовой информации. Правда, до сих пор так ничего и не представила.

Но ведь есть и цивилизованные способы объединения не только ради экономических интересов. В Великобритании, например, самой прессой организован и содержится Комитет жалоб на прессу. Он не только защищает интересы читателей, но и защищает журналистов от государственного давления. Этот комитет успешно существует три года. До 90% поступивших туда жалоб так или иначе находят свое разрешение. Стало быть, возможна и такая форма саморегулирования, самосохранения – но и самоограничения.

У нас же ни в одном из печатных или электронных органов массовой информации нет даже своего профессионального кодекса, а если где и есть, то его никто не знает.

Но правда, взять и то, что у нас приходится защищать законы от тех, кто их принимает. Они чувствуют себя отцами закона, т. е. главой семьи, а сам закон – гостем в своем доме. Вот откуда поговорка «закон, что дышло, – куда повернешь, туда и вышло». Так что, с такой психологией, возникни у нас комитет, подобный британскому, еще неизвестно, что из этого получилось бы. Но, может быть, стоит попробовать.

## Раздел II

### Анализ нескольких газет и журналов

**Г. Жаворонков, журналист, «Общая газета»**

Меньше всего мне хотелось бы, чтобы мое выступление походило на доклад. Скорее я назвал бы это размышлениями, не претендующими на бесспорность.

Мы когда-то добились гласности, потом свободы слова. И потерпели сокрушительную победу. Мы обрели какие-то новые несвободы нового качества, порой даже незнакомые для нас.

Несвобода первая: все то, что произошло с редакцией «Гласности» Григорьянца: разгром, захват имущества, чистейшая экспроприация. Пресса робко пискнула «Наших бьют!» – и замолчала. До сих пор нет правовой оценки происшедшего. Прецедент создан. Первый. Значит, будет второй, третий, сотый. Мы никак не определились в правах, в методах защиты. Правда, надо сказать, что и Григорьянец тоже применил для защиты абсолютно те же методы, что и нападавшие.

Несвобода вторая – экономическая. Действительно, трудно поверить, что газета, существующая на правительственные дотации, позволит себе какие-то антиправительственные выступления. Осенью прошлого года меня пригласили в очень уважаемую крупную газету, но поставили передо мной одно условие: учтите, мы – команда Ельцина и играем в одни ворота, а вы будете вести раздел – все вам отдаем – о правах человека, о защите прав человека. Я спросил: если я обнаружу, что в команде Ельцина кто-то нарушает права человека, возможно, даже замешан в каких-то махинациях, преступлениях, то я должен зашить себе рот и промолчать? Мне ответили: да, потому что собака не лает на своего хозяина, ибо он ее кормит. Это было сказано с абсолютно равнодушным цинизмом. Значит, уже все готовы играть роль собаки, которая будет молчать, если хозяин ее кормит. О какой объективности, о какой свободе прессы мы можем рассуждать на сегодняшний день? Дело в том, что у всех совершенно различные стартовые возможности.

Существуют очень неплохие издания, вроде газеты А. Подрабиника. Но их можно просто поставить в более тяжелые условия, не прибегая ни к указам, ни к репрессивным мерам, им можно просто не дать дотацию – и все. Тиражи сократятся. Все скажут равнодушно: рынок, господа, вы не смогли выжить, а вот те выжили. И этих изданий не будет. Мы очень скоро можем оказаться опять, так сказать, в системе однопартийной прессы, как было совсем недавно, и это время еще не забыто.

Несвобода третья, тоже экономическая, но уже нового порядка. Раньше были заказные статьи со Старой площади, теперь – с «Новой» – от зарождающегося класса предпринимателей. Секрет простой: некоторым журналистам основная зарплата выплачивается не в редакционной кассе, а в совсем ином месте. Отсюда скрытая реклама, ложный имидж, трансформация позиций.

Мы с Еленой Боннэр пытались проанализировать несколько газет, дав друг другу задание попытаться обнаружить так называемые заказные материалы. Нам хотелось выяснить, совпадут наши мнения или не совпадут. Мы угадали с точностью до одного, высчитали: вот эта точно заказана, и знаем, кем; вот эта точно оплачена, и знаем, кем. И когда мы позвонили одному из главных редакторов и спросили, как он относится к этой проблеме, он сказал: а теперь никому не заказано быть богатым, зарабатывают и зарабатывают, пусть зарабатывают.

Мы кричали: мафия, мафия, с ней надо бороться, она нам грозит. Но мы можем попасть в такое положение, когда у нас не будет независимых газет, независимых от чьего-то мнения, независимых от чьего-то капитала, потому что капитал будет диктовать то, что ему хочется, и журналисты будут писать то, что им заказывают.

Потеряв очень многое, мы кое-что, впрочем, и обрели. Например, право на хамство. Весной прошлого года одна очень массовая, очень читаемая газета на первой полосе сообщила, что госпожа Елена Боннэр, устав от агитации за Ельцина, уехала подлечиться в Соединенные Штаты. Все с точностью до наоборот. Елена Боннэр, удрав из госпиталя, приехала немедленно на референдум, чтобы принять в нем участие, чтобы высказать свое мнение, чтобы подготовиться к референдуму тех, кто ее еще слышит. Вы думаете, извинились? Да ничего подобного. Главный редактор сказал, что он вообще первую полосу не читает и такие информации вообще не по его части.

Другая газета, тоже очень читаемая, массовая, совсем недавно сообщила устами очень уважаемых мною журналистов, что у Хасбулатова в Лефортове началась «ломка», что, оказывается, вероятно, Верховным Советом управлял просто наркоман. После этого сенсационного сообщения глухо прошло даже не извинение, а простая оговорка, что, вероятно, изменения в здоровье Хасбулатова начались из-за того, что он не может курить привычный для него табак определенного сорта, а курит то, что дают.

Никто не застрахован теперь никакими – ни юридическими, ни этическими нормами – от того, что будет оболган тысячным тиражом, а извинения получит в одном экземпляре. В так называемой партийной печати такое бывало лишь в тех случаях, когда нужно было дезинформировать общество, но это было заказное хамство. Вы все помните, как Михаил Николаевич Яковлев сообщил о том, что Боннэр избивает Сахарова.

Мы приобрели цензуру при отсутствии института цензоров. Не так давно мне пришлось участвовать в диалоге с нашим премьер-министром В. Черномырдиным в передаче «Без ретуши». Передача эта всегда выходит в прямом эфире, вопросы неожиданные, нужно немедленно реагировать, и тут уж не вырубишь топором. Черномырдин сначала не явился, потом отказался от прямого эфира. Три раза собирали журналистов, а он не являлся. В предварительном слове разговаривал с журналистами, как с недоумками, с которыми он соблаговолит, наконец, встретиться, чтобы сказать, что все, что они про него пишут, – глупость и некомпетентность. Задав такой тон, Черномырдин дальше на резкие вопросы не отвечал, а говорил лишь, какой он умный и замечательный.

В конце концов, я решил, что на хамство надо отвечать хамством и сказал ему следующее: у меня в армии был старшина, который исповедовал и заставлял нас исповедовать один принцип: «Не трог технику, и она не подведет». По-моему, ваше правительство исповедует такой же принцип: «Не трог экономику, и она не подведет». Объясните, сколько нам терпеть. Это прошу не я, журналист. Я спрашиваю от имени многих-многих сограждан. Сколько нам терпеть: пятьсот дней, тысячу, полторы тысячи, три тысячи дней? Объясните, пожалуйста, собственному народу, что вы делаете. Мы не можем понять, что вы делаете. Когда Рузвельт проводил свою реформу, в первую очередь он составил программу, а потом объяснял еженедельно, что происходит, что будет дальше. Наше правительство не желает разговаривать. Мы не понимаем, что вы делаете, объясните хотя бы. Обрисуйте какие-то этапы, чтобы можно было скорректировать свои собственные силы, свои собственные средства.

Я получил ответ, что я ничего не читаю, ничего не понимаю, лезу не в свое дело, и вообще замолчите. Каково было мое удивление, когда на следующий день, посмотрев передачу «Без ретуши», не обнаружил там ничего, кроме последних каких-то глупых слов о реформе в Америке. Пунцовый Черномырдин говорил о том, что есть программа, так что вы ее читайте, изучайте; мы все сказали, а вы в этом ничего не понимаете. Значит, есть ножницы, которыми редактор все спокойно вырезал. Он не хотел ссориться с премьер-министром, который может дать или не дать деньги, и решил сделать идиотами журналистов. И, самое главное, ответ на вопрос, который волнует весь народ, не был получен. Они не собираются отвечать нам.

Или вот недавнее сообщение «Вестей» о поездке группы журналистов и писателей в Карабах. Я с тревогой говорил там, что аморально участие русских наемников с обеих сторон, говорил, что Россия должна определить, как она относится к этим людям. По существу, воюют русские против русских. Знаете, жутковатое ощущение, когда воздушная тревога, летит русский летчик. Слушаешь небо на радиоперехвате и слышишь разговор: удастся им сегодня убить или не удастся. Но против них работает русская ПВО, которая пытается их накрыть. Офицеры и солдаты тоже русские. И этой проблемы никто не поднимает. Кто там кто? Мы предали армию, выгнав, быстренько распустив без всякой программы. Они предали нас. И теперь они, по существу, воюют между собой.

Редактор позволяет себе вырезать, что я осуждаю русских наемников как на стороне Азербайджана, так и на стороне Армении. В сообщении остается лишь первая часть. И выходит, что я одобряю, когда русские воюют на армянской стороне, а участие их на азербайджанской стороне осуждаю.

Давно знакомая тактика. Так уже было.

Мы приобрели право на дезинформацию. Наше уважаемое телевидение вдруг сообщает многомиллионной аудитории, что офицерское собрание Украины приняло решение отключить баллистические ракеты на Украине от центрального пульта управления. И ставит точку. Как это понимать? Что Украина завтра жажнет по России? Я пытался добиться истины у министра обороны Грачева и задал ему этот вопрос. Он ответил: «Нет, такого не может быть», не объясняя почему, считая это военной тайной, не желая расшифровывать важнейшую проблему. У зрителя в подсознании отложилось, что Украина может в любой момент отклю-

чить от центрального пульта управления ракеты, и тогда как ядерная держава будет поступать по своему усмотрению.

Помните, как газеты, телевидение в один голос твердили, что, если уж есть у кого хороший президент, так это у Армении.

У Тер-Петросяна рейтинг высочайший, у него целая программа и т. д. Приезжаю в Армению, которая во тьме, холоде и голоде; телевидение включают на сорок минут. Армяне с ужасом спрашивают: «Что вы там говорите? Рейтинг Тер-Петросяна восемнадцать процентов. Мы на грани катастрофы. Почему у вас пшуг такое? Почему не знают, что в Армении происходит на самом деле?»

Я спрашиваю у Тер-Петросяна: «Вам не страшно, что вы отключили электричество в домах, но отключили и обратную связь с народом? Вы не можете выступать, не можете объяснять им, не можете услышать, может быть, что-то нелицеприятное, что вам скажут с экрана телевизора?» Он ответил: «Нет, мне не страшно». Это уже я слышал, когда говорили, что не надо печатать горькие статьи о плохом положении в стране, потому что Леонид Ильич расстраивается и плачет. Теперь расстраивается и плачет Тер-Петросян, и мы спокойно поддерживаем его в этом.

В последнем номере «Общей газеты» Юлий Ким отвечает на письма читателей. Читатель пишет: если Жириновский фашист, то считайте фашистом и меня. Читатель не понимает, что происходит в стране, он лишен всякой защиты, ему не объясняют, как он будет жить, его не защищают. А Жириновский ему понятен, и поэтому он голосовал и будет голосовать за Жириновского. Юлий Ким говорит: не понимает не только читатель, не понимаю и я, что происходит с экономикой, что происходит с политикой, кто прав – Герасценко или Федоров?

Появился какой-то новый вид дезинформации. Гайдар говорит: мы с Федоровым уходим, и начнется новый виток инфляции. Но журналисты не задали Гайдару и Федорову вопрос: а какое положение дел вы оставили в правительстве? Вы не выплатили долги энергетикам, вы не заплатили селу, вы не заплатили шахтерам и т. д., и т. п. Вы оставили столько долгов, которые правительство, хорошее оно или плохое, вынуждено будет заплатить, чтобы избежать социального взрыва. Возьмите на себя часть вины, расскажите, как это произошло, вместо того, чтобы делать красивые жесты, которые ничего не объясняют.

Виновен ли человек, который в кинозале в шутку закричал: «Пожар!», и началась паника: кого-то задавили, кого-то искалечили. Да, виноват, бесспорно. Мы же все время кричим: «Пожар!», пресса все время кричит: «Пожар!», и начинается паника, начинаются убийства. Какая-то маленькая заметка, основанная на непроверенных слухах, написанная с чужих слов, может вызвать необыкновенную панику среди беженцев.

В Сухуми и Грузии мало газет. В газетах, которые пришли в Абхазию, сообщалось, что абхазы вырезали грузин, на очереди русские. Вы не можете себе представить (я присутствовал там), что началось среди русских семей! Кто ответит за это? Люди продавали все, что накопили за свою жизнь, только бы убежать. Когда я встретился с этим корреспондентом, я спросил его, откуда он взял такие сведения. Он ответил: а мне кто-то рассказал в каком-то кабаке, что теперь будут резать русских. Как же так? Было невыносимо, когда в Сухуми тоже ненадолго включалось электричество и по программе «Вести» здоровая румяная девушка таким тоном, как раньше сообщала, что хорошеет Кубанщина, теперь говорила о том, что налаживаются дела в городе Сухуми. А за окном ураганный огонь, грабежи, насилие. Откуда корреспондент взял, что дела налаживаются? Кто-то что-то сказал. Уже не считается цинизмом и непрофессионализмом написать репортаж, вообще не выезжая никуда. – А зачем? Расспрошу кого-нибудь и напишу.

Я позвонил в одну газету и сказал, что будет просмотр фильма о Катыни, если вам захочется написать об этом, можете приехать на просмотр. – А зачем? – сказала молодая журналистка. Вы мне перескажите, я быстро состреляю.

Это пример типичного поведения очень многих журналистов.

Безответственность «четвертой власти», на мой взгляд, сейчас беспредельна. Мы спорим о том, надо или, не надо что-то внедрять в сознание народа. Я думаю, что прежде всего народ нужно информировать, а не дезинформировать. В этом действительно сегодняшняя задача. Рывок цен на средства массовой информации лишил нас читателей. Почему-то об этом здесь не говорили. Многомиллионная аудитория превратилась в тысячную. Мы можем вообще отвлечь от себя читателей, потому что одна неправильная информация в одной газете вызывает недоверие ко всем остальным и нежелание получать их вообще. Информацию давать человеку необходимо. Это тот же хлеб, это то же здоровье, потому что человек, который не понимает, что происходит, или дезинформирован, просто погибает психологически. Мы убиваем его разными средствами. Тиражи уже действительно стали смехотворными. Мы помним, как газета жила, как находила темы. Она имела почту, имела обратную связь с народом. Мы по-настоящему знали, какая самая больная точка, какая не больная. Это было не умоглядное заключение. Сейчас почты нет, обратной связи нет, значит, мы в какой-то степени сами оглохли, и потом с изумлением говорим: Россия, ты одурела, проголосовал за Жириновского. А у Жириновского, я думаю, вся программа построена на том, что он понял основные чаяния народа. Он, конечно, обманывает, у него, конечно, нет ни денег, ни армии, которая будет совершать какой-то рывок, но его команда подготовила ему программу, которая учитывает чаяния народа и обещает быстрое исполнение всех желаний.

Оскорбительно говорить «лицо кавказской национальности». Несколько месяцев назад я поработал «лицом кавказской национальности», чтобы понять, что происходит на самом деле, и ощутил, каково приходится здесь людям, убежавшим из регионов. Но ведь мы не говорим и о том, с чем эти люди сталкиваются

ся. На рынках их бьют, выталкивают оттуда. Мы не говорим о хамстве, только спохватываемся, что какие-то противозаконные акты приняты в Москве. Но такие постановления – глупые постановления. С кавказцев просто начинают брать поборы, а милиция живет замечательно. Вы не заметили – всегда не хватало контролеров в метро, и вдруг сто человек на одно место. А все очень просто: принято постановление не пускать в метро с тележками. Чтобы пропустили с большим грузом, нужно дать несколько тысяч.

Благие постановления, которые принимаются, оборачиваются несправедливым обогащением одних и еще большим обеднением других.

Мы разговариваем о национальных проблемах, на мой взгляд, по-прежнему, с высоты старшего брата, что аморально. Нужно действительно чувствовать проблему и научиться разговаривать по-новому, не стесняясь отвечать народу, почему Россия всех принимает, а россиян отовсюду гонят. Мы должны расставить все точки над *i*. Но мы этого не собираемся делать, у нас какое-то величественное отношение к собственной аудитории.

Погнавшись за западной манерой журналистики, за короткой строкой (это традиция западной журналистики: факт, какой-то легкий комментарий, и все), мы лишили читателя возможности размышлять и сопереживать вместе с нами. Но у нас огромный опыт именно российской журналистики, особой журналистики, где читатель должен проникнуться болью, которой проникся журналист, сопережить это и чуть-чуть, на одну миллиардную, стать другим и задуматься над проблемой. Мы ему пишем только факт, а дальше как хочешь, так и думай.

Цинизм стал нормой; об убийствах, изнасилованиях пишут уже не как о трагедиях, а как о веселеньком факте, который раздобыл журналист.

Журналисты соревнуются: один говорит, что такой-то политический деятель – дурак, другой, спохватившись, говорит, что он не только дурак, но и идиот, а третий – что этот деятель всю жизнь провел в дурдоме. И подавайте вы на журналиста в суд, не подавайте, никакого толку. Да если бы на журналистов по настоящему подавали в суд, то судьям некогда было бы заниматься уголовными делами, они бы занимались только разбором этих дел.

Вообразив себя четвертой властью, мы уже почти лишились этой власти, ибо приобрели нечитающую Россию и неверующую Россию, Россию, которая не слушает четвертую власть и не желает ее слушать и которая не верит этой четвертой власти. И это, на мой взгляд, глубочайшая трагедия.

Я не хотел бы никого ввергать в панику. Мы должны пройти этот путь, но пройти его, прежде всего, размышляя и где-то останавливая себя, приводя себя в человеческую норму, а не в гангстерскую. Перо может действительно спасти человека, но оно может его и погубить. Об этом не нужно забывать. Наверное, нужно думать всем вместе о какой-то комиссии по этике, о какой-то возможности влиять на собственных коллег и издателей. Я не знаю, как это можно сделать. Я не предлагаю никого убивать, вязать, запрещать, клеймить и т. д. Но во всем мире есть какие-то контролирующие организации, которые все-таки заставляют журналистов быть ответственными. Иначе, мне кажется, мы из второй древнейшей профессии переходим в первую. Вы понимаете о чем я говорю: мы продажны, мы глупы, мы неправдивы и мы сознательно не любим собственного читателя.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**Б. Альтшулер.** У меня вопрос больше по первой части вашего сообщения, потому что вторая часть, где вы ополчились на журналистов, вызвала у меня глубокое неудовлетворение. Все мы читали Марка Твена о журналистике Теннесси, и просто нужно, чтобы были серьезные журналисты, которых бы слушали. Хотя бы несколько. А остальной мусор все равно будет, с ним ничего не сделаешь.

Но у меня вопрос по первому, очень важному пункту, с которым я полностью согласен. Есть такой термин "public relation"<sup>3</sup>, этих отношений абсолютно лишено наше правительство. Какие конкретные механизмы, по вашему мнению, могут быть предложены прямо сейчас? Еженедельные пресс-релизы, например, Отто Лациса, Вас, еще нескольких журналистов, которые на независимой телекомпании, где не мог бы тот же Черномырдин проявить свою власть и где Вы могли бы задавать самые нелицеприятные вопросы, и руководители, включая Б. Ельцина, вынуждены были бы отвечать. Это важно, я уверен, было бы и самому Борису Николаевичу, и Егору Тимуровичу, да всем это нужно, кроме тех, кто сознательно хочет уйти в кусты. Как это сделать практически?

**Г. Жаворонков.** Дело все в том, что после диалога с Черномырдиным мы попытались добиться у него ответа, и он пообещал. А сам просто захлопнул дверь и журналистов не пускает. Заседания правительства стали государственной тайной. Что они там будут решать, мы теперь не узнаем.

Механизм можно предложить такой. Я думаю, либо указ Президента о собственной отчетности, отчетности правительства ежедневно, либо решение Думы или еще кого-то. Механизм должен быть обязательно. Вы ведь понимаете, что это все не просто так, это все готовит нас к социальному взрыву. Голосование за Жириновского – первый звонок. Будет и второй, когда это правительство будет сметено, и сметены будут все.

**В. Осипов.** Какие пути дальнейшего укрепления независимости средств массовой информации, свободы слова и свободы информации вы видите?

---

<sup>3</sup> Отношения с обществом (англ.). Прим. ред.

**Г. Жаворонков.** О механизме уже много говорили, и хорошо бы, чтобы это не ушло в песок. Прежде всего, дотации печати не должны зависеть от симпатии или антипатии власть имущих. Дотации должны быть равными. Другое дело, что потом газета выживает или не выживает, имеет или не имеет своего читателя, завоевала своего читателя или не завоевала, но стартовые возможности должны быть одинаковыми. Это не значит, что «Известиям» миллиарды, «Экспресс-хронике» вообще ничего, а еще какой-то газете чуть-чуть. Дотации не должны распределяться в зависимости от чьих-то симпатий. В этом я уже вижу гарантию того, что у нас будут разные издания.

**Т. Акунов.** Какие есть механизмы и законы о средствах массовой информации, чтобы наказать тех журналистов и телевизионщиков, которые допускают непроверенную информацию? Были ли случаи такого наказания?

**Г. Жаворонков.** К сожалению, я не знаю ни одного случая. В «застойные» времена журналиста (если это уж совсем грубо было придумано, а не просто ошибка) ждало большое наказание, проверялось все тщательнейшим образом. Каждый понимал, что несет величайшую ответственность.

Сейчас, наверное, должен быть создан клуб главных редакторов газет, который собирался бы раз в месяц или раз в квартал, и такие правозащитные организации, как «Защита свободы гласности» или еще какие-то обсуждали бы случаи дезинформации. Должны приниматься какие-то санкции, потому что журналист обязан нести ответственность. Возможны и какие-то иные механизмы.

**Н. Прилежаев.** Где вы работали до 1990 г.?

**Г. Жаворонков.** Я работал десять лет в «Комсомольской правде», заведовал отделом учащейся молодежи, работал в «Советской России», в журнале «Работница», очень долго в «Московских новостях»; последний год работаю в «Общей газете» Егора Яковлева.

**Н. Прилежаев.** Приходилось ли вам в период работы до 1990 г. писать заказные материалы?

**Г. Жаворонков.** Я заведовал отделом учащейся молодежи, мы занимались педагогическими проблемами, проблемами молодежи. Заказную статью я писал только один раз, да и то она не пошла. Тогда посадили нас писать приветствие Брежнева пионерам.

## Кризис «четвертой власти»?

**М. Ненашев, профессор, доктор исторических наук, директор издательства «Русская книга»**

Переломное время всегда трудное, противоречивое, но оно плодотворно тем, что излечивает от иллюзий. Одна из таких, для меня, во всяком случае, совершенно очевидных иллюзий – независимость прессы. Трудно найти другую тему, о которой было бы написано столько противоречивого. Независимость прессы, по моему представлению, подобна поискам вечного двигателя: заманчиво, интересно, но невозможно. Невозможно в силу неизбежной зависимости журналиста ли или коллектива журналистов от естественных объективных социальных, экономических, политических условий. В конце концов, все сводится к огромной совокупности различного рода зависимостей и отношений человека, его поведения, поступков в условиях этих зависимостей. Никуда из этого не вырваться.

Я очень настороженно отношусь к формулировке «четвертая власть». В стране, в которой трудно нащупать хотя бы одну какую-нибудь ветвь власти, говорить еще и о четвертой власти нелепо. Может быть, пресса – действительно четвертая власть, но она как никогда (примеры, которые здесь приводились, это подтверждают) привязана к колеснице государственной власти. В самом деле, ведь нужно было додуматься до того, чтобы государственные органы делили довольствие для печати, для независимой свободной печати.

Теперь мы многое переоцениваем, трезвее, мудрее становимся. Мне происходящее напоминает известную притчу Эзопа: волк увидел, как пастухи в шалаше овцу резали, посмотрел, подумал и сказал: что бы тут началось, если бы это я сделал. Я представляю себя таким вот волком, который был председателем Комитета по печати в 1985-1986 годах. Что было бы, если бы мы тогда начали делить это довольствие в Комитете по печати? Это был бы невероятнейший скандал.

Время еще не наступило, мы еще должны пройти немножко вперед, чтобы оценить, чем живем и что прожили за последнее десятилетие, но все-таки уже сейчас отчетливо просматриваются два этапа в жизни и деятельности нашей прессы. Первый этап – поиск демократии, даже некая демократическая эйфория. Это примерно 1986-1991 годы: взлет «Огонька», «Московских новостей», в чем-то даже «Советской России», «Комсомольской правды», «Аргументов и фактов», на телевидении – «Взгляд», «До и после полуночи», «Пятое колесо», те же «600 секунд», но в других вариациях. Это был, если хотите, подъем; пресса действительно шла впереди, расчищала завалы, застои консерватизма. Увенчалось все это принятием Закона о печати. Именно тогда пресса была наиболее популярна и авторитетна.

Меня в одной из бесед спросили: чем вы объясняете, что стоило Вам как председателю Комитета по радио и телевидению снять одну передачу предновогоднего «Взгляда», и поднялся невероятнейший скандал, около десятка газет этому факту уделили внимание, а когда недавно ту же команду «Взгляда» спокойно отринули от телевидения, ничего не произошло? Я считаю, что, начиная с 1991 г., доверие к прессе снижалось. Это главное. Мы иногда забываем, что самое главное – доверие к прессе. Не случайно ведь в период подъема прессы почти все ведущие «Взгляда», большая часть редакции «Аргументов и фактов» стали депутатами. Горбачев попытался убрать Старкова с поста главного редактора «Аргументов и фактов». Чем это кончи-



лось? Ничем. Тогда еще существовало Политбюро, но оно уже не было таким всесильным и ничего не могло сделать. Это действительно было торжество прессы. А сейчас? Сейчас можно снять любого редактора. Почему это можно сделать? Повторяю, потому что пресса лишилась самого главного – доверия и поддержки Его Величества Читателя. Отсюда все остальные недостатки и слабости нашей прессы. Пресса изменила читателю, она изменила читателю с политиками.

Теперь в центре любой из газет (я в данном случае веду речь о центральных газетах) три-четыре политических героя: Шумейко – Чубайс, Чубайс – Филатов, Филатов – Макаров, Макаров – еще какой-то Дима, полковник или генерал, – и все. Все крутится вокруг этого узкого круга, а дальше пустота.

Изменив читателю, лишившись его доверия, пресса утратила самое главное. И это, кстати, тоже не случайно. Это тоже проявление тех процессов, которые происходят в жизни общества. Они не сами по себе происходят. Я считаю, что как только период реформ сменился периодом реставрации (может быть, кто-то не согласится с этим моим резким утверждением), так вот, как только период реформ сменился реставрацией, начался неизбежно тот же процесс и в прессе. Пресса отражает все, что происходит в жизни. Она не может быть лучше, чем жизнь. Мы отказались от многих реформ, перешли к реставрации, и сегодня в портрете нашей нынешней действительности узнаем уродливые черты старого в еще более безобразном виде. Это естественно: копия всегда хуже оригинала. Попробуйте даже старые наши идеалы представить в виде копий.

Отсюда целый ряд удивительных процессов, которые мы с тревогой наблюдаем. Весьма заметно, что все больше и больше начинают проявляться признаки кризиса средств массовой информации. В чем кризис проявляется конкретно?

Снижается качество гласности. Пресса во многих случаях утрачивает свою основную черту – информационность. Вместо информации все чаще в центре газетных материалов оказываются, как я уже говорил, лидеры политических элит. И уже меньше, а порой совсем не интересуется газету рядовой читатель, обычный человек с его судьбой и бедами.

Кризис, что любопытно, проявляется и в заметном изменении содержательной стороны. Мы в последнее время как-то меньше говорим о содержательной стороне прессы. Меняются ее ориентиры. Главной становится субъективная авторская версия. Она теперь во многих случаях и основа позиции, и основа аргументации газеты, а вот Его Величество Факт отодвигается все дальше и дальше, на второй план. Никогда, я думаю, столько не врал в газетах, как сегодня. Причем врут, совершенно не покраснев и не извинившись. По каждому поводу. Стоит случиться переменам в Белоруссии, в этот же вечер сообщается, что Шушкевич, по словам Шумейко, будет возглавлять теперь ассамблею парламентов. Проходит день, оказывается, что, во первых, Шумейко этого не говорил, во-вторых, Шушкевич не будет возглавлять эту ассамблею, потому что ассамблею может возглавлять только тот, кто возглавляет парламент в той или иной республике.

И таких примеров можно привести десятки. Причем это сразу происходит во многих газетах. Ведь никто ничего не проверяет, при этом отсутствует и компетентность, раз главный материал – субъективная версия, а не Его Величество Факт.

Я бы сказал еще об одном. Снижение авторитета и доверия связано с тем, что читатель все меньше и меньше видит в прессе своего защитника, свой инструмент, который оказывает существенное влияние на общественный процесс. Снижается влияние прессы на процессы, которые происходят в жизни.

Любопытная вещь. Возьмите прессу периода руководства коммунистической партии. Чтобы тогда опубликовать серьезную статью, разоблачающую того или иного большого начальника, нужно было иметь огромное мужество. Не просто было напечатать эту статью, но, если она появлялась, допустим, в «Комсомольской правде», «Литературной газете», «Советской России» или «Правде», можно было не сомневаться: будет реакция на нее – начальнику не поздоровится.

А что происходит теперь? Сколько написано о коррупции! А что изменилось? Возьмите самые конкретные факты. Кажется, не было ни одной газеты, которая не писала бы о генеральских и маршальских делах. Ну, и что изменилось? Существовали и продолжают существовать.

Читатель все яснее видит: пресса просто занимается словоблудием, а на малопочтенные процессы это никак не влияет.

И еще одно – утрата журналистского мастерства. Так как субъективная авторская версия становится сутью газеты, профессионал все менее необходим, потому что профессионал – это всегда исследователь, проводящий скрупулезный анализ, обобщающий огромное количество материалов. Прессе все менее нужен социолог, политолог, искусствовед, международник. Все большую роль играет бойкий репортер, который лихо может сунуть свой магнитофон в какой-то кабинет, к какому-то лицу. И все это немедленно, без всякой проверки, без всякого анализа ставится в номер. Профессионально пресса все больше и больше опускается. Этот процесс до некоторой степени уже необратим. В самом деле, прочитываешь пять-семь газет, а серьезных материалов всего три-четыре. А иногда нет и такого улова.

И вот в таких-то обстоятельствах стала проявляться амбициозность прессы. Это в какой-то степени память о былом могуществе и величии. Величия и могущества уже нет, влияния нет, амбициозность сохраняется: «Мы все можем», «Мы все себе можем позволить» – эта амбициозность порождает и пошлятину, и грубость.

Вы, наверное, заметили, что я ничего не сказал о телевидении. Дело в том, что за прошедшие годы принципиально, конструктивно в телевидении ничего не изменилось. И до тех пор, пока телевидение не будет отвечать перед зрителями, перед слушателями, ничего в нем не изменится.

Ведь радио и телевидение западных стран – «Би-Би-Си» в Англии, «Эн-Эч-Эй» в Японии, «Юлиус-радио» в Финляндии на восемьдесят пять процентов оплачиваются слушателями и зрителями. Лишь пятнадцать процентов платит государство, заказывая определенные культурные, просветительские государственные программы. Вот независимость!

Когда я был председателем Гостелерадио и встречался с руководителями этих радио- и телекомпаний, то всегда удивлялся их вальяжности, величественности и не мог понять поначалу: в чем дело? Они не входят в правительство, не входят в парламент, но очень многое могут, потому что они зависимы только от аудитории, подчиняются только аудитории.

И второе. Ничего не изменится на телевидении до тех пор, пока оно не будет альтернативным. Телевидение продолжает оставаться монопольным.

Вы заметили благотворные тенденции, которые стали проявляться, когда возникло НТВ?. Это ведь только первые шаги, а как много изменилось.

Необходимо сделать две вещи: разрушить монополию телевидения, чтобы была альтернатива, и, как ни трудно, подчинить телевидение непосредственно аудитории. Оно должно быть абонентным. И ведь оно у нас было когда-то абонентным. В 1964 г. Хрущев, отменяя вообще все и объявляя уже в чистом виде коммунизм, отменил в том числе и абонентную плату за телевидение. Эти деньги добавили к стоимости телевизоров. Была разорвана живая связь гостелерадио и радиокompаний со зрителем. Возвращаться надо к абонентному телевидению, к наблюдательным советам.

Я думаю, если Александру Николаевичу Яковлеву удастся это сделать, только тогда что-то изменится.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**Ю. Вишневская.** До 1964 г. телевидение было менее пропагандистским, чем при Брагине?

**М. Ненашев.** Я бы этот период не стал ни с чем сравнивать, потому что это было детство нашего телевидения. Телевидение у нас лишь начало развиваться в послевоенные годы. Я думаю, что с точки зрения профессиональной пропаганды и просвещения, конечно, оно было куда слабее, чем при Брагине, когда мы, наверное, стали уже очень подготовленными для того, чтобы промывать мозги.

**Ю. Вишневская.** Появился обратный эффект.

**М. Ненашев.** Но не сразу же появился обратный эффект.

**И. Бурмистрович.** Вы говорите, что была реформа, а теперь реставрация. В чем вы видите реставрацию?

**М. Ненашев.** Реставрация состоит в том, что по-существу постепенно восстанавливаются многие из некоммунистических принципов и даже структур. Возьмите огромный аппарат чиновников, которые сегодня являются действительной властью.

Я прочитал в одном из выступлений Никонова в «Независимой газете», что только в окружении Президента в Кремле находится более трех тысяч работников. Это при том, что теперь нет ни Верховного Совета, ни других служб. Резко критиковали когда-то разбухший партийный аппарат, но в этом огромном комплексе ЦК КПСС (там было около десятка зданий) при Горбачеве в 1990 г. работали всего две с половиной тысячи человек. Сейчас же более трех тысяч только в аппарате Президента, а ведь есть еще аппарат правительства, аппарат парламента, аппарат муниципалитетов, мэрии. Мы становимся свидетелями всемогущества чиновников. И, если серьезно поразмышлять, может быть, они-то и есть настоящая власть.

**М. Григорян.** В Армении очень четко просматривается, что чиновничество – это социальная база власти. И поскольку это социальная база власти, власть заинтересована в ее расширении, укреплении и увеличении ее возможностей.

**А. Блинушов.** Вы говорили о потере читателями доверия к прессе и связанном с этим комплексом проблем. Не кажется ли вам, что прежнее доверие, как вы говорите, к прессе и ее эффективность были основаны на прямой связи прессы с административными структурами? Так как сейчас эта связь утрачена, нет такой прямой реакции. Может быть, у вас на самом деле это ностальгия?

**М. Ненашев.** Ностальгия – состояние для человека естественное. Но тут я с вами не могу согласиться. Те газеты и журналы, о которых я упоминал: «Московские новости», «Огонек», «Советская Россия» (мне не очень ловко это говорить, поскольку я ее возглавлял в то время), – были сильны не своей поддержкой и связью с партийными органами. Они были сильны поддержкой именно читателей. И каждое издание пыталось дерзнуть только потому, что знало о доверии читателей и не хотело, не могло их обмануть. Это было все-таки самое главное.

Я не хочу сказать, что сегодня вся пресса продана, все прислужничают. Я не люблю крайних позиций, потому что истина не может быть правой или левой, она все-таки где-то посередине. И сегодня есть целый ряд газет, которые в сложное, трудное время сохраняют достоинство. Я, например, очень позитивно отношусь к «Независимой газете», и я не боюсь этого сказать здесь. Она не идеальна и не безупречна, но это газета, которая имеет свою позицию, имеет свою точку зрения и медленно, трудно, но пробивает ее. Можно назвать еще целый ряд газет. Я также старый почитатель «Комсомольской правды».

**Л. Богораз.** Вы верно отметили расцвет пошлости и в прессе, и на телевидении. Стиль публикаций часто истерический и невероятно пошлый. Апофеозом пошлости была, конечно, «Встреча нового политического года». Это было позорно, это было стыдно смотреть. Чем это объясняется: падением профессионализма

журналистов или низким уровнем читателей, зрителей?

**М. Ненашев.** Мы как-то не заметили, что в стремлении к новому в прессе на место людей, действительно ищущих новое, подлинных реформаторов, все чаще приходят лукавые люди, заполняющие страницы с помощью вседозволенности. Такой человек считает себя новатором, реформатором: я могу позволить себе то, я могу позволить себе это. Он, если хотите, тоже реформатор, но реформатор со знаком минус, реформатор, не имеющий достаточной культуры, реформатор, не имеющий достаточного профессионального уровня. Наконец, давайте говорить откровенно: иногда ведь исходят из того, что, если хочешь выжить, получить большие тиражи, попытайся сказать нечто такое, чего никто не говорит. В этом состязании, в стремлении сказать что-то особенное, пойти дальше других, давно переилены рамки всякого приличия, всякой этики. И таких газет становится все больше. Это состязание во вседозволенности опасно именно тем, что трудно сказать, где ты можешь остановиться и остановишься ли вообще. Тем более, что это пока дает для некоторых газет тиражи, поскольку все-таки есть определенный слой людей, на потребу которых они работают.

**Ю. Вдовин.** Не считаете ли вы, что, пока абонемента плат за телевидение нет, нужно заставить власти понять, что они дают на телевидение деньги налогоплательщиков, а не свои собственные, и поэтому не имеют права руководить телевидением.

**М. Ненашев.** Боюсь, что это будет декларацией. Деклараций у нас много, а нужен механизм.

**Ю. Вдовин.** Нужен закон.

**М. Ненашев.** Законов тоже много. Объявить эти деньги деньгами налогоплательщиков?

**Ю. Вдовин.** Надо лишить правительство права вмешиваться в деятельность телевидения.

**М. Ненашев.** Трудно поверить, но Япония, самая электронная, самая компьютерная страна имеет около семи тысяч контролеров, которые собирают абонемента плату. В Японии ведь тоже есть закон. Что изменится, если у нас будет этот закон? Все понимают, что эти деньги не принадлежат ни правительству, ни парламенту, они народные. Ну и что? Нужен механизм.

**Б. Альтшулер.** Раньше, действительно, бывало: скажешь слово, и срабатывает какой-то защитный рефлекс, даже КГБ в исключительных случаях отдергивал лапы. Сейчас это не действует. Но ведь решение этой проблемы не в возврате к прежней ситуации, к тоталитарным механизмам, когда царь-батюшка, так сказать, услышал и спас. Не считаете ли вы, что нужно включить нормальные механизмы правового государства, когда на информацию обязаны реагировать суд, прокуратура? Это и есть тот путь, которым может воздействовать пресса. Другого пути нет. Никакого хорошего царя, хорошего начальника не может быть.

**М. Ненашев.** Я не случайно сказал: я не верю в независимость прессы, но верю в одну только благотворную зависимость, которая опирается на мудрые законы и правила, – зависимость от Его Величества Читателя. И тогда будет появляться все больше интересных, умных редакторов и журналистов, опирающихся на эти законы и работающих для связи с читателями.

**М. Арутюнов.** Вы говорите, что абонементная плата решит многие проблемы. Введение абонементной платы в том виде, в каком это было, ничего не изменит в смысле конкурентоспособности разных каналов. Ведь это связано с колоссальным переоборудованием всех телевизоров: нужно ставить счетчики, чтобы знать, сколько времени телевизор работал на каждой программе. Не слишком ли просто вам все представляется?

**М. Ненашев.** Нет, не слишком. Я не случайно прежде всего говорю о двух вещах: во-первых, альтернативность, ликвидация монополии на телевидении; во-вторых, подчинение телевидения непосредственно зрителю, создание для этого механизма. Это непростой механизм. Разрушать всегда легче, а созидать труднее. Может быть, это не один год займет, но делать это нужно, начиная шаг за шагом уже сейчас.

## Что опаснее цензуры

**А. Гладкий, профессор, доктор физико-математических наук**

Когда заходит речь об ограничениях свободы печати, едва ли не всегда подразумевается цензура. Но это не единственный и не самый эффективный способ подавлять печатное слово. В нашем веке и в нашей стране изобрели куда более мощное средство: включение печати в систему органов власти. По эффективности его даже сравнить нельзя с цензурой. Цензурное ведомство есть нечто внешнее по отношению к печати и изначально ей враждебное; если оно существует открыто, значит, власть открыто признает, что у издателей могут быть нежелательные для нее взгляды и мнения.

Иное дело существовавший в Советском Союзе порядок, при котором всякий издатель или журналист рассматривался как государственный служащий по ведомству идеологии. При таком порядке никакая конфронтация печати с властью невозможна. Царское правительство могло отправить сотрудника журнала на каторгу, могло запретить журналу то-то и то-то напечатать, могло закрыть его совсем, но даже сам государь-император не мог сместить Некрасова с должности редактора «Современника» и заменить его каким-нибудь жандармским полковником. А при советской системе нельзя было даже сказать, что газеты и журналы послушны власти: они были ее составными частями, ее *органами* – так они назывались до самого недавнего времени.

В этих органах вырабатывался особый тип журналиста-чиновника, для которого образ мыслей начальства немедленно и автоматически становился его собственным образом мыслей. Всякую руководящую уста-

новку, хотя бы высказанную мимоходом, он подхватывает на лету, развивает, аргументирует, облакает в подходящие словесные одежды. А когда приходит новое начальство с новыми установками, он их точно так же развивает и аргументирует, даже если они диаметрально противоположны прежним. Он как сосуд, который можно наполнить чем угодно. И при этом он никогда не сомневается в своей искренности и порядочности.

Примеры можно было бы приводить до бесконечности; ограничусь одним. В 1966 г. в «Известиях» печатались корреспонденции Ю. Феофанова о процессе Синявского и Даниэля. Автор не допускал и тени сомнения, что публикация повестей и рассказов, изображающих советскую действительность не такой, какой ее полагается изображать, есть тяжкое *уголовное* преступление, настолько тяжкое, что за него семь лет каторжного лагеря – не слишком суровая кара. К подсудимым он старался вызвать у читателя гадливое чувство как к людям безнравственным, нечистоплотным. Накануне вынесения приговора он писал: «Но где же все-таки причины падения двух людей, считавших себя интеллигентными? Одной из них мне кажется явная крайняя идейная распушенность, моральная безответственность подсудимых». И я не сомневаюсь, что он возмущался вполне искренне, вполне искренне считал, что неповиновение воле партии и правительства лишает Синявского и Даниэля права считаться интеллигентными людьми, в то время как он сам, за деньги поливающий грязью людей, лишенных возможности возразить и обреченных на долгие годы мучительной неволи, – настоящий интеллигент.

Но стоило ветру подуть в другую сторону, как этот самый Феофанов превратился в яростного обличителя «социалистической законности». В 1990 г. он со столь же искренним возмущением писал: «Слишком долго „слуги закона“ попирали закон, обслуживая авторитарную власть, слишком покорно суды действовали по указаниям и командам аппарата несменяемой партийной власти. Приговоры по некоторым конфетным делам, и те диктовались по райкомовским телефонам». Как будто в шестьдесят шестом он не знал, что приговор Синявскому и Даниэлю тоже был продиктован соответствующим партийным органом...

Были, конечно, и другие журналисты, всегда старавшиеся говорить правду, как они ее понимали, и радовавшиеся, когда удавалось высказать хоть небольшую ее частицу. Но таких было мало, а главное – господствовавшая в журналистике атмосфера не могла не сказаться и на них.

Но вот тоталитарный строй зашатался и рухнул вместе с идеологией, на которой он держался. Когда близость его падения была уже очевидна, многим из нас казалось само собой разумеющимся, что вместе с ним умрут его вконец изолгавшиеся идеологические «органы», а из самиздатских семян вырастет новая пресса, умная и смелая. Однако ни того, ни другого не произошло. Прежние органы продолжают функционировать, несмотря на отсутствие головы и туловища... Рядом с ними появились, правда, новые издания, но их редакторы и сотрудники – те же советские журналисты с теми же феофановскими понятиями о правде и лжи, о добре и зле. А слабые ростки из самиздатских семян заглохли или были заглушены в самом начале. Человеку, имеющему собственное мнение, нисколько не легче пробиться в печать, чем прежде, потому что она и сейчас следует «установкам» правящего чиновничества, – правда, теперь уже не единым, потому что это чиновничество разделилось на враждующие группы. Но независимого мнения ни одна из них не выносит.

Между тем «установки» некоторых групп власть имущих настолько примитивны и безответственны, что время от времени начинают угрожать безопасности государства. С пропагандой таких установок Ельцин дважды пытался бороться с помощью запретительных указов, и оба раза безуспешно. По поводу этих запретов в тот и другой раз разгоралась полемика, но в этой полемике почему-то обходилось стороной самое главное.

Во избежание недоразумений сразу скажу: я хорошо понимаю, во-первых, что закрывать газеты президентским указом незаконно, во-вторых, что если бы наши прокуроры и судьи уважали закон, то уж, по крайней мере, такие газеты, как «День», «Русский вестник», «Русское воскресенье», давно были бы закрыты судебным порядком, а их редакторы отбывали бы уголовное наказание. Но вот какой стороны вопроса никто не касается, хотя именно она имеет решающее значение и в правовом, и в нравственном аспекте. Дело в том, что само существование «Правды», «Советской России» и многих других газет незаконно, поскольку имущество, благодаря которому только и возможно их издание, приобретено незаконным путем.

Возьмем «Советскую Россию». Когда она начала выходить после первого запрета, мы узнали, что у нее новый хозяин – частная фирма «Завидия», купившая ее за три миллиона рублей. Откуда взялась эта фирма и откуда взялись у нее три миллиона – сумма, по тем временам, не маленькая? Если вспомнить, что предприниматель Андрей Завидия баллотировался в вице-президенты в паре с Жириновским, ответ на этот вопрос становится очевидным. И, если бы прокуратура потребовала у владельца фирмы документы, подтверждающие законное происхождение денег, вряд ли он смог бы это сделать.

И другой вопрос, не менее интересный: у кого купил газету господин Завидия? Она ведь принадлежала КПСС, которая была уже под запретом и никаких сделок совершать не могла. Кто же получил три миллиона?

Аналогичные вопросы можно, без сомнения, задать и относительно «Правды». А что до полуфашистских и откровенно фашистских листов, появившихся позже, то всякому ясно, что огромные расходы, необходимые, чтобы начать и продолжать их издание, не могли и не могут производиться за счет личных сбережений их читателей или пожертвований каких-нибудь богатых коммерсантов (коммерсантам было бы невыгодно их поддерживать). Существуют они, несомненно, на те же партийные деньги или на средства КГБ, т. е., на деньги, украденные у народа.

И еще об одной стороне вопроса. Часто приходится слышать: в демократическом государстве нельзя без оппозиции, а потому «Правду», «День» и т. п. не только не надо преследовать, а надо даже поддержи-

вать, подкармливать, обеспечивать им равные права со всеми. Но почтительно величать погромщиков оппозиций – вернейший способ убить настоящую оппозицию, противостоящую власти в рамках закона. Ведь любое противостояние правительству легко представить в таких условиях как помощь погромщикам, а что еще хуже – оно может и в самом деле оказаться им на руку. Поэтому серьезные и ответственные люди, не согласные с политикой правительства, но не желающие хаоса, вынуждены воздерживаться от противостояния, и у правительства возникает соблазн считать себя единственным выразителем интересов общества. Не будет у нас никакой демократии, пока не окажутся не на словах, а на деле вне закона все организации и издания, допускающие насилие в качестве метода политической борьбы, культивирующие национальную, религиозную или классовую ненависть и рознь. Если наши власти этого не поймут – или, хуже того, будут использовать коммунистов и фашистов в качестве пугала, – нам не избежать если не новых потрясений, то новой диктатуры.

И еще потому коммунисты и фашисты не оппозиция в действительности, что они отражают интересы определенных групп правящего чиновничества, которое и содержит, по большей части негласно, все их организации и издания. Без финансовой поддержки все эти организации и издания мгновенно исчезли бы: не таковы наши нынешние «непримиримые», чтобы бороться за народное дело бесплатно.

Но почему же нашим «демократическим» журналистам не приходит в голову поставить под сомнение право на существование «Правды», «Советской России» и т. п.? Позволю себе высказать скромное предположение: потому что такое сомнение пришлось бы распространить на другие бывшие партийные и комсомольские издания. А ведь некоторые из них теперь «демократические», «свои»... И тут срабатывает большевистская закваска, глубоко сидящая во всех нас: если несправедливость нам выгодна, забудем о справедливости.

Многие демократы, наверно, спросят с негодованием: что же, по-вашему, следовало бы заодно с «Правдой» закрыть и «Московский комсомолец»? Да, следовало бы. Это было бы правильно и с правовой, и с нравственной точки зрения, да и просто с точки зрения здравого смысла. Обе эти газеты – обломки партийной пропагандистской машины, десятки лет наполнявшие воздух нашей страны зловонной ложью. Вместе с КПСС должна была прекратиться существование и эта машина со всеми ее шестеренками. Но шестеренки продолжают крутиться, продолжают обманывать и оглуплять людей – ни для чего другого они ведь не приспособлены.

Конечно, без приводных ремней они теперь крутятся в разные стороны, обманывают и оглуляют на разный манер. Одни по-прежнему защищают идеи коммунизма, другие прямо призывают к погромам, третьи подражают худшим образцам западной бульварной прессы, которую совсем недавно клеймили позором. А государство им всячески помогает. Прежде всего, за недавними служажими идеологического ведомства признано право распоряжаться как своей частной собственностью дорогостоящим оборудованием и зданиями, не их трудом созданными и не ими оплаченными. Это оказалось возможным из-за отсутствия юридических норм, касающихся имущественных отношений в области средств массовой информации. Как сказал известный знаток юридических проблем прессы Г. Резник, имущественные отношения полностью остаются за рамками действующего закона о средствах массовой информации. А общее имущественное право у нас еще в зачаточном состоянии. Благодаря всему этому бывшие «бойцы идеологического фронта» фактически сохранили монопольное право обращаться к людям публично.

Пользуются же они этим правом не только не лучше, а много хуже, чем прежде. Общий уровень даже лучших в сравнении с другими газет, не говоря уже о телевидении, быстро падает, содержание их становится все менее интересным, темы все более мелкими, трактовка все более плоской и убогой, стиль все более вульгарным. Кроме того, коммунистическая власть все-таки считала необходимым соблюдать какие-то приличия и даже гордилась этим. Существовал порог благопристойности, переступить который было нельзя. Однако держался он, как оказалось, не на внутреннем чувстве приличия – его, очевидно, у наших журналистов не было, – а исключительно на административном запрете. Сейчас порога не существует, и нет такого невежества, такой непристойности, такой безнравственности, которым был бы закрыт доступ на страницы газет и на экран. Часто их пропагандируют под вывеской «плюрализма»: дескать, все идеи и все взгляды, в том числе и на нравственность, равноправны, и уж во всяком случае надо дать всем возможность высказаться. Что же получается в результате? Не буду говорить о пропаганде расизма и фашизма: это общеизвестно. Но вот что происходит в общекультурном плане. «Известия» – газета, всегда считавшаяся самой солидной, – печатает большую статью своего научного обозревателя о каком-то инженере, который будто бы изобрел машину времени. Потом, правда, публикуется письмо известного физика под заголовком «Машины времени не было, нет и не будет», но оно короткое и нарочито помещено в разделе «Мнения» – это, мол, всего лишь личное мнение одного из читателей. В «Известиях» пока хоть астрологических прогнозов нет, но во многих газетах они давно уже печатаются, и по телевидению передаются, и по радио.

Еще хуже то, что происходит в нравственном плане. Полгода назад я случайно увидел по телевидению беседу с главным редактором «Московского комсомольца», в которой он без всякого смущения признал, что его газета печатает рекламу публичных домов – под псевдонимом «массажных салонов», – но все, мол, знают, что это такое (это, кстати, подлежит наказанию как уголовное преступление – сводничество). Попробуйте вдуматься, что это значит: популярная газета, особенно читаемая молодежью, уже одним фактом публикации таких объявлений (а также и другими способами) внушает своим читателям, что не только проституция не хуже всякого другого занятия, но и содержание публичных домов – «бизнес» не хуже всякого друго-

го, и тот, кто этим занимается, достоин не меньшего уважения, чем, скажем, врач или учитель, – и даже большего, потому что доходы у него неизмеримо больше. И многие другие газеты внушают своим читателям то же самое (в том числе и такие, которые рекламы публичных домов не печатают). Стоит ли после этого удивляться, что девочки пишут в школьных сочинениях: «Хочу стать проституткой»?

Но вот что, может быть, всего хуже: многие наши журналисты усвоили себе манеру смаковать ужасы или писать о самых ужасающих вещах, от одного упоминания о которых волосы должны встать дыбом, в эдаком балагурном, ерническом стиле. Приведу один только пример. Когда я работал в экспертном совете фонда Сороса, мне принесли несколько номеров газеты «Глагол» – она просила у фонда помощи. Из них я узнал, что это газета для подростков и издают ее тоже подростки. Но не простые подростки, а дети ведущих «прогрессивных» журналистов – это было видно по фамилиям и интервью с папами. Газета произвела на меня совершенно удручающее впечатление. Особенно запомнилась статья о преступности, написанная в таком вот балагурном стиле. Об убийствах говорилось таким тоном, как будто речь шла о каких-то детских шалостях. Врезался в память один эпизод, который очень хотелось бы отсюда вытравить (а еще лучше было бы, если бы он вовсе не попадался на глаза). Это было нечто такое, о чем, как считалось еще совсем недавно, подросткам даже и слышать не следует, а о подробностях даже выдавшие виды мужчины предпочитали не говорить, не то что в газетах печатать. А мальчики и девочки, воспитанные папами-журналистами, писали об этом все в том же залихватски-ерническом тоне. Начиналось так: «Двое молодых людей в поисках женской ласки обратили внимание на двух купающихся девушек». Одной удалось убежать, а другая попала им в руки, и дальше следовало нечто немыслимо ужасное, от пересказа чего прошу меня уволить, с «пикантными» подробностями, изложенными, правда, с помощью намеков, но легко расшифровываемыми – и все в таком же тоне! Газету эту, надо сказать, все кругом хвалят, все умиляются – какие молодцы детишки! На этот «Глагол» находят и деньги, и бумага...

Что же сказать о журналистах, которые так воспитывают своих детей и такую готовят себе смену? Во всяком случае, уважать их невозможно. Тем более невозможно уважать журналистов, соглашающихся работать в газете, рекламирующей публичные дома. Ну, а как можно уважать, допустим, «Литературную газету», которая в каждом номере крупными буквами перед заголовком печатает бесстыдную ложь – будто бы эта газета была основана в 1830 г. «при участии А.С. Пушкина»? Нужно быть слабоумным, чтобы не понимать, что между газетой Дельвига и органом правления Союза писателей СССР, основанным в 1929 г. с целью усиления партийного руководства литературой, нет ничего общего, кроме названия (разумеется, редакция газеты это хорошо понимает, но своих читателей считает слабоумными).

Дежурное оправдание потоков грязи, льющихся на нас с газетных полос и телевизионных экранов – «право людей на информацию». («Людам нужна информация. Поэтому наш корреспондент взял эксклюзивное интервью в камере смертников у Чикатило» – такие слова можно было прочесть недавно в «Комсомольской правде». Под ними, разумеется, был текст, над ними – крупный заголовок.) А какая информация нужна людям – решать это журналисты считают своим «эксклюзивным» правом.

Между тем вопрос о праве на информацию не так прост, как может на первый взгляд показаться. У него много аспектов, и среди них, например, такой. В Советском Союзе существовали первоклассные научные издательства, работавшие на более высоком уровне, чем аналогичные издательства на Западе (я имел дело с теми и другими и могу сравнивать). Сейчас они умирают. Зайдите в «Академкнигу» на улице Вавилова в Москве – вы не найдете там никакой литературы по математике, лингвистике, естественным наукам, которой еще недавно было очень много. Остановлено, в частности, издание многотомных словарей русского языка XI – XVII веков и XVIII века (замечательно, что это не волнует наших «патриотов» и борцов с «русофобией»). Один этот факт наглядно показывает, насколько фальшив их «патриотизм», насколько безразлична им в действительности история России, о которой они так любят рассуждать). Так неужели право ученых, врачей, педагогов, инженеров, всех образованных людей знать о достижениях науки заслуживает меньшего уважения, чем право любителей «клубнички» знать о подробностях интимной жизни рок-певицы?

Практическое прекращение издания научной литературы – это самое вопиющее из всех возможных нарушений права на информацию; перекрываются пути к знанию не о сиюминутных происшествиях, о которых завтра все забудут, а о вечных законах природы. Говорят, у государства нет теперь денег на финансирование научной литературы. Нашим чиновникам невдомек, что будущее благополучие и безопасность страны в гораздо большей степени зависят от этого, чем от военной промышленности, поглощающей такое море средств, перед которым показалось бы каплей то, что необходимо для поддержания нормальной работы нескольких издательств. И нашим газетным и телевизионным редакторам это тоже невдомек...

Конечно, появляются в газетах и на экранах такие материалы, благодаря которым мы узнаем все-таки о том, что происходит у нас в стране и вокруг, появляется иногда объективная информация о событиях, появляются обличения того или иного начальства. Но все это, как в прежние времена, в строго умеренных дозах и в тех случаях, когда какому-нибудь другому начальству это выгодно. А главное – все это тонет в потоке мутной бессмыслицы и очень часто заражается в той или иной степени ее стилем и тоном – то витиеватым, то разухабистым, но всегда сбивчивым и невнятным. Порой кажется, что между редакторами вне зависимости от политических направлений существует уговор: не допускать в прессу и на экран ничего умного, дельного, ясного и вразумительного, а, по возможности, и просто приличного.

Из известных мне газет только «Экспресс-хроника» держится в рамках приличия и при этом не служит

никакому начальству. Но ясности и вразумительности часто не хватает и ей.

Между тем, в наше время общественное мнение, господствующие взгляды и даже понятия о нравственности формируются не церковью, не школой, не литературой, не мудрецами и проповедниками, а именно средствами массовой информации. Это они нас воспитывают, учат уму-разуму, объясняют, что заслуживает внимания и что не заслуживает. А заправляют ими, если называть вещи своими именами, люди невежественные, аморальные и безответственные. Будь у них чувство приличия и чувство ответственности, они о Жириновском, к примеру, ни разу не упомянули бы ни единым словом, и не было бы тогда не только успеха его партии на выборах, но и самой этой партии. Неужели так сложно это понять? Если бы у древних греков были «средства массовой информации», мы знали бы до мельчайших подробностей биографию Герострата, и слава его затмила бы славу всех знаменитых мужей древности.

Итак, подведем итоги. Беспрецедентное подавление печати в Советском Союзе произошло не благодаря цензуре, а благодаря выведению особой породы журналистов-чиновников, которым легко внушить любое мнение таким образом, что они принимают его за свое собственное. Поэтому отмена цензуры не привела к появлению свободной прессы – ведь журналисты не могли так быстро измениться, да и условий для изменения до сих пор нет. Пока что пресса, радио и телевидение остаются теми же, какими были прежде: средством оглушения и развращения людей. И так же, как прежде, наше общество задыхается без честного и правдивого слова. Пока такого слова не будет, не будет у нас никакой общественной жизни, никакой демократии, никакой законности.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**Т. Котляр.** Кто же, по-вашему, подавляет научные издательства и что нужно делать? Не обычный ли это финансовый кризис?

**А. Гладкий.** Дело в том, что правительство считает необходимым поддерживать газеты. Оно считало необходимым поддерживать и «Правду», а до недавнего времени и «День». А вот поддерживать издательство «Наука», например, главную редакцию физико-математической литературы оно не считает необходимым.

Когда вы говорите «обыкновенный финансовый кризис», это означает, что научные издательства должны существовать на рыночных условиях. Но они не могут существовать таким образом. Это как раз то, что нуждается в государственной поддержке, как школа. Ведь можно сказать и так: зачем поддерживать школу? Пущай она сама выживает. Со школой в некотором смысле тоже так происходит. Но это более очевидно, и школу совсем без поддержки не оставляют, хотя она тоже в очень тяжелых условиях.

А здесь считается: порнографические издания сами выживают, и научные пусть сами выживают. Нельзя так. Это то, о чем должно думать государство. Для этого государство и существует. Оно прежде всего должно об этом подумать.

**Ф. Сидоун.** Какими методами вы предлагаете бороться с публикацией в газетах порнографических объявлений?

**А. Гладкий.** Существует, по-моему, статья 226 Уголовного Кодекса, на основании которой полагается, кажется, до пяти лет лишения свободы за такие дела.

**Л. Богораз.** Я согласна с вами, что без поддержки научные издания, серьезные издания и вообще наука выжить не могут. Но представим себе, что государственный карман разделен на двадцать четыре маленьких кармашка. Из какого кармана вы предлагаете вынуть деньги и переложить в карман научных издательств?

**А. Гладкий.** В первую очередь, из того кармана, из которого поддерживается газета «Правда».

**Л. Богораз.** Но она уже не поддерживается, насколько я знаю.

**А. Гладкий.** Я вообще думаю, что вопрос нужно ставить не так. Если среди двадцати четырех карманов такой карман не предусмотрен, его надо предусмотреть. Пусть во всех остальных будет чуть-чуть поменьше. Сравнительно с другими здесь нужно немного.

**Н. Богатикова.** Известно, что газеты очень часто дают неправильную информацию. Что можно было бы в таких случаях предпринять, кроме опровержения? На самом деле, нечасто это принимается во внимание, и человек получает ложную информацию.

**А. Гладкий.** Я думаю, единственный путь – иметь другие газеты.

## Раздел III

### Народ и свободная пресса

*Л. Алексеева, журналист, сотрудник радио «Свобода», член Американской и Московской Хельсинкской групп*

Пресса после того как был принят закон о свободе прессы, – такой, какой есть, – может считаться свободной. Формально, во всяком случае. Это означает право журналистов, право любого человека, который живет в этой стране, писать в свободной прессе и читать ее. Но свобода налагает и обязанности. Какие обязанности налагает на журналиста, с моей точки зрения, свобода, обретенная прессой?

Журналист как учитель жизни, морали – это глубокая русская традиция и, наверное, отказаться от нее,

во-первых, просто невозможно, а во-вторых, и не нужно, потому что раз она в этой стране родилась и какой-то частью журналистов поддерживается, то и слава Богу. Но, во всяком случае, общая обязанность каждого выступающего в прессе и прессы в целом – это информировать. Для чего, собственно, свободная пресса существует? Почему она – первый шаг к свободе, к демократическому обществу? Потому что общество, если оно свободно, само решит свои дела. Чтобы разумно решать свои дела, общество, т. е. люди, народ, должны быть информированы. Как можно в современном обществе народ, людей сделать информированными? Это обязанность средств массовой информации – информировать людей.

О чем информировать? Ведь жизнь многообразна, и тут тоже должны быть какие-то приоритеты. Я думаю, что обязанность средств массовой информации в целом – это информировать прежде всего по тем проблемам, которые касаются большинства людей в этом обществе, касаются их судеб, их настоящего, их будущего и касаются настоящего и будущего страны, в которой они живут, а следовательно, и мира, потому что то, что происходит в России, сразу отзывается во всем мире, на всем человечестве.

Так вот, российская пресса не выполняет свою обязанность информировать общество. Есть огромные поля, о которых пресса не пишет. Очень глупо упрекать автора за то, чего он не написал. Нельзя упрекать конкретного журналиста, что он о чем-то не пишет, надо рассматривать, что он пишет. Но прессу в целом можно в этом упрекать, потому что в российском обществе (и не только российском – в обществах стран, только вставших на путь нового развития) много неведомого, непонятного ни для журналистов, ни для читателей. Я не говорю, что журналисты должны высказывать какие-то истины в последней инстанции; они тоже люди, принадлежащие к этому обществу, они тоже многого не знают.

Но беда в том, что многое и самое важное для народа, важнейшие проблемы, они и не пытаются узнать. Здесь приводились примеры того, как правительство не хочет давать полную информацию журналистам, и поэтому они не могут информировать народ о том, что делает правительство. Это огромное упущение. Свободный народ, народ, который выбирает правительство на выборах, должен знать, что оно делает, иначе, действительно, выберут Жириновского. И не избирателей вина будет в том, что они его выбрали, раз они не информированы.

Но мне-то с моей колокольни (а я в последнее время занимаюсь не только правами человека и, увы, даже больше, чем правами человека, рабочим демократическим движением в странах бывшего Советского Союза) видно, что пресса не информирует народ не только о том, что думает и делает правительство, но и о том, что происходит с самим народом. А это, простите, ни у какого Черномырдина вы не узнаете, это надо самим пойти куда-нибудь дальше своей редакции или коридоров Белого дома, или клуба журналистов, поехать в провинцию, поехать в другие страны. Да, это хлопотно, это очень некомфортно, учитывая, в каком состоянии транспорт, гостиницы, питание и т. д. Но другим способом ничего не узнаете. Надо ездить самим. Нельзя узнать у приятелей, прочитать в чужих газетах: самому надо ездить. Даже те немногие путешествия, которые я предпринимала, необычайно раздвинули мои представления о стране и о народе, и о том, что нас может ждать.

Огромное количество голосов, поданных за Жириновского, – это, как очень верно сказал один социолог, тихий социальный взрыв. Народ протестовал против того, как с ним обращались. Почему в апреле люди голосовали за демократов, а в декабре – за Жириновского? Что произошло за эти несколько месяцев? Жизнь сильно ухудшилась? Как будто никаких резких изменений за эти месяцы в России не произошло. Было очень важное политическое событие – октябрьские дни. Но надо сказать, что, может быть, именно вследствие неинформированности за пределами Москвы это событие было встречено довольно спокойно и к выборам забыто. Что случилось за это время? Почему изменилось народное голосование? Я со своей колокольни вижу – потому что как раз на эти месяцы пришлось массовая приватизация в стране. У людей появилось собственное представление о своей жизни, о жизни своего предприятия. Голосование показало (а я это знаю из бесед со многими и многими людьми), что народ в той форме, в какой этот процесс проводится, приватизацию не принимает. Не потому, что мы совки, – ну да, совки, мы все в этой стране родились, все сформировались, но это, как говорится, не вина, а беда наша, и ничего страшного здесь нет, нужно вместе выбираться из этой ямы. Дело не в том, что люди заглядывают в чужой карман, что думают: почему директор получает больше, чем мы? Хотя и это присутствует, но, я вас уверяю, дело не в том. Я у многих людей интересовалась (не задавая им прямого вопроса), почему они против приватизации. Они против, потому что в тех формах, в которых приватизация проводится, она оскорбляет народное чувство справедливости. Да, можно дать одному больше, а другим меньше, чтобы заработала рыночная система, но тот, кто получает больше, с точки зрения народной и, в общем, нормальной, тот должен быть этого достоин. Обычно большая часть достается директору. Кто директора на приватизируемых предприятиях? Мне сказал один парень с новосибирской ТЭЦ-5: «Нам нашего директора Горком партии посадил. Что умеет наш директор? Кланяться в ту сторону и лгать ногами нас, больше он ничего не умеет. Он что, специалист хороший? Нет. Он что, хозяйственник хороший? Нет. Организатор хороший? Нет. Он хотя бы человек порядочный, честный? Нет, дрянный человек, но ему по приватизации достается наше предприятие, дети и внуки его будут богатыми людьми, а мы как были, так и останемся наемными работниками у этого человека. Вот если бы он был специалистом, мы бы это приняли, потому что тогда это было бы на благо предприятию».

У меня, к сожалению, нет времени, чтобы подробнее рассказать вам об этой области, но действительно, творится Бог знает что. Происходят тектонические, геологические смещения в распределении собственности, такие, которые не на поколения приходятся, а раз в столетия бывают. Что пишет об этом наша пресса?



Я выписываю дюжину газет; я их успеваю просмотреть за пятнадцать минут, потому что я эти темы ишу. Да никто ничего не пишет. И жалуются, что потеряли читателей. Да надоело читать, что сказал Черномырдин Гайдару и Гайдар Черномырдину. Журналисты получили свободу и поняли свободу так: мы можем рассказывать народу, что делает правительство. Это надо делать, надо добиваться от правительства, чтобы оно эту информацию давало. Это необходимо, но этого недостаточно. В демократической стране журналисты должны писать о том, чем живут их читатели, что важно для их читателей. А читателю в каких-нибудь Кимрах или в Кинешме важно, что его предприятие приватизируется. Ему важно, какие безобразия происходят на его предприятии, а не то, что Черномырдин с Гайдаром чего-то не поделили. Это не на уровне высокой журналистики, но ведь надо и о людях говорить. Этого в нашей прессе совершенно нет.

Мы при Русско-американском фонде профсоюзных исследований и обучения стараемся создать семинары журналистов, которым было бы это интересно. Не по злой воле журналисты не пишут о таких вещах; они просто этого тотально не знают. Кто такие журналисты центральных газет? Это часть московской интеллигенции. Где московская интеллигенция до сих пор черпает свою информацию? На московских кухнях у своих приятелей или в коридорах власти, куда их более или менее стали пускать. Господа, так нельзя! Ваши газеты перестали читать не только потому, что они стали дороги или плохо доставляются, но потому, что они неинтересны. Вы знаете, что выросла подписка на местные листки? На эти жалкие маленькие листочки подписка очень выросла. Их читают. Только ли потому что они дешевы? Нет. Уверяю вас, что если бы центральные газеты были людям интересны и говорили о том, что для них важно, хоть на одну газету интеллигентная семья в провинции подписалась бы. Я понимаю, «Известия» не могут написать про каждую фабрику в Кинешме, но если бы они писали о том, что происходит в Кинешме, и человек, читающий в Кимрах, видел, что у него происходит то же самое, это бы его заинтересовало, и почта читательская появилась бы. Ну, сколько люди из провинции могут писать вам, спрашивать, за кого вы – за Черномырдина или за Гайдара – и в чем суть их разногласий? Так же, как Юлик Ким, так же, как и я, они не понимают, в чем разница, и им, главное, это уже обрыдло.

У них началась настоящая жизнь. Раньше в провинции ничего не происходило. Сейчас в провинции жизнь кипит, буквально шекспировские страсти разгораются. Люди защищают свою жизнь, будущее свое, своих детей и чувствуют себя бессильными в этой борьбе, брошенными правительством. Правительство на то и есть, чтобы общество, как говорится, с ним конфликтовало и толкало его в свою сторону. Но с помощью кого общество может толкать правительство в свою сторону? Прежде всего с помощью средств массовой информации, если это демократическая страна и свободные средства массовой информации.

Да, ничего не сделаешь с плохими журналистами, с бесчестными журналистами. В журналистике всегда будет мусор. В любой, самой свободной стране подавляющее большинство журналистов не заслуживают того, чтобы их читали. Но это дело нашего собственного выбора, у нас есть свобода не читать тех, кого мы не хотим читать, или переключить телевизор, когда выступает какой-нибудь идиот или мерзавец. Но у нас нет такого ядра журналистов, которые писали бы сейчас о том, что людям важно и нужно. И не потому, что они мерзавцы, не потому, что они народ свой продали, а потому, что традиционно страшно далеки от народа. Они просто не знают, что та тема, которая волновала людей в горбачевские времена, устарела. Например, под лозунгом «В отставку президента» проходили массовые митинги и в Москве, и в провинции, а сейчас на такой митинг вы сто человек не соберете. А вот если вы будете заниматься приватизацией, если вы будете писать об этом, тиражи ваших газет снова поднимутся. И это не только просьба, это просто вопль: необходимо об этом писать, иначе пресса будет вертеться на холостом ходу, а общество по-прежнему будет слепое и безъязыкое.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**А. Ломунов.** Я со всем в вашем выступлении согласен. Только опять-таки: кто предоставит место в газете писать о народе? Тот же Черномырдин, те же генералы, которые заказывают музыку, которые тогда заказали предвыборную музыку для Жириновского?

**Л. Алексеева.** Я с вами не согласна. Когда я начала этим делом заниматься и поняла, что пресса просто не пишет о той сфере, в которую я сама ринулась, и обнаружила людей, нуждающихся, чтобы прессой освещались проблемы, их волнующие, я тоже грешным делом подозревала, что это социальный заказ, что есть какие-то запретные темы. Но ведь в некоторых газетах довольно резко нападают на того же Черномырдина и даже на Президента, пишут смело и честно о национальных проблемах. Конечно, не в массовом порядке. Если журналист непорядочный, если у него нет сознания своего журналистского долга перед обществом, то никакого механизма на этот счет не придумаешь. Речь идет о меньшей части журналистов, конечно, о порядочных и достойнейших журналистах.

Я думала, что есть какие-то запреты на эти темы, так они тщательно обходились. Первый мой разговор был с заместителем главного редактора «Известий» Надеиным. Я произнесла примерно такой же монолог, как сейчас, и знаете, что он мне сказал? «Людмила Михайловна, давайте мы возьмем у вас интервью на эту тему. Конечно, это очень интересно». Я отвечаю: «Э, нет, это опять паллиатив. Вы опять хотите получить информацию в московской гостиной? Я вам дам адреса людей, с которыми разговаривала в Тольятти, в Новосибирске, в Екатеринбурге, в Челябинске, пошлите к ним журналистов». Почему я не хотела говорить об этом сама? Потому что я была уверена, что, если журналисты туда поедут (я им даю наводку: фамилии, ад-

реса – т. е. полдела уже сделано) и с этими людьми поговорят, то они заболеют этой темой так же, как ею заболела я – меня же никто не оттащивал от прав человека на эти проблемы.

Я просто поняла, что сейчас при всей важности проблематики прав человека (и мне совестно, что я перестала этим заниматься, занявшись рабочим движением), но надо заниматься рабочим движением. Это самоорганизация общества, без которой демократия не выживет.

И я говорила Надеину: если мне проблемы этих людей интересны, а я тоже часть московской интеллигенции, неважно, где я жила, сколько лет, я так и осталась частью московской интеллигенции, – если мне это интересно, если мне это важно, то я уверена, что значительной части ваших интеллигентных читателей, не только тех, от имени которых я к вам обращаюсь, это тоже важно. Если мне это интересно, то, значит, и тем журналистам, которых вы пошлете туда, будет интересно разговаривать с этими людьми и будет что написать.

Ни Надеин и никто другой не послал. Адресочки я дала, а журналисты там не побывали. Еще в нескольких газетах я разговаривала, и ответ такой же. Вроде бы хотят, но, по-моему, просто лень осваивать новые области.

**И. Дядькин.** Советские лентяи, конечно. Все это у нас в крови.

**А. Ломунов.** Я пишу в областную газету, представляющую подмосковную глубинку. Потом вдруг редактор говорит: это никому не нужно, то, что ты пишешь.

**Л. Алексеева.** Да, есть такой предрассудок: интересно то, что происходит в коридорах власти, «наверху». Наверно, людям интересно то, что с ними происходит.

## Свобода печати и экология

**А. Яблоков, профессор, член-корреспондент РАН, председатель межведомственной комиссии по экологии СБ Российской Федерации**

Я считаю важным выступить на этом семинаре, потому что проблема свободы печати в отношении экологии, которая мне близка, очень серьезна. Иногда складывается впечатление, что та свобода печати, о которой мы мечтали, оказывается опасной и не помогает решению экологических проблем, а затрудняет его.

Долгое время основной бедой была секретность. Секретно было почти все, и мы мечтали, что когда-нибудь сведения об экологии станут доступны для общества, чтобы оно могло сознательно решать экологические проблемы.

С чем мы столкнулись сейчас – в разгул свободы печати? Журналистика врет, необъективна, некомпетентна и подкуплена. Приведу несколько примеров.

Атомная энергетика. Пример подкупа журналистов. Министерство атомной энергетики выделяет сейчас огромные деньги на создание хорошего имиджа желательному для него развитию энергетики. Вы посмотрите на газеты: «Независимая», «Комсомолка» и даже те, о которых здесь говорилось как о наиболее приличных (и я согласен с вами), пошли по пути предоставления страниц подкупленным журналистам.

Химическое оружие. Здесь пример то ли некомпетентности, то ли вранья. Вместо реальных проблем с химическим оружием мы сталкиваемся с совершенно некомпетентно подаваемыми или выдуманными проблемами. То вдруг почему-то появляются тревожные публикации об оружии, затопленном в Балтике, хотя любой специалист вам скажет, что это неправильная постановка проблемы. Ставят проблему об уничтожении химического оружия. Все специалисты без исключения сходятся на том, что не надо трогать это оружие. Самое правильное, что можно сделать, – не трогать его. Будет страшнее, если мы его затронем. Когда мои эксперты, среди которых главным был профессор Федоров, просчитали, сколько произведено у нас химического оружия, то выяснилось, что произведено, по крайней мере, в десять раз больше, чем объявлено официально. Если объявлено официально, что мы должны уничтожить сорок тысяч тонн химического оружия, а произвели мы его, по крайней мере, 400 тысяч тонн, а может быть, и больше, то возникает вопрос: где эти 360 тысяч тонн? Этот вопрос важен для экологической безопасности нашей страны. Вот где реальная проблема химического оружия. А не в том, что мы затормозим уничтожение: мы договоримся с американцами, чтобы не жестко выполнять соглашение о сроках, потому что нет денег, нет того, пятого, десятого...

Очень часто кричат о резком падении продолжительности жизни, обвиняя в этом сегодняшнюю ситуацию. Мало-мальски спокойный анализ показывает, что не сегодняшняя ситуация привела к резкому сокращению продолжительности жизни: хотя она, конечно, сыграла роль, но началось это падение десять или восемь лет тому назад. Любой журналист, который берется писать о сокращении продолжительности жизни, о детской смертности, просто обязан посмотреть на то, что было раньше, посмотреть на тенденции и только тогда сказать, что происходит.

На самом деле, действительно, происходит страшная вещь. За прошлый год средняя ожидаемая продолжительность жизни (есть такой статистический термин, очень емкий показатель) упала необычайно – на три года. Такого не было ни в одной стране мира в исторически обозримый период. Сотни лет в мирное время такого не было. Но кричать по этому поводу можно только в том случае, если одновременно анализировать, почему все это произошло. На самом деле на пятьдесят-шестьдесят процентов – это социально-экономические проблемы, на двадцать-сорок процентов (кое-где, в зонах экологического бедствия) – экологические и только на семь-восемь процентов медицинские. А у журналистов все сводится к медицине.

Странно. Кстати говоря, от ишемической болезни сердца погибает в нашей стране ежегодно меньше, чем от самоубийств.

Пример, показывающий, что действия прессы не помогают решению экологических проблем, а усложняют его. Вспомните, какие фанфары звучали в прессе от самой левой до самой правой по поводу новых российских портов, в частности Лужского. Это будет экологическая катастрофа, если построят порт в Лужской губе. Тут завязались чисто политические игры. Опять-таки журналистам надо быть компетентными. Может быть, они просто куплены консорциумами промышленников, которые стараются построить новые порты. Тогда это пример подкупа. Но, мне кажется, виной всему некомпетентность.

Советский Союз вложил огромные деньги в строительство Ново-Таллинского нефтеперевалочного порта по самым современным стандартам. Двадцать лет назад на это было потрачено, наверное, пять миллиардов рублей. Прекрасный Ново-Таллинский порт пустует. При этом планируется соорудить новый терминал в Лужской губе недалеко от Петербурга. Это значит погубить Финский залив, потому что денег для того, чтобы сделать приличный нефтяной терминал, нет. А в прессе это подается как какое-то спасение. Я говорил и с министром экологии Эстонии, и с многими общественными деятелями Эстонии. Эстония тоже заинтересована в том, чтобы Россия использовала Ново-Таллинский нефтяной терминал. Это выгодно Эстонии. Это выгодно России.

То же самое с портами на Черном море, которые мы, вроде бы, потеряли, потому что Ильичевска нет, Одессы нет, Севастополя нет. Принимается решение, поддерживаемое всей прессой, о строительстве новых портов на тех небольших участках побережья в Краснодарском крае и на Азовском море, которые сохранились у России. Мы погубим моря. Пресса должна квалифицированно анализировать события, а не так, как это делается сейчас.

Последний пример. У нас есть вроде бы хороший закон о государственной тайне. В статье 7 этого закона говорится, что экологическая информация не может быть секретной. Есть и другой хороший закон – о государственных архивах, в котором вроде бы введена цивилизованная норма: через тридцать лет раскрываются все государственные архивы.

Что сделал Верховный Совет Российской Федерации? По просьбе Министерства атомной промышленности и атомной энергетики Президиум Верховного Совета принял решение, подписанное Хасбулатовым, что в отношении атомной энергетики этот закон не имеет силы. Архивы будут и дальше закрыты. Это чудовищно, потому что с атомной энергетикой, с радиоактивным загрязнением связано слишком много тайн, слишком опасное это дело для страны.

Платность экологической информации процветает. Я приведу еще один пример, хотя он и не имеет прямого отношения к свободе прессы. После аварии в Томске-7 работала правительственная комиссия, которая должна была оценить истинные масштабы происшедшего. Комиссия не могла получить данные от геологических служб о концентрации радиоактивных элементов в подземных водах, потому что у нее не было денег купить эти данные, а геологи сказали: мы продадим их только за большие деньги.

Как из этого вырваться?

Я кончаю тем, с чего начал: свобода печати без некоторых условий оказывается не помощью, а опасностью для решения экологических проблем. Какие же это условия? Объективность, компетентность и неподкупность.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**Л. Богораз.** К вам обращались журналисты за разъяснениями по этим проблемам? Искали ли они у вас помощи?

**А. Яблоков.** Да, очень часто и зарубежные, и российские журналисты. Но я вижу, что зарубежные гораздо более тщательно работают, чем российские. Я даю довольно много интервью. Раз в неделю, наверное, кто-то ко мне приходит, начиная от «Эха Москвы» и кончая «Лос-Анджелес тайме». Но одна деталь. Мне неожиданно позвонили месяц назад. Разговор такой: с вами говорят из редакции приложения к «Нью-Йорк таймс», у вас был наш корреспондент. Как вы были одеты? На вашей рубашке действительно было написано что-то? – Я спрашиваю: а почему вас это интересует? – Мы проверяем факты.

После этого появилась очень хорошая резкая критическая статья по радиационной обстановке в России. Действительно, журналист был у меня дома, я сидел в какой-то распашонке, на ней было что-то написано, какое-то английское название.

**В. Осипов.** А какое это имеет значение?

**А. Яблоков.** Это имеет самое прямое отношение к делу. Потому что российские журналисты не затрудняют себя проверкой фактов. Они могут написать все, что угодно. Они могут у вас на магнитофон записать какие-то вещи, а потом, сказав, опубликовать их.

**А. Тавризов.** После аварии в Чернобыле, как это ни поразительно, было очень много публикаций о прекрасной экологической обстановке в зоне. Эти публикации шли от имени экспертов МАГАТЭ.

**А. Яблоков.** А почему вы на МАГАТЭ молитесь? Вы знаете, что в первом пункте устава МАГАТЭ написано, что оно создано для распространения ядерных технологий? Я говорил генеральному директору МАГАТЭ Бликсу два месяца назад: как мы можем к вам относиться с доверием, когда в вашем уставе написано: «распространение ядерных технологий»? Это тоже должны иметь в виду журналисты. Нельзя молит-

ся на международные организации.

**Б. Альтшулер.** Большой недостаток нынешней прессы в том, что она ставит проблему, говорит, как все ужасно, но не объясняет, почему. Вы описали, насколько алогична и абсурдна ситуация с терминалом, который строят в Лужской губе. Но возникает вопрос: почему, если это выгодно и Эстонии, и России, не используется эстонский терминал?

**А. Яблоков.** Это не совсем моя компетенция. Я пытаюсь быть немножко аполитичным, что ли, в данном случае. Я говорю: с экологической точки зрения строительство в Лужской губе очень опасно. Готовится специальная записка в правительство, чтобы поднять этот вопрос еще раз. Этот вопрос с экологической точки зрения поднимался два года тому назад и мной, и министром по чрезвычайным ситуациям С. Шойгу перед Гайдаром. Мы ничего не добились, нас победили промышленники. Сейчас мы договорились с министром экологии Эстонии, что они представят экономические расчеты, и тогда может что-то решиться. Наши экономисты мне таких расчетов не дают.

**Б. Альтшулер.** Я понял: есть некое мощное лобби, которому выгодно эстонский терминал не использовать.

«Известия», по-моему, очень точно и хорошо описывают ситуацию, как не выполняются указы Ельцина о том, что на военные ядерные склады и объекты должны допускать инспекторов Госатомнадзора. Есть ли в этом направлении какой-то сдвиг? Очередной указ был в конце сентября. Опять все мимо или все-таки допускают, наконец, инспекторов?

**А. Яблоков.** Тут уже пример противостояния. Здесь очень хорошо виден механизм противостояния выполнению указов Ельцина. Три министерства – госбезопасности, обороны и атомной промышленности – на протяжении последних полутора лет прямо писали Ельцину: мы не хотим выполнять Ваш указ, мы не можем выполнить Ваш указ, мы считаем ненужным выполнять Ваш указ, пожалуйста, отмените его. Три раза я видел эти письма, когда был советником Ельцина. Три раза.

**Б. Альтшулер.** А какова реакция Президента?

**А. Яблоков.** В двух случаях мне удалось эту реакцию сделать правильной. Ельцин был возмущен. Ну и что?

**Н. Кравченко.** Не считаете ли вы, что было бы целесообразно предложить прессе обучение по этим проблемам? Обучение должны вести специалисты. Или, может быть, выпускать популярный бюллетень, который объяснял бы такие вещи?

**А. Яблоков.** Вы правы. Семинар, наверное, бессмыслен, потому что на семинар придет ограниченное количество людей. Нужна какая-то стратегия для просвещения прессы. Сейчас есть очень мощная организация «Социально-экологический союз». Они пытаются рассылать такой бюллетень. Кроме того, мы создали неправительственную организацию – Центр экологической политики России, одной из его задач является просвещение прессы по таким горячим проблемам, как химическое оружие, плутоний и т. д.

## **Задачи средств массовой информации при освещении проблем беженцев и вынужденных переселенцев**

**М. Арутюнов,** канд. техн. наук, зам. председателя комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации

В настоящее время проблемы, связанные с беженцами и вынужденными переселенцами, объединяемы общим понятием «вынужденные мигранты» (см. приложение), затрагивают, хотя и в разной мере, практически большую часть человечества. Не избежало их и население Российской Федерации, на территорию которой прибыли и продолжают прибывать сотни тысяч вынужденных мигрантов.

Строгий анализ помогает убедиться в действительно массовом характере заинтересованности граждан РФ в проблемах миграции населения. Эти проблемы затрагивают, во первых, – ту часть граждан, которые сами уже сегодня являются беженцами или вынужденными переселенцами (1). Другую часть составляет население тех регионов (в основном, это в России), куда хлынули потоки беженцев и переселенцев (2) – интересы этих людей тоже затронуты процессами нынешней массовой миграции. Как и население тех регионов, откуда идет отток (3). Есть еще относительно немногочисленные группы людей – чиновники (4), неправительственные общественные группы (5), журналисты (6) – так или иначе (кто по долгу службы, а кто по зову совести) причастные к этим проблемам. Численно определить эти группы – сложно, а с большей или меньшей степенью точности вообще невозможно.

По официальным данным, на 1 января 1994 г. беженцев и вынужденных переселенцев (т. е. только тех, кто уже получил соответствующий статус) в России было более 600 тыс. человек. Их число постоянно возрастает и будет возрастать в обозримом будущем: по прогнозам, оно ежегодно будет увеличиваться приблизительно на 200 тыс. человек. По прогнозам Федеральной миграционной службы (ФМС), в ближайшие несколько лет число вынужденных мигрантов в РФ может достигнуть шести миллионов человек. Если проблемы миграции будут пущены на самотек, как это имеет место в настоящее время, то обеспечить обустройство даже такого количества мигрантов (200 тыс. в год) будет невозможно. Необходима реальная государственная миграционная программа. Разработанная ФМС России программа неоднократно подвергалась крити-

ке, но действенность этой критики оказалась нулевой – программа согласована в правительстве РФ и принята к исполнению ФМС. Вероятно, процесс миграции уже не удастся остановить; никакими силовыми средствами не удастся запретить потенциальным вынужденным мигрантам переселиться в Россию; да этого и не надо делать. Другое дело, что необходимо упорядочить процесс миграции, составить прогнозы, график миграции, рассчитанной на пять-десять лет, согласовать сроки, обозначить пункты прибытия людей с учетом экономических перспектив того или иного региона, загодя установить связи с потенциальными мигрантами и обеспечить их необходимой информацией.

Конечно же, такая масштабная работа под силу только мощному государственному органу, но средства массовой информации и малочисленный состав общественных неправительственных групп должны подвигнуть на нее чиновников. В противном случае не исключено, что некоторыми политическими силами миграция и связанное с ней обострение обстановки в стране могут быть использованы в политической борьбе, а возможно, и в других формах борьбы.

Берусь утверждать, что у нас в стране создана добротная законодательная база, которая является основой для решения проблем вынужденной миграции.

К сожалению, наши государственные органы своеобразно применяют законы «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах», а закон «О праве граждан РФ на свободу передвижения...» вообще игнорируют. На эти законы идет массированная атака, в первую очередь, со стороны ФМС России и ее руководства. Не сумев разработать достойные механизмы реализации этих законов, чиновники разрабатывают проекты поправок к ним, существенно ограничивающих сферу их применения. Они обосновывают свое неприятие законов невозможностью их экономического обеспечения. Но ведь ни одно, даже самое богатое государство, не решает проблемы мигрантов только за счет государственных средств. Даже если эти законы были бы доработаны по предложениям ФМС, у России не хватило бы никаких разумных средств для их реализации. Более того, поток мигрантов от этого не уменьшился бы, и единственное, что было бы достигнуто, – возросла бы социальная напряженность в стране.

Чиновников, занимающихся проблемами миграции, относительно немного – сегодня, вероятнее всего, около 10 тысяч. Число их должно увеличиваться. К тому же, за ними практически стоит весь государственный аппарат. Поэтому от уровня их правовой образованности (сегодня он очень низок), компетентности и человеческих качеств во многом зависят положение вынужденных мигрантов на новых местах поселения и отношения их с местным населением.

В связи со всем сказанным, очевидна важность изыскания методов воздействия на группу чиновников и реализации этих методов. И тут средства массовой информации и общественность наряду с другими рычагами воздействия могут сыграть свою немалую роль.

Соответственно с ростом числа мигрантов будет возрастать и число людей во второй группе – местного населения, чьи интересы затронуты процессами миграции. И третьей тоже.

Самыми малочисленными из всех, названных здесь групп населения, соприкасающегося с нашими проблемами, оказываются группы неправительственных общественников и журналистов. Между тем, их роль в процессах миграции невозможно переоценить – как в плане их влияния на самих вынужденных мигрантов, на местное население, так и в плане их воздействия на чиновников, просвещения последних и постановки реальных проблем. Из сказанного ясно, что предлагаемая прессой информация должна быть адресной. Так, самим вынужденным мигрантам было бы необходимо разъяснять законы РФ о беженцах и вынужденных мигрантах. Пока что большая часть этих людей предпочитает получить или сохранять ранее полученный статус беженцев. Очевидно, они не понимают, что по закону лица, получившие статус вынужденных переселенцев, фактически уравниваются в правах с гражданами РФ и имеют гораздо больше возможностей для обустройства на новом месте. Конечно, разъяснить им реальную ситуацию обязаны чиновники, но, во-первых, они не умеют и не хотят это делать, а во-вторых, люди не испытывают к ним доверия.

Что касается группы (2) – местного населения, то, к сожалению, многие люди, входящие в эту группу, в том числе и облеченные властными полномочиями, считают беженцев и вынужденных переселенцев тяжелой обузой, отвлекающей часть федерального и местных бюджетов от других, более насущных для них проблем. В условиях жилищного голода и нарастающей безработицы местные жители зачастую рассматривают беженцев и вынужденных переселенцев в качестве нежелательных конкурентов на рынке труда, в очереди за муниципальным жильем, в реализации права на собственность и т. п. Некоторые связывают обострение положения на местах, в частности, ухудшение криминогенной ситуации, с увеличением числа мигрантов в конкретном регионе. Существующее негативное отношение к вынужденным мигрантам зачастую подогревается непродуманными действиями как центральных, так и местных органов власти.

Даже в центральных газетах демократического толка появляются отдельные статьи, искаженно представляющие положение вынужденных мигрантов на местах. В ряду застрельщиков, изображающих беженцев и вынужденных переселенцев в виде тунеядцев, лихоимцев, рвачей, людей, приехавших за длинным рублем и легкой жизнью, – впереди, как ни странно, идет столица Российской Федерации Москва, ее чиновники и ее пресса.

Обращаясь к этой категории граждан (к местному населению, включая и местные властные структуры) общественники и журналисты на местах могли бы сообщать о возможном положительном влиянии вынужденных мигрантов на экономику и другие сферы жизни конкретного населенного пункта, района и т. п. В центральных и региональных средствах массовой информации целесообразно ставить более масштабные

проблемы. И там, и там нельзя упускать из виду положительные стороны прибытия в Российскую Федерацию вынужденных мигрантов. Полезно напоминать и разъяснять гражданам, и не в последнюю очередь нашим чиновникам, что многие государства возродились, а некоторые созданы лишь усилиями мигрантов. Наиболее наглядными примерами могут служить Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия и Израиль. Значительный вклад внесли мигранты в становление экономики и развитие культуры многих стран Центральной и Южной Америки, Южно-Африканской республики.

Средства массовой информации могли бы наглядно показать, что прибытие и обустройство на необъятных просторах Российской Федерации миллионов и десятков миллионов людей должно рассматриваться как чрезвычайно положительный фактор, способствующий ее интеллектуальному, культурному и экономическому подъему. Естественные на нынешний день трудности с приемом и обустройством беженцев и вынужденных переселенцев, а также мигрантов всех других категорий не должны заслонять позитивное воздействие этих граждан на развитие государства, оздоровление и рост численности его народонаселения.

В связи с изложенным заслуживает самого пристального внимания, популяризации и продвижения в жизнь девиз «Новой России – новые люди, идеи, дела»; под таким девизом проходил первый Всероссийский съезд переселенческих, а точнее, беженских организаций. Съезд проводился в Москве Российским фондом помощи беженцам «Соотечественники», объединяющим около семисот переселенческих производственных коллективов.

Наши средства массовой информации могли бы показать на положительных примерах (а их уже множество), как вынужденные мигранты, оказавшись в совершенно новых для себя условиях, создают производственные предприятия и выпускают самую разнообразную продукцию, в том числе сельские электронные АТС, автобусы, кабельные изделия и многое другое. Очень важно показать, что на созданных таким образом предприятиях работают не только беженцы и вынужденные переселенцы, но и местные жители, чем частично сглаживается острейшая проблема безработицы.

Государственные и общественные организации могли бы через средства массовой информации развернуть массовую агитационную, пропагандистскую, разъяснительную работу (неважно, как ее назвать) по привлечению средств для обустройства беженцев и вынужденных переселенцев среди отечественных и зарубежных спонсоров, международных организаций и фондов, среди местных органов власти, местного населения и самих вынужденных мигрантов.

Естественно, при всем этом нельзя упускать из виду и человеческую, гуманную сторону максимальной поддержки наших соотечественников, оказавшихся волею судеб за пределами родины и сейчас вынужденных или желающих на нее вернуться. Никому не пожелал бы оказаться на месте и в положении беженца или вынужденного переселенца. Многие из них пережили психический стресс. Разрушен складывавшийся десятилетиями уклад их жизни, оборвались многие человеческие и деловые связи, многие потеряли родных и близких. Приехав на территорию Российской Федерации, эти люди не только сталкиваются с материальными и жилищными трудностями, но и обнаруживают, что у них несколько иная, хотя и российская, европейская культура. Несмотря на «русскоязычие», их менталитет во многом отличается от менталитета местных жителей. Особенно это сказывается, когда городские жители вынуждены расселяться в сельской местности.

Средства массовой информации обязаны разъяснить российскому населению истинное, часто критическое положение вынужденных мигрантов, обрисовать проблемы и перспективы их обустройства.

Особо следует остановиться на проблеме численности и положения беженцев из дальнего (старого) зарубежья. В средствах массовой информации постоянно муссируются сообщения о перегрузке некоторых регионов Российской Федерации такими беженцами. Однако их официальная численность близка к нулевой. Дело в том, что для того, чтобы государственные органы признали кого-либо беженцем, он должен подать соответствующее ходатайство. До настоящего времени от лиц из дальнего зарубежья такие ходатайства поступают очень редко. Таким образом, подавляющее число «беженцев» из стран дальнего зарубежья являются не беженцами, а незаконно присутствующими на территории РФ иностранцами или лицами без гражданства.

Нашим средствам массовой информации, прежде чем поднимать шум о засилии беженцев во многих регионах, в частности, в столице, стоило бы самим получше разобраться в этом вопросе.

И последнее. Проблем с вынужденной миграцией очень много. Осветить их и ответить на многие насущные вопросы беженцев, вынужденных переселенцев и мигрантов других категорий, существующие средства массовой информации практически не в состоянии. Нужен рабочий периодически издаваемый печатный орган, например, под названием «Миграция», используемый для обмена опытом и для обмена информацией. В нем могли бы публиковаться предложения о работе, различного рода законодательные и ведомственные акты, справки юриста по поднятым вопросам, постановочные материалы и т. п.

## **ПРИЛОЖЕНИЕ** **к докладу М. Арутюнова**

Законами Российской Федерации «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах» установлены понятия «беженец» и «вынужденный переселенец», объединяемые общим термином «вынужденные мигранты».

По закону «О беженцах», беженец – *это прибывшее или желающее прибыть на территорию Российской Федерации лицо, не имеющее гражданства Российской Федерации, которое было вынуждено или имеет намерение покинуть место своего постоянного жительства на территории другого государства вслед-*

ствие совершенного в отношении него насилия или преследования в иных формах или реальной опасности подвергнуться насилию или иному преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений».

Приведенное определение во многом соответствует определению, установленному Конвенцией ООН 1951 г. о статусе беженцев и протоколам 1961 г., касающимся статуса беженцев, но учитывает также реальную ситуацию в Российской Федерации в связи с вынужденной миграцией на ее территорию.

По закону «О вынужденных переселенцах», вынужденный переселенец – это «гражданин Российской Федерации, который был вынужден или имеет намерение покинуть место своего постоянного жительства на территории другого государства или на территории Российской Федерации вследствие совершенного в отношении него или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений в связи с проведением враждебных кампаний применительно к отдельным лицам или группам лиц, массовым нарушениям общественного порядка или другими обстоятельствами, существенно ущемляющими права человека.

Вынужденным переселенцем может быть признано также и не имеющее гражданства Российской Федерации лицо, покинувшее место своего постоянного жительства на территории Российской Федерации по основаниям, предусмотренным частью первой настоящей статьи<sup>4</sup>.

Вынужденным переселенцем может быть признан гражданин бывшего СССР, проживавший на территории республики, входившей в состав СССР, прибывший на территорию Российской Федерации по обстоятельствам, предусмотренным частью первой настоящей статьи<sup>5</sup> и приобретший гражданство Российской Федерации, находясь на территории Российской Федерации.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**И. Дядькин.** Хочу напомнить, что недавно был семинар, посвященный праву на свободу передвижения, и там проблема беженцев обсуждалась подробно. С этим можно ознакомиться в сборнике материалов прошлого семинара.

**Б. Альтшулер.** В какой степени, по вашему мнению, сохранение в Москве института прописки препятствует тому, что называется естественной абсорбцией беженцев? Беженцы продолжают сидеть на шее Москвы, государства, а институт прописки не дает им возможности нормально жить и работать (даже при наличии рабочих мест, даже при наличии приватизированной площади). В какой мере институт прописки искусственно мешает решению проблемы?

**М. Арутюнов.** Я считаю, что институт прописки изжил себя полностью. Тот закон, который был принят, исключает институт прописки в том виде, в каком он был, а именно разрешительный принцип прописки. Законом предусматривается уведомительный принцип регистрации. По этому поводу идет большая борьба с той же московской мэрией, которая завладела, честно говоря, средствами массовой информации. Я много раз пытался выйти на телевидение и устроить дискуссию с руководством московского правительства. Шахновский, Донцов и другие говорят, что согласны встретиться на телевидении, обещают позвонить и никогда не звонят.

Какие аргументы приводятся? В двух словах: увеличится преступность, ухудшится криминальная обстановка в столице. Данные Министерства внутренних дел этого не подтверждают. За все время зарегистрировано только 146 случаев правонарушений со стороны беженцев и вынужденных переселенцев. Это с 1990 г. по всей России! А по Москве вообще только несколько случаев.

Говорят, что введение закона ухудшит криминальную обстановку. Это тоже несерьезно. Криминогенные элементы, преступные элементы либо живут без прописки и никогда не пропишутся, либо давно уже прописаны известными всем нам способами.

Приводится следующий серьезный аргумент: вынужденные переселенцы и беженцы лишат москвичей их законного права на муниципальное жилье. Это же обман. Закон к этому не имеет никакого отношения. Москва может вводить любые ограничения: временной критерий, например: только проживший в Москве десять или пятнадцать лет имеет право встать в очередь на жилье и т. д.

Приводятся аргументы медицинские и т. д. Я готов разбить все эти аргументы. Это просто издевательство над народом. Из той же области взимание на метро платы за проход с сумками-колясками. Я думаю, что в явном или скрытом виде это прекрасный метод «левого» дохода местных органов власти или тех же паспортисток.

**Б. Альтшулер.** Нужен ли России закон об абсорбции такого типа, как в Израиле?

**М. Арутюнов.** Я думаю, что надо сделать действенными те законы, которые существуют. То, что мы примем много красивых и хороших законов, ничего не изменит.

<sup>4</sup> То есть по основаниям, изложенным в предыдущем абзаце. М. А.

<sup>5</sup> То есть по основаниям, изложенным выше. М. А.

## Правовая тематика в средствах массовой информации

А. Горелик, доктор юридических наук, Красноярский фонд «Правовая защита»

Я не журналист, я юрист, преподаватель Красноярского университета и занимаюсь правозащитной деятельностью в фонде «Правовая защита». Поскольку я специалист по уголовному праву, главное мое направление – защита прав людей, которые оказались в сфере действия, или в жерновах нашей правоохранительной системы.

Вопрос «А судьи кто?» – мы ставим сейчас в самом общем виде, в широком смысле, в грибоедовском, так сказать.

Но если взять этот вопрос в узком, юридическом смысле, имея в виду наших судей, то это звучит очень актуально. Причем можно спрашивать не только «А судьи кто?», но и «А прокуроры кто?» и даже «А адвокаты кто?». Хотя позиция у них зачастую и правильная, но профессиональный уровень далеко не высок. Количество судебных ошибок, причем грубых, велико. По обычным уголовным делам это явление довольно распространенное. Мы пытаемся оказать в таких случаях помощь, у нас отработана система, мы сотрудничаем с депутатами и т. п. Но я хочу здесь сказать о связи со средствами массовой информации, поделиться некоторыми наблюдениями.

Средства массовой информации вообще любят эксплуатировать, если так можно выразиться, правовую тематику. Я бы выделил две такие чрезвычайно популярные формы, как судебный очерк и журналистское расследование. Хотя интерес к прессе, падает, но к этим материалам, по-моему, он все-таки не падает. Такого рода материалы публиковались и в годы застоя, и всегда были популярны.

Такого рода судебные или (скажем шире) правовые материалы, как правило состоят из трех частей и трех составных элементов: излагаются какие-то факты, затем даются какие-то правовые оценки, правовая квалификация, а потом собственные оценки журналистов – моральная и т. д. Я полагаю, что свобода слова в полном ее смысле относится только к третьему элементу. Журналист вправе давать какие угодно моральные оценки, и один и тот же факт в разных газетах может получить разные оценки.

Должна ли журналистика воспитывать? Я безусловно сторонник положительного ответа на этот вопрос. Не только церковь, не только литература, но и публицистика, бесспорно, имеет огромное воспитательное значение. Мне не кажется, что задача журналиста просто изложить голый факт – и думай, что хочешь.

Вот в отношении этих оценок журналисты абсолютно свободны. Но они не имеют права вольно обращаться с фактами, особенно когда речь идет о журналистских расследованиях, судебных делах и т. д.

А такое вольное обращение с фактами стало едва ли не массовым явлением. Причина этого совершенно очевидна. Еще римские преторы говорили: «Принимай решение, выслушав обе стороны». Между тем, журналисты нередко выслушивают только одну заинтересованную сторону и публикуют эту одностороннюю информацию, не проведя сколько-нибудь глубокого изучения фактов. Как правило, прав оказывается тот, кто обратится первым. Это не только у журналистов, у юристов и следователей тоже есть такой грех. Я это условно называю «синдром обложки уголовного дела». Если двое подрались, а один из них обратился первым, то на обложке уголовного дела пишется, что это дело по обвинению второго, хотя, может быть, первый больше виноват. И любой юрист, который берет это дело в руки, сразу видит, кто обвиняемый, и дальше все, что идет во вред обвиняемому, всякое лыко в строку здесь пишется, а все, что, наоборот, противоречит этой инверсии, игнорируется.

То же самое нередко я замечаю и в журналистских публикациях. Просто читаю, и сразу возникает вопрос: почему этот момент обойден молчанием, а почему тот? Нередко это делается нарочно, а не случайно.

Затем журналисты переходят к правовым оценкам ситуации. Я понимаю, что журналисты не являются юристами, но хотя бы консультируйтесь иногда с юристами. Ведь иногда такую чушь читаешь в газетах! Например, в нашей местной, правда, не очень авторитетной, газете опубликован материал – не письмо читателя, а журналистский материал. Речь идет о разводе, при котором суд разделил имущество поровну между мужем и женой, хотя муж больше зарабатывал. Журналист так и пишет: «Он представил убедительные документы, что зарабатывал больше, а суд уперся – нет, пополам». А суд совершенно прав, потому что по закону имущество в таких случаях делится пополам.

В качестве образца можно взять Л. Н. Толстого, который, когда писал судебные сцены в романе «Воскресение», по каждому слову консультировался у А. Ф. Кони.

Несколько слов об эффективности газетных выступлений. Здесь говорили, что раньше «Правда» напечатает, и уж, конечно, порядок будет наведен, а теперь все публикуют, и никакого эффекта. Действительно, так оно и есть. Я даже хотел задать вопрос: ну, а что делать? Здесь ведь только два варианта. Давайте примем закон, по которому обяжем судебные, прокурорские, административные органы отвечать на все критические выступления печати. Но сейчас развелось столько органов печати, что это практически совершенно невозможно. В то же время оставлять без внимания это тоже нельзя. Нужно искать какие-то выходы.

Могу поделиться некоторым небольшим опытом. Мы используем средства массовой информации, сотрудничаем с телевизионной передачей «Де-юре», я там иногда выступаю с комментариями. И вот туда стали поступать письма граждан о таком типичном мошенническом деле: некая фирма сделала рекламу, собрала деньги, обещая что-то по дешевым ценам продать, ничего не продала, а деньги пустила в оборот. Я выступил с комментарием один раз, второй раз, дал правовую оценку. Стал ходить по кругу: прокуратура, суд, милиция. Они меня посылают из одной конторы в другую: дело вроде не уголовное, а гражданское. В конце



концов, я пришел в прокуратуру (я там все-таки тридцать лет работаю, подавляющее большинство прокуроров и судей – мои бывшие студенты) и говорю: Если вы не примете мер по защите интересов обманутых людей, в очередной передаче «Де юре» я вас так распишу, что не обрадуетесь. А они знают, что я могу это сделать. И представьте, сразу же возбудили уголовное дело, нашли мошенника, объяснили, что смягчающим обстоятельством для него будет одно – если он рассчитается с обманутыми людьми. Он взял адреса, сам ездил по домам и вручал деньги с учетом инфляции. Больше 500 человек получили деньги в результате этой акции. Этот метод запугивания, может быть, не очень хорош, но во всяком случае эффективен.

Еще у нас есть такой материал, когда обманутыми оказались не отдельные граждане, а все население: фирме дали алюминий, чтобы она закупила сахар, алюминий она продала, пятьдесят миллионов долларов получила, сахара никакого нет. Газета выступила. Я выступил с правовым комментарием. Администрация молчит. Я редакции говорю: давайте раз в неделю, скажем, по пятницам или по четвергам, на одном и том же месте будем публиковать напоминание, что ждем ответа; не редакция, народ ждет ответа. Через неделю вернемся к этому вопросу и сообщим, есть ли ответ. В конце концов, может быть, и это окажется бесполезным, но какой-то эффект в этом смысле может быть.

Я призываю к точности позиции, потому что ведь сейчас все требуют защиты. Когда я выступаю перед населением, меня спрашивают: кто защитит от милиции? Там бьют, это довольно распространенное явление, я с этим сталкиваюсь постоянно. Сейчас я занимаюсь проблемой явки с повинной и установил, что большинство случаев явок с повинной – просто выбитые из подозреваемых документы. А когда я разговариваю с милицией, они спрашивают: кто защитит милицию, потому что их тоже убивают и они тоже нуждаются в защите. Вот здесь нужна точная позиция. Я полагаю, что на улице надо защищать милицию. За границей, если человек тронул за рукав полицейского, за это уже наказывают. А когда хулигана задержали, обезоружили и привели в отделение, тут уже надо его защищать от милиционеров.

Меня беспокоит проблема прав потерпевшего. Наша правовая реформа расширила права обвиняемого, и это, в общем, правильно. Но о потерпевших забыли, и у них теперь прав оказалось значительно меньше. Но кого закон должен в первую очередь защищать? Наверное, потерпевшего. Ведь дело дошло до того, что в нашем очень передовом законе о присяжных есть такое место: если в суде прокурор отказывается от обвинения, то автоматически выносится оправдательный приговор; присяжных потом уже не спрашивают и потерпевшего не спрашивают, согласен ли он с этим. А при наших не очень квалифицированных прокурорах да при нашей коррупции, представляете, сколько этому помощнику прокурора могут дать, чтобы он отказался от обвинения: ведь это автоматически оправдательный приговор. Мне кажется, это крупный пробел. Средства массовой информации, я думаю, поступят правильно, если будут выступать в этом направлении.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**Т. Котляр.** Меня беспокоит статья о порнографии. Я не являюсь поклонником ни порнографии, ни эротики. В середине восьмидесятых годов массу владельцев видеомагнитофонов судили за то, что они показывали своим знакомым те фильмы, которые сейчас демонстрируют в кинотеатрах и по телевизору.

**А. Горелик.** Вы хотите знать, чем отличается эротика от порнографии?

**Т. Котляр.** Да. Где критерий?

**А. Горелик.** Видите ли, я доктор юридических, а не сексуальных наук. Точного отличия порнографии от эротики толком не знает никто. В области киноискусства, театрального искусства и т. д. критерий вроде бы нащупали. Считается, что если изображение разного рода сексуальных сцен является непременной частью сюжета, без которой сюжет не будет двигаться, то это нормальная эротика. А если показывают точно такую же сцену, но она к сюжету отношения не имеет, – то это уже порнография. Пока критерий такой. А для газеты его вообще нет.

**В. Осипов.** Закон о суде присяжных – хороший закон. Я сам участвовал в его разработке. Но, мне кажется, там есть очень большой недостаток – назначения суда присяжных может потребовать только обвиняемый, но не потерпевший. Как вы считаете, это упущение?

**А. Горелик.** В законе не совсем так: нужно согласие обвиняемого, чтобы его дело рассматривалось в суде присяжных. Вы совершенно правы, потерпевшего при этом не спрашивают, и я считаю, что это недостаток закона о суде присяжных.

**Б. Альтшулер.** Очень точное замечание о подвешенности и неэффективности прессы. Но есть же в демократических странах масса общественных организаций, которые взаимодействуют с прессой. Тут, по моему, какой-то вакуум у нас образовался в последние два года. На прессу, в первую очередь, должны реагировать общественные организации, защищающие интересы населения, а этого не наблюдается.

**А. Горелик.** Я юрист, и слово «должны» для меня очень много значит. «Должны» – это когда закон возлагает обязанности. Как юрист я против закона в котором было бы написано: общественные организации обязаны, должны реагировать на выступления прессы. Я думаю, законодатель возложить на государственные органы такие обязанности еще может, хотя это нереально, а на общественные вообще не может.

## Правозащитная журналистика

**В. Абрамкин,** директор Общественного центра содействия реформе уголовного правосудия

Мне непонятна тоска по директивности, которую средства массовой информации постепенно утрачивают. Вспомним, сколько загубленных душ осталось на совести журналистов, которые готовили заказные статьи по судебным и следственным делам. Например, дело Рокотова. Журналисты, которые писали об этом деле, являются соучастниками убийства подсудимых, я не могу иначе назвать вынесенные тогда смертные приговоры. С правовой точки зрения они были абсолютно незаконными. Но кто спровоцировал это беззаконие, кто будил самые темные страсти у толпы, кто требовал расстрелять «валютчиков, спекулянтов и врагов народа»? И сколько было подобного рода неправовых, преступных расправ, в которых журналисты принимали непосредственное участие, точнее, соучаствовали. А процессы над инакомыслящими? Некоторые журналисты даже без указания сверху как будто соревновались в подлости и клевете на обвиняемых по политическим делам. Вспомните процессы над Синявским и Даниэлем, Гинзбургом и Галансковым, участниками августовской демонстрации 1968 г. на Красной площади... Журналисты поливали грязью тех, кого потом сажали. Хорошо бы об этом помнить. Трудно представить, чтобы журналисты, писавшие подобные директивные статьи, не осознавали последствий своих публикаций. Случаи, когда кто-то из этой братии сейчас, когда это им ничем не грозит, отказался от своих клеветнических статей или хотя бы извинился перед людьми, которых оболгал, единичны.

Последствия директивности средств массовой информации доходили до абсурдных вещей. Например, любая публикация с упоминанием моего имени воспринималась администрацией лагеря, в котором я сидел, совершенно определенно: меня тут же сажали в ШИЗО...

И слава Богу, что эту директивность прессы мы постепенно начинаем преодолевать. Если журналист действует правовым путем, если у него есть материал, разоблачающий те или иные беззакония, надо не только опубликовать его, но и направить соответствующие материалы в суд, в прокуратуру и т. д. И добиваться, как это сделал, скажем, Кронид Любарский, чтобы соответствующие меры были приняты. Ведь Любарский не только дал публикацию в «Известиях» о книге Жириновского, он прежде направил заявление в Генеральную прокуратуру.

И не надо нам прежней эффективности прессы за счет ее директивности, не надо, чтобы средства массовой информации имели такую неправовую власть, когда после публикации, радио- или телепередачи людей без всякого разбирательства арестовывают и гноят в тюрьмах. Есть нормы, определяющие порядок установления виновности или невиновности человека; это дело судьи, следователя, а не журналиста. К сожалению, директивность прессы до сих пор не преодолена. И нам известны случаи, когда заказы на те или иные «разоблачения» журналист получает из МВД, прокуратуры и даже от криминальных структур.

Общество защиты осужденных хозяйственников недавно проводилось общественные слушания по делу кооператива «Теллур». Там, в частности, были представлены заказные статьи по этому делу из «Советской России» и, если мне не изменяет память, из «Правды». По словам подсудимых, эти статьи вошли в качестве доказательств вины арестованных в первый том дела. 1989 г., идет только предварительное следствие, а журналистка пишет о том, какие негодяи эти кооператоры: у них рестораны с цыганами, девочки, украденные миллионы, «мерседесы» и т. д. И все это сопровождается фразами типа «как доказало предварительное следствие». Автор статьи Кислянская специализируется на правовых проблемах, вряд ли она не знает, что доказать вину человека может только суд. А обвиняемые по делу «Теллура» четыре с половиной года гниют в следственном изоляторе. Никому не пожелаю тюрьмы, но вот таких журналистов стоило бы хоть на пару дней отправлять в камеру, чтобы они на собственной шкуре ощутили, какими муками оборачиваются их заказные статьи для конкретных людей.

Да, публикации все реже имеют такую директивную силу, как в прежние годы. Но если журналист нацелен только на «клубничку», на чернуху, то с какой стати он должен жаловаться на отсутствие реакции властей? Надо доводить дело до конца правовым путем, собирать материал, действовать в соответствии с законом, тогда и реакция будет.

Я автор еженедельных передач для заключенных «Облака» на «Радио России». Эта передача выходит в эфир уже два года. У нас накоплен определенный опыт создания и ведения радиопередач на правовую тему. Об этом опыте я хотел бы сказать прежде всего.

Невозможно создать правовое государство, создавая только хорошие законы, формируя действенные государственные институты. Пока у людей не будет знания об их правах и, что еще важнее, потребности в этих правах, никакого правового государства не будет. Это одна из задач правозащитников.

Вторая задача касается технологии правозащитной деятельности в нынешних условиях. Они качественно отличаются от условий, в которых мы действовали, скажем, десять или даже пять лет назад. Хорошо сделанная радиопередача, хорошая публикация, удачно проведенная кампания по той или иной проблеме оказываются более эффективными, чем, скажем, более привычные для нас способы действия вроде обращений к американскому президенту, российскому Президенту, к Лужкову и т. п. Но зачастую мы сводим нашу деятельность только к такого рода обращениям.

В 1989 г. академик Сахаров передал тогдашнему Председателю президиума Верховного Совета СССР Лукьянову первые свидетельства о пытках в тюрьме «Белый Лебедь». Это абсолютно ни к чему не привело. Состоялась формальная проверка, заключенных заставили под диктовку написать, что «претензий к администрации они не имеют», Сахаров получил соответствующую формальную отписку. Помнится, Андрей Дмитриевич тогда посетовал, что статус депутата оказался менее эффективным, чем его прежний статус «клеветника». В шестидесятые-семидесятые годы он почти не получал официальных ответов, но каждое его

обращение, появившееся в самиздате или прозвучавшее по «голосам» заставляло тогдашних властителей шевелиться.

Мы занимались проблемами пыток на «Белом Лебеде» тоже с 1989 г., но организовать кампанию в прессе, сделать эту проблему известной и для национальных, и для международных организаций – все это потребовало долгой, кропотливой работы, сбора свидетельских показаний, различного рода документов, оформления, перевода части материалов на английский. Здесь требуется, может быть, менее широкий захват, но более глубокий. Такую кампанию мы начали в 1991 г., и где-то через год пытки на «Белом Лебеде» прекратились. Так что можно действовать эффективно, только этому надо учиться.

Я позволю себе не согласиться с тем, что задача прессы – только информировать население. Может быть, задача профессионального журналиста действительно такая, но задача правозащитника – не только информировать, но и просвещать. В нашей стране ситуация отличается от западной, и просто информация без просветительства порой оказывается неэффективной. Скажем, в публикации идет речь о том, что человека неправильно осудили, что в результате журналистского расследования удалось добиться пересмотра приговора. Это понимается совершенно однозначно – что журналист может отменить судебный приговор. И в редакцию идут тысячи писем от людей, считающих себя несправедливо осужденными и надеющихся на помощь, на защиту. У нас ведь сохранилась вера в директивность средств массовой информации. Поэтому важно, может быть, в той же публикации дать некоторые сведения о технологии правовой защиты, о независимости суда, его неподвластности никаким «четвертым властям», рассказать подробнее, как происходило обжалование приговора.

Третье. Журналистика, особенно правовая журналистика, должна быть адресной. Мы должны понимать и знать своего читателя или слушателя, а не обращаться к некой абстрактной аудитории. Обращаться ко всем – значит, не обращаться ни к кому. Это, кстати, одна из причин неудачи предвыборной кампании. Многие статьи были написаны, скорее всего, в расчете на своих коллег, на интеллектуалов. А простому человеку, как показывают опросы, вообще было непонятно: кого и куда он выбирает. Половина отвечающих даже не знали, что такое Государственная Дума, Федеральное Собрание, не говоря уже о программах блоков. А публикации в большинстве своем как будто предполагали, что читатель разбирается во всем этом не хуже профессионального политолога.

Радиопередача «Облака» называет себя голосом заключенных. В самом начале идет заставка: «Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому безразлична их судьба». К слову сказать, это огромная потенциальная аудитория, потому что, кроме миллиона заключенных, миллионов их родственников, по оценкам экспертов, в стране от пятнадцати процентов до четверти взрослого населения – это бывшие заключенные, которые тоже нас слушают. Слушают передачу и работники МВД, что тоже очень существенно.

Мне кажется очень важным, чтобы специальные радио- и телепередачи, постоянные разделы в газете, адресованные конкретным группам населения, велись с участием правозащитных организаций. Ведь они не только знают конкретные нужды «своих» групп (заключенных, солдат, рабочих, беженцев), но постоянно «сидят» в проблеме. Такие правовые, правозащитные разделы и передачи должны готовиться не только профессиональными журналистами, но и профессиональными правозащитниками. Для подготовки «Облаков» мы используем архив нашего центра, результаты проводимых нами социологических исследований, изданные нами книги и т. д. Но и сама передача позволяет нам иметь постоянную обратную связь со своими радиослушателями, а значит, и с той группой населения, с которой работает центр. В месяц мы получаем пятьсот-шестьсот писем. Конечно, очень трудно работать с таким потоком писем, но без этого потока мы просто не знали бы, что происходит в той сфере жизни, которой мы занимаемся.

Нам, как мне кажется, необходимо разработать целостную программу правового просвещения. Не урывками, не время от времени трогать какую-то тему, а иметь определенную концепцию, определенный план правового просвещения.

И еще один важный момент: правозащитники должны оставаться вне политики. Мы должны быть вне партий и вне политики. Потому что в той политизированности, которая сейчас всех охватила, жуткой политизированности, разговор о правах человека приобретает уродливый, иногда дикий, смешной характер. Старая традиция российских правозащитников – вне партий и вне политики – должна быть воспринята, как мне кажется, новым поколением.

Я хотел бы закончить конкретными предложениями, над которыми, как мне кажется, стоит подумать. Нам необходимо скоординировать свои усилия, чтобы создать независимые правозащитные, правовые средства массовой информации. Раньше, еще при коммунистах, была передача и журнал «Человек и закон».

## ОБСУЖДЕНИЕ

**Л. Богораз.** Есть журнал «Права человека».

**В. Абрамкин.** Это не тот случай, когда можно говорить о целенаправленной деятельности, имеющей свою концепцию и свои принципы. Когда я говорил о целостной программе, то имел в виду, что государственное радио и телевидение должно предоставить правозащитникам время в эфире, естественно, после того, как проект и программа будут разработаны.

Необходимы средства, которые не подорвут при этом нашей независимости. Сейчас все покупается и

все продается, продается точно так же, как и при коммунистах, только сейчас покупатель не партийно-бюрократический аппарат, а политики, бизнесмены, да и продаются в общем-то те же журналисты, которые продавались и раньше.

Это, конечно, важный вопрос – откуда брать деньги, чтобы сохранить независимость.

**Л. Богораз.** Кого вы называете профессиональными правозащитниками?

**В. Абрамкин.** В данном случае под профессионализмом я имел в виду не источник дохода, а высокий уровень знания, освоения правозащитных технологий, компетентность и т. п.

**М. Розанова.** Сколько сейчас в стране заключенных? И, если можно, то по категориям: сколько в лагерях, сколько в тюрьмах, сколько в предварительном заключении?

**В. Абрамкин.** Есть официальная статистика, согласно которой в России на конец прошлого года было чуть больше 830 тысяч заключенных. Иногда официальной статистикой приводится цифра в 530 тысяч. Путь здесь происходит оттого, что пенитенциарные учреждения находятся в ведении пяти министерств и восьми главков, а цифры дают в основном по одному или двум крупнейшим главам МВД: Главное управление по исполнению наказаний (ГУИН) и Главспецлесу (прежнее название – ГУЛИТУ). Иногда исключают из статистики подследственных.

По нашей оценке, по всем видам учреждений, включая учреждения для самых маленьких, скажем, одиннадцатилетних детей (такие учреждения тоже есть) в стране около одного миллиона заключенных. Женщин примерно сорок тысяч. Подростков, начиная с одиннадцати лет – около 35 тысяч.

**А. Ломунов.** Как может быть правозащитное движение вне политики? Смешно. Вспомните стихи Некрасова: «Ему судьба готовила путь славный, имя громкое народного заступника чахотку и Сибирь...». Задача правозащитника – защитить людей от системы, от карательных органов, даже если этот человек-агент иностранной державы, все равно. Как при этом правозащитник может быть вне политики?

**В. Абрамкин.** Постараюсь ответить на ваш вопрос. Я занимаюсь правами заключенных. Не политических заключенных, а любых заключенных. И мне неважно, кем является тот или иной заключенный по своим взглядам: фашист, коммунист или еще кто-то. Если это заключенный, если его били во время следствия, я его защищаю, потому что здесь налицо нарушение прав человека. В этом смысле я должен быть вне политики. Приоритет – правам человека, а не каким-то сиюминутным целям и не моим взглядам даже.

**Г. Жаворонков.** Мы долго добивались, чтобы в лагерях заключенным разрешили заниматься предпринимательской деятельностью. Но сам закон о предпринимательской деятельности еще не разработан. Наш успех обернулся для заключенных злом: их окончательно превратили в рабов, работающих для обогащения своих хозяев – администрации. Те заключенные, которые занимаются разрешенным теперь в зонах предпринимательством, могут за это получить новый срок. Раз нет четкого закона.

**В. Абрамкин.** Да, это ужасная проблема. Новый закон, который был принят в конце августа прошлого года, все это разрешил. И сейчас идет еще более жуткая эксплуатация дешевого труда заключенных. Их эксплуатирует не только администрация, а целый ряд фирм, которые понимают, что открыть маленький кирпичный завод в зоне гораздо прибыльнее, чем на воле. Да, эсков сейчас продают, за деньги показывают иностранцам. Сами эски говорят: настроили зверинцев для людей и теперь нас за валюту показывают. Я сам это недавно видел: в театре эстрады была презентация журнала «Столичный криминал», и там эсков, как зверей, показывали за валюту. Это кошмар.

**С. Григорьянц.** Сохранились ли детские тюрьмы?

**В. Абрамкин.** У нас таких сведений по тюрьмам России нет. В спецколах и спец-ПТУ сейчас содержится восемь с половиной тысяч детей. Это тюрьмы для самых маленьких детей. Туда отправляют, как правило, без решения суда, по решению административных органов. Восемь с половиной тысяч детей. Три года назад в этих учреждениях было пятнадцать тысяч заключенных.

## Раздел IV

### Печать сегодня: свобода и ответственность

**А. Подрабинек,** *главный редактор независимой газеты «Экспресс-хроника»*

Свобода печати в России всегда была барометром политического состояния общества. По тому, насколько свободна печать, у нас всегда судили, насколько свободно в политическом отношении и общество. Я думаю, это и в самом деле безошибочный критерий.

Не возьму на себя смелость говорить о том, как относились к свободе вообще и к свободе печати в частности во времена, отделенные от нас несколькими поколениями. Но думаю, что не ошибусь, если скажу, что в последние два-три десятилетия свобода печати представлялась нам некоторой наивысшей политической ценностью, неким гарантом нашего политического благополучия.

В сущности, едва ли не главным содержанием демократического движения в СССР была борьба за свободное получение и распространение информации. Во всяком случае, подавляющее большинство всех политических процессов и большая часть эпизодов обвинений на них были связаны с распространением запрещенной литературы. И сама борьба за права человека была неразрывно связана с требованиями свободы слова.

И тогда в этой удушливой атмосфере одурачивания и лжи, когда неподцензурная печать заражала читателя свободой, смелостью – а это была смелость и того, кто писал, и того, кто читал, – когда крушение коммунизма напрямую связывалось с торжеством гражданских свобод, нам представлялось, что, если бы свобода вдруг пришла, то все проблемы были бы разрешены.

Если кто-то ждет, что я признаю эти наши тогдашние надежды ошибочными, то он напрасно это делает. Это были совершенно правильные ожидания, может быть, только несколько преувеличенные.

Коммунизм рухнул в августе 1991 г., советская власть – в октябре 1993 г. И по мере освобождения страны от тоталитарных пут печать становилась свободнее, все в большей степени соответствуя интересам различных слоев общества, а не обслуживая только интересы правящей коммунистической элиты. Мы были абсолютно правы, отождествляя общий уровень свободы в стране с уровнем свободы печати. Печать сегодня свободна настолько, насколько трудно было об этом мечтать еще десять лет назад.

Новая беда и новые проблемы связаны сегодня отнюдь не с отсутствием свободы печати, а с неподъемной тяжестью этой свободы для самой печати, для журналистов, редакторов, владельцев газет.

Я мог бы привести несколько иллюстраций, демонстрирующих эволюцию свободы печати и закономерную связь между свободой слова и уровнем тоталитаризма в стране.

Было отсутствие свободы слова по-сталински, когда сажали за анекдоты. Во время оттепели власть смирилась с устным народным творчеством и за анекдоты не сажала, но преследовала за художественные произведения, написанные не в духе социалистического реализма. Это было отсутствие свободы слова по-хрущевски.

В семидесятые и в начале восьмидесятых годов власти смирились, наконец, и с неподцензурной художественной литературой. Они перестали обращать карательное внимание на писателей, публикующих свои произведения за границей. Это было, когда сажали в основном за политическую публицистику, документалистику, нелегальную антисоветскую агитацию и неподцензурную религиозную проповедь. Это было отсутствие свободы слова по-брежневски.

Во времена Горбачева, когда здание социализма пошатнулось, начало осыпаться, главной приметой перестройки называли гласность, социалистический мутант подлинной свободы слова. Эта дозированная свобода вполне соответствовала размягченному тоталитаризму. Политические процессы пошли на убыль. Уже не сажали за политическую публицистику, за самиздат и даже за листовки. Но и права на свободную издательскую деятельность власти за гражданами не признавали.

У меня имеется весьма любопытный документ, характеризующий ту эпоху. Это письмо из Моссовета в ответ на мою просьбу разрешить открыть издательский кооператив для выпуска газеты. Документ датирован маем 1987 г. По поручению заместителя председателя Моссовета тов. Лужкова Юрия Михайловича, нашего нынешнего мэра, заведующий его секретариатом пишет: «Ваши рассуждения о свободной и независимой газете на кооперативных началах не базируются на марксистско-ленинской философии и во многом ошибочны». Кооператив не разрешили. Впрочем, мы обошлись без каких-либо разрешений, начав еженедельную газету, которая издается и по сей день.

В 1988 – 1989 годах появилось огромное количество самиздатских газет и журналов, подвергавших самой острой критике любые аспекты советской политики. Преследования свободной прессы носили в основном административный характер. Уже в это время за свободу печати не приходилось платить слишком дорогой ценой – свободой или жизнью. Это было отсутствие свободы печати по-горбачевски.

До полной свободы печати оставалось полшага, и на сегодняшний день эти полшага не сделал только тот, кто не хотел, кому эта свобода не нужна. Сейчас стало модным говорить об отсутствии свободы слова. И говорят это в основном те, кто во времена тоталитаризма благополучно работал в казенной прессе, и та молодежь, которая эти времена не застала или помнит их очень смутно. Последним их обвинительный запал в какой-то мере простителен. Юные души ищут применения своим бунтарским наклонностям, ищут обоснование своему нигилизму и оправдание своей неприязни к власти. В молодости это почти нормально. Мы ведь действительно не замечаем, что дышим, пока нам не перекроют кислород. Кто в свое время не отведал полной мерой прелести тоталитарного бытия, тот не в состоянии полностью оценить преимуществ нашей сегодняшней свободной политической жизни.

Однако, когда о свободе слова больше всего пекутся те, кто в нашем недавнем социалистическом прошлом занимал хорошие посты в государстве и средствах массовой информации, то это выглядит по крайней мере смешно. Когда президент Ассоциации главных редакторов и издателей Иван Лаптев подписывает коллективное журналистское обращение со словами «Необходимо предотвратить этот удар по свободе слова» (имея в виду введение рыночных цен в полиграфии), невольно задаешься вопросом: почему он не радел так о свободе слова, когда ее на самом деле не было, а сам Лаптев тогда, в брежневские времена, был заместителем главного редактора «Правды», а позже главным редактором «Известий»?

Влияние остатков партийной номенклатуры на состояние сегодняшней российской журналистики очевидно. Ничего хорошего это влияние нам не сулит. Воспитанные, прожившие большую часть своей жизни в холопстве, они растеряны сегодня от навалившейся на них свободы, они интерпретируют ее как разнужданность. И, думаю, будут рады при первой же возможности вернуться в цензурное стойло. Мне кажется, что совсем скверно, когда они назначаются на такие высокие должности, как, например руководитель российского телевидения.

Я хочу зачитать вам часть документа, опубликованного в январском номере рязанского журнала «Кар-

та» (пользуюсь случаем, чтобы рекомендовать этот журнал как весьма интересный).

Речь в документе идет об освещении в средствах массовой информации процесса Синявского и Даниэля. Документ помечен грифом «Секретно» – второй сектор 04 057 (что-то обозначают эти цифры?) ЦК КПСС. «В связи с предстоящим судебным процессом считаем необходимым доложить предложения об освещении этого процесса в печати и по радио. Репортажи своих корреспондентов из зала суда, а также официальные сообщения ТАСС о ходе судебного процесса ежедневно публикует газета «Известия» и «Литературная газета». Редколлегии газет «Правда», «Комсомольская правда», «Советская культура» и «Советская Россия» по своему усмотрению могут публиковать заметки своих корреспондентов из зала суда. Все остальные газеты публикуют о судебном процессе лишь официальные сообщения ТАСС. По радио о ходе судебного процесса передаются отчеты ТАСС и отдельные корреспонденции газет. АПН совместно с КГБ при Совете Министров СССР поручается подготовка соответствующих статей о процессе для опубликования за рубежом. Корреспонденты указанных газет, ТАСС и АПН проходят в зал суда без фотоаппаратов по служебным пропускам, выдаваемым КГБ.

Для подготовки официальных сообщений и просмотра корреспонденции о ходе судебного процесса организовать специальную пресс-группу в составе (перечисляются соответственно чиновники ЦК КПСС). Документ подписан заведующим отделом культуры ЦК КПСС т. Шауро, заместителем заведующего отделом административных органов ЦК КПСС т. Савинкиным, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А. Яковлевым.

Чего мы можем ожидать от нынешнего российского телевидения, когда его возглавляет А.Н. Яковлев, один из авторов этого некогда секретного документа, один из организаторов пропагандистского прикрытия знаменитого политического процесса? Я думаю, ничего хорошего.

Обида и упреки номенклатуры смешны. Можно, конечно, поверить им, что всю жизнь они лгали читателю ради собственного благополучия, а теперь вот решили говорить правду. Но солгавшему не единожды и не высказавшему раскаяния – кто поверит? Разве тот, кому успокаивающая ложь дороже будоражащей правды.

В споре о свободе печати я могу, как это называется в судебном процессе, быть квалифицированным свидетелем.

Газета «Экспресс-хроника», которую я редактирую, никогда не брала дотаций от государства, не получала от него никаких льгот, никакой помощи. Уже поэтому у меня нет оснований быть благодарным государству за что-либо. И я могу утверждать при этом, что свобода печати существует. Практически она существует даже для тех, кто это государство не признает. Проиллюстрирую это на нашем же примере.

Я зарекся регистрировать «Экспресс-хронику», пока жива советская власть. Газета выходит седьмой год. Нам неоднократно предлагали зарегистрироваться, последний раз в августе прошлого года министр печати и информации Федотов. Мы всегда эти предложения игнорировали. А газета, тем не менее, выходила и распространялась. Мы зарегистрировали «Экспресс-хронику» только два месяца назад, когда стало ясно, что советская власть наконец-то рухнула и на ее месте создается что-то новое, не очень, может быть, хорошее, но все же что-то другое.

Нам удавалось осуществлять свободу печати на деле, не спрашивая на это разрешения и не получая поощрений от правительства. Какая же еще свобода нужна тем, кто имеет сегодня все необходимое для печати: помещение, фондовую бумагу, дотации государства – и жалуется при этом на отсутствие свободы печати? А ларчик открывается просто. Свобода им вовсе и не нужна. Им нужны деньги для издания, льготы, дотации любой ценой, даже ценой свободы печати.

Редакторы газет, объявившие в январе этого года о готовности к забастовке, просили в сущности одно: чтобы правительство обеспечило им финансовую самостоятельность. За счет типографий, за счет издательств, за счет налогоплательщиков. Председатели колхозов просят дотации для своих убыточных хозяйств, аргументируя это важностью решения продовольственной проблемы. Нефтяники и газовики требуют дотации, аргументируя это важностью решения энергетической проблемы. Журналисты запросили дотации, чтобы защитить свободу слова. Все признают, что рынок вообще-то хорош, но не для них: их случай особой важности.

Эгоизм, даже если это корпоративный эгоизм, не должен быть выше свободы, о которой мы столько говорили, к которой столько стремились. Но попробуйте объяснить это людям, которые воспитаны советской властью и всю свою советскую жизнь свободе предпочитали послушание!

Стенания об угрозе свободе слова – не более, чем поза людей, к этой свободе на самом деле совершенно равнодушных. Или же эти люди понимают свободу как манну небесную. По их пониманию, свобода – это пришедшее сверху чудо, которое даст им немедленно все самое лучшее: обеспеченность, популярность, экономическую безопасность и обязательство государства содержать их. Они не воспринимают свободу печати как личную необходимость, как условие профессиональной деятельности. Между тем, свобода – это по меньшей мере всегда необходимость, всегда риск и всегда огромная ответственность. Свобода желанна и легка только для тех, кто без нее бедствует, для остальных же это груз неподъемный.

С сожалением приходится констатировать, что для большинства крупнотиражных российских изданий свобода – это тяжесть, несоизмерная их силам, это обуза, от которой они непрочь избавиться. Финансовый риск и неблагоприятные экономические перспективы они готовы отдать за правительственные гарантии, за короткий экономический поводок, на котором правительство потащит их через бурное море рынка. Ну, по-

нятно, что хочется выжить, хочется сохранить газету и не остаться без куска хлеба. Вопрос: какой ценой? Ценой ли собственной свободы и независимости от властей?

Ясное дело, откуда взяться ощущению острой необходимости свободы, если подавляющее большинство пишущей братии неплохо обходилось без этой свободы, работая в советской прессе? Откуда взяться готовности к риску, если большинство привыкло получать в советских газетах зарплату не за правдивую информацию, точный анализ и честный репортаж, а за услужливость на идеологическом поприще? Откуда взяться журналистской ответственности, если профессиональная этика и общечеловеческая мораль у большинства нынешних журналистов были заменены моральным кодексом строителя коммунизма, партийным уставом и негласными инструкциями о правилах поведения?

И вот настала свобода печати, а востребовать ее почти и некому. В рабских глазах тоска по гарантированному куску хлеба с маслом, по кнуту и прянику, по определенности, не принуждающей делать свободный выбор.

Да что там официальная журналистика! Некоторые полагают, свободы печати у нас в стране нет потому, что настоящим-то независимым журналистам денег на печать не дают, что бумага и полиграфические услуги слишком дорого стоят и потому не всем доступны.

Но кто сказал, что свобода – это синоним обеспеченности и благополучия? Кто придумал, кто поверил тому, что, став свободными, мы станем богатыми? Это полный вздор! Обеспеченность и сытость чаще сопутствуют рабству, чем свободе. Во всяком случае, нужны годы упорного труда, чтобы свобода сопровождалась материальным благополучием. Сегодня мы непрестанно взвешиваем и решаем один и тот же вопрос: что важнее для нашего общества, для нашей страны – достоинство свободного человека или сытость холопа? Увы, многие выбирают последнее, ибо слишком долго мы жили в несвободе.

Все это очень печально, потому что у нас нет сорока лет, чтобы изжить рабство, да и по пустыне нас водить некому. Сколько времени пройдет еще, прежде чем ключевые места в российской прессе займут журналисты нового поколения, если не закаленные в отстаивании новой свободы, то хотя бы не воспитанные в холопстве и безответственности!

Между тем, уровень прессы в некоторых отношениях просто удручает. Свобода, которая вдруг обрушилась на печать, сняла, слава Богу, все мыслимые запреты. Но свобода благотворна в обществе только тогда, когда она сочетается с определенным уровнем ответственности, по крайней мере, с определенным уровнем профессиональной этики. Нынешняя свобода в российской прессе напоминает ту свободу, которую ощутили балтийские морячки и петроградские люмпены в октябре семнадцатого года. Та же свобода овладела разнузданной толпой у Белого дома в октябре прошлого года, когда эта краснознаменная толпа залихватски шагала по Москве, предвкушая объявление в России новой гражданской войны. Свобода, не сдержанная ответственностью, законом или моралью, становится разрушительной. Такая свобода без минимальной ответственности за нее способна разрушить саму печать.

Первые признаки этого разрушения – легкость в отношении к информации и стремительная вульгаризация прессы. Появляется масса сообщений, не соответствующих действительности. В части случаев это просто неточности, но велика и доля просто непроверенной информации, сомнительность которой очевидна. Отсутствует привычка отвечать за свои слова, за свои публикации. Практически не существует понятия хорошей репутации. Вульгарность проявляется и в отношении к событиям, и в языке. Когда «Московский комсомолец» в шутовском тоне сообщает о чьей-то смерти, сопровождая это прибаутками и анекдотами, то это свидетельствует не только о крайнем цинизме редактора, но и о нравственной деградации всей газеты. Когда Виталий Третьяков в своей «Независимой» или Елена Боннэр в «Огоньке» употребляют матерную брань, то это свидетельство не только дурного вкуса авторов, но и признак вульгаризации этих изданий. Когда «Комсомольская правда» или «Московский комсомолец» никак не могут расстаться со своими комсомольскими названиями, то это свидетельство полного пренебрежения своей репутацией, своим именем. Когда «Независимая газета», проводя подписную кампанию, пишет, что Россия не погибнет, пока в ней есть «Независимая газета», то это не только признак неумного тщеславия и пошлости редактора, но и свидетельство общей невзыскательности, снижения до рекламного уровня всей газеты, которая начинала весьма многообещающе. И ничего бы, если бы дело было только в главном редакторе, бывшем парторге «Московских новостей», но это неизбежно ложится тенью на всех сотрудников и авторов газеты, а отчасти даже и на читателей.

Примеров, когда свобода растрачивается на саморекламу, цинизм и стремление подыграть самым низким чувствам невзыскательного читателя, хоть отбавляй.

Если присмотреться к проблемам свободной печати повнимательнее, то можно заметить, что многие из них связаны с финансовыми трудностями. Говорят, деньги портят человека, но отсутствие денег портит его еще больше. То же самое и с прессой. Зажатые в финансовые тиски, газеты мечутся в поисках спонсоров и дотаций, сражаются с издательствами и почтовиками и, в конце концов, не выдерживая борьбы, отдаются на милость самых сильных и богатых. Понятно, что далеко не всех устраивает перспектива остаться свободными, но прекратить существование. Некоторые считают лучшим выходом подороже продаться, если уж не коммерческим структурам, так хоть правительству.

Переходя к заключительной, конструктивной части доклада, я хочу предложить для обсуждения несколько соображений, которые, – впрочем, весьма условно, – можно назвать проектом защиты свободной печати.

О том, что периодическая печать не может принести прибыль и даже быть самокупаемой, свидетельствует не только наш, но и зарубежный опыт. Редкие газеты выживают только за счет рекламы. Что касается новых газет, то без поддержки со стороны, будь то свой бизнес или чужой, им не обойтись. Это, конечно, не распространяется на рекламнокоммерческие или порнографические издания. Наихудший вариант поддержки – это прямая поддержка прессы правительством. Здесь весьма велика вероятность потерять самостоятельность, попасть в политическую зависимость, стать пропагандистским рупором правительства. Так же не слишком хороша система, при которой пресса финансируется какими-то промышленными кругами или банками. Зависимость от бизнеса тоже может оказаться достаточно жесткой и ограничивающей журналистскую свободу. Гораздо лучше, когда поддержку прессе оказывают общественные или частные фонды. Однако общественные фонды у нас слишком слабы и во многих случаях, как мне кажется, политически ангажированы, а на зарубежные фонды рассчитывать особенно не приходится, да и странно было бы рассчитывать на поддержку зарубежных фондов как на постоянный источник финансирования отечественной прессы.

Наилучшим вариантом, мне представляется, было бы создание в России крупного общественного фонда поддержки прессы. Основная часть средств могла бы поступать в него из государственного бюджета. Возможно, его финансировали бы и коммерческие структуры. Такой фонд отвечал бы перед своими спонсорами только по сумме затраченных средств, а не по подбору финансируемых им газет. Но фонд должен быть именно общественным. В его правление должны входить люди, не связанные непосредственно с прессой, с правительством и с теми предприятиями, которые оказывают фонду спонсорскую поддержку. Правление должно состоять из людей, авторитетных в обществе и имеющих приличную репутацию. Такой фонд, по идее, должен был бы стать буфером между теми, кто дает деньги, и теми, кто их получает, прежде всего, между правительством и прессой. Такой фонд, при хорошо избранном правлении, был бы лишен слишком сильной политической заинтересованности и позволил бы газетам успешнее отстаивать свою независимость, не давая в то же время пропасть им в нищете. Редакторы газет, радио и телевидения были бы избавлены от необходимости быть признательными правительству за дотации, ибо непосредственный выбор газет осуществляло бы не правительство.

Собственно говоря, в том, что я предлагаю, только одно, но очень существенное отличие от той системы дотаций через Министерство печати и информации, которая существует сегодня. Это двухступенчатая система тех же дотаций, это создание дистанции между правительством и прессой. Сейчас правительство само решает, каким газетам и сколько надо дать. При этом неизбежно учитываются политические интересы. Даже если бы правительство и стремилось вести кристально честную политику в отношении средств массовой информации, то одно сознание зависимости от него уже могло бы деморализовать журналистский корпус. А на деле какая уж там кристальная честность! Два года назад Комитет по печати Верховного Совета рекомендовал выделить дотации изданиям детским, юношеским, культурно-просветительским и специально для инвалидов. Министерство печати и информации начало раздавать дотации. Начальник управления средств массовой информации Министерства печати Алла Ярошинская в интервью журналу «Столица» на ехидный вопрос, есть ли в списке дотируемых изданий не попадающие под рекомендации Комитета по печати, признала, что есть: «Труд» и «Комсомольская правда». Действительно, издания вроде бы не детские, не инвалидные и уж вовсе не культурные. Как же они попали в список? С очаровательной наивностью и простотой, свойственной послушным правительственным чиновникам, она отвечает корреспонденту: они включены по просьбе Ельцина. Просто по просьбе. Ну, просил хороший человек, как отказать!

Другой пример. В начале января этого года в средствах массовой информации промелькнуло сообщение, что министр печати Шумейко высказался в том смысле, что дотации в этом году получают только десять-пятнадцать изданий. По выбору правительства, разумеется. Угадать, кто получит, не так уж трудно. Я как редактор не завидую этим изданиям. Но у меня как у налогоплательщика возникает вопрос: почему деньги, которые я вношу в госбюджет, идут на помощь лишь тем изданиям, которые нравятся правительству? Я, допустим, предпочитаю другие газеты, почему же я должен субсидировать именно эти? Или пусть правительство каждый раз публично и аргументированно поясняет, из чего оно исходит, предоставляя дотации тем или другим изданиям. Пока такого ни разу еще не было и как-то не верится, что будет.

Вот почему предпочтительнее, чтобы дотации распределяло не государственное учреждение, а общественное, на службе у государства не состоящее. Конечно, и это не станет панацеей от всех наших бед, доставшихся нам в наследство от семидесятилетнего тоталитаризма. Подлинное лечение этой постсоветской хвори – в правовом просвещении и формировании мироощущения свободного человека. Когда «человек советский» превратится в «человека свободного», тогда мы сможем по-настоящему пользоваться плодами той политической свободы, которую имеем уже сегодня. Наверное, эта эволюция не относится к большинству сидящих в этом зале, многие из которых уже заплатили за свободу тюремными годами. Тем большая на всех нас лежит ответственность за то, чтобы свобода вообще и, в частности, свобода печати стала подлинным достоянием всего общества, а не игрушкой в руках у ловких политиков и не менее ловких газетчиков. Я думаю, что работа настоящего семинара лежит как раз в этом русле.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**А. Ломунов.** В «Русской мысли» и в «Экспресс-хронике» неоднократно подчеркивалась мысль, что режим Берии был бы куда предпочтительнее режима суловского, хрущевского.



**А. Подрабинек.** Это было мнение не «Русской мысли», а автора публикации в ней.

**А. Ломунов.** И в «Экспресс-хронике», кажется, у Александра Постнова из Казани была такая мысль. Правильно ли сделала «Русская мысль», что опубликовала такую статью?

**А. Подрабинек.** Трудно сказать, правильно ли сделала «Русская мысль». Это все-таки мнение автора. В «Экспресс-хронике» я такого не помню. Это вопрос скорее к авторам, чем к газетам.

А вообще лучше ли был бы режим Берия, чем режим Суллова, трудно сказать.

**А. Ломунов.** Где гарантия, что вашу критику не возьмут себе на вооружение одиозные советские, совковые группировки?

**А. Подрабинек.** Гарантии нет.

**Письменный вопрос.** Как определяются жанр и ориентация «Экспресс-хроники» – как чисто информационные или занимающие некоторую политическую позицию, оппозиционную или еще какую? Газета называется «Экспресс-хроника». Считаешь ли ты, что она преемник «Хроники текущих событий»: в чем, в какой степени?

**А. Подрабинек.** Основной жанр «Экспресс-хроники» – это информация без оценок, без комментариев. Тем не менее существует попутный жанр анализа и комментариев происходящих событий. Четкой политической позиции газета не имеет; во всяком случае, она не декларирована: это дело авторов. Считаю ли я ее преемником «Хроники текущих событий»? Нет. Газета попыталась воспринять традиции и некоторые методы «Хроники текущих событий». Это связано с тем, что некоторые авторы газеты и сотрудники редакции работали в «Хронике текущих событий». Но формально она преемником «Хроники текущих событий» не является.

**Д. Резинко.** Прежде всего, мне очень нравится ваша газета, я ее с удовольствием читаю, я принимаю вашу позицию. Как вы выходите из положения, не получая дотаций, как вы решаете финансовые вопросы?

**А. Подрабинек.** Повторяю: мы не получаем дотаций от правительства. Я считаю самым важным не зависеть от политических структур. В течение четырех лет мы существовали за счет пожертвований читателей, потом два раза получали гранты от американских общественных фондов, сейчас получаем третий. Но если встанет вопрос: получать дотации от правительства или закрываться, – мы закроемся.

**А. Арендарь.** Вы очень много внимания уделили свободе печати, но очень мало – ответственности за эту свободу. Я хотел бы понять, как вы полагаете все-таки добиваться ответственности не за то, что кто-то что-то соврал, а за то, что в мир, в жизнь пущены идеи, которые могут оказаться тлетворными, вредными?

**А. Подрабинек.** Если вы имеете в виду моральную ответственность, то я уже говорил, что у нас нет срока лет, чтобы переделаться. Если вы имеете в виду юридическую ответственность, то это за рамками моего доклада.

**Т. Котляр.** Не ставит ли необходимость получения грантов газету в зависимость если не от правительства, так от мнения тех общественных организаций, которые эти гранты предоставляют? Ведь эти организации тоже могут намекнуть; что лучше не трогать те или иные темы.

**А. Подрабинек.** В принципе это возможно. Я на практике не сталкивался с зависимостью, во всяком случае, когда общественный фонд находится на другом континенте. У них, видимо, нет ни желания, ни охоты, ни, может быть, времени даже пытаться нам что-то диктовать. Хотя в принципе такая зависимость возможна, но чем она меньше, тем лучше. Вопрос заключается именно в том, чтобы эту зависимость от властей или от коммерческих структур, от кого угодно, по возможности уменьшить. Потому я и предлагаю создать фонд, который был бы буфером между теми, кто дает деньги, и теми, кто их получает. Это была бы защита для прессы.

**Т. Котляр.** Часть тех, кто причисляет себя к патриотической оппозиции, участвовали в демократическом движении. И многие из них утверждают, что у нас нет свободы печати. Вы не пытались анализировать их мотивы?

**А. Подрабинек.** Пытался. В этой дискуссии противная сторона не может представить никаких аргументов. Если у вас есть деньги, вы можете прийти в типографию и напечатать все, что захотите. Вы можете зарегистрироваться – процесс регистрации в Министерстве печати занимает три недели, требуется только заявление в одном экземпляре и уплата госпошлины. А мы печатались и без регистрации.

**Т. Котляр.** Вы могли бы найти другой объект для критики, а не Александра Яковлева. Он все-таки кое-что хорошее сделал.

**А. Подрабинек.** Да, я зачитал документ, который как раз показывает, что он делал.

**С места.** Почему вы так боитесь получать дотации от правительства? А нельзя ли получать дотации от правительства и оставаться независимыми от него?

**А. Подрабинек.** В принципе можно получать дотации от правительства и оставаться независимыми. Но вероятность этого очень невелика. Давление, которое правительство может оказать на прессу, осуществляется очень легко.

**О. Панфилов.** Не могли бы вы изложить свою позицию в отношении ограничения свободы прессы более подробно?

Однажды в «Экспресс-хронике» была напечатана подпись к фотографии «Президент Ельцин вручает Марку Дейчу медальку». Не считаете ли вы, что тут есть некоторая вольность?

**А. Подрабинек.** Да, есть вольность. Это шалость автора. Но она в пределах приличия.

Насчет того, как должна быть ограничена свобода печати. Конечно, в правовом государстве должна

быть система ограничений. С этой точки зрения должны существовать и ограничения для свободы печати. Но ведь это в правовом государстве. У нас же нет даже нормальной судебной процедуры, которая могла бы разрешить такие вопросы. Я думаю, в настоящий момент уместно ограничивать свободу печати исключительно запрещением призывов к насильственным действиям. Призывы к насильственным действиям должны влечь за собой какую-то ответственность, может быть, не уголовную, а административную, или закрытие газеты.

**М. Григорян.** Вы здесь высказывали очень много нежелательного о журналистах, которые писали в коммунистической прессе. Когда Вы принимаете на работу людей, когда вы принимаете материалы от авторов, Вас интересует их прежняя деятельность в коммунистических изданиях?

**А. Подрабинек.** Нет. Это чисто абстрактный интерес, но он не влияет на то, принимается человек к нам на работу или нет, публикуется его статья или нет. Но, по моим наблюдениям, те, кто достаточно долго проработал в советской прессе, у нас в газете работать не могут.

**С места.** Вы предлагаете создать общественный комитет в виде буфера, но в настоящее время вполне возможно, что в эти комитеты пролезут коммунисты, как это сейчас наблюдается везде.

**А. Подрабинек.** Коммунисты могут пролезть куда угодно, на то они и коммунисты. Тем не менее, надо пытаться создать какие-то структуры, которые были бы лишены их влияния. Переделать старые структуры на новые почти невозможно. Но создать новую структуру, в которой были бы люди достаточно авторитетные, надо пытаться.

**Е. Захаров.** В своем докладе вы затронули вопросы свободы слова. Как эти слова совместимы с Вашей статьей, в которой вы предлагаете запретить коммунистическую печать?

**А. Подрабинек.** Я в этой статье предлагал запретить деятельность коммунистических организаций. А если у них имеются органы печати, их должна постигнуть участь самих организаций. Если состав преступления будет доказан, надо запретить коммунистические издания.

**Е. Дикий.** Вы выступаете за полную свободу печати и утверждаете, что сейчас она уже реально существует, кто хочет, может ею пользоваться. Однако существуют статьи Уголовного Кодекса, предполагающие уголовное наказание за публикации, за выступления. Я имею в виду статьи об ответственности за разжигание национальной розни и за призывы к свержению конституционного строя. Не считаете ли вы, что это очень жесткое ограничение свободы слова?

**А. Подрабинек.** Во-первых, тот факт, что существуют какие-то статьи в Уголовном Кодексе, жестко не связан с реальной практикой. Я считаю правильным использовать ограничение свободы слова в случаях призыва к насильственным действиям.

**С места.** Какова возможность печататься в «Экспресс-хронике» с более или менее приличной статьей?

**А. Подрабинек.** С более или менее приличной статьей возможность печататься приличная. Принесите.

## **Законодательная и законоприменительная ответственность редакций и журналистов**

**Ю. Шмидт, председатель Российского комитета адвокатов в защиту прав человека**

Стало общим местом повторять, что во времена тоталитаризма мы имели несколько искаженное представление о свободе, о пределах этой свободы, о пределах допустимого поведения в обществе. Естественно, в полемике мы переходили определенные границы. Не имея возможности ни изучить правовую структуру того мира, который мы привыкли называть свободным, ни познакомиться с его реалиями, мы в какой-то степени идеализировали и правовые моменты, и моменты социальной жизни западного общества.

Сегодня наши взгляды в определенной степени изменились, и мы убедились, что абсолютной свободы слова, такой, как мы ее себе представляли или хотели представлять когда-то, или просто не очень представляли вообще, что это такое, – такой свободы слова не существует нигде.

Приведу очень интересные и актуальные для нас примеры из практики Европейского суда по правам человека, которые содержат ответы на некоторые вопросы, звучавшие здесь.

В конце семидесятых годов в Федеративной республике Германии слушалось дело. Некий домовладелец на заборе своего дома устроил нечто вроде стенда и вывешивал на нем памфлеты собственного сочинения, в которых, среди прочего, доказывал, что никакого геноцида евреев во времена Третьего рейха не было, что концлагеря и газовые камеры – это выдумки сионистов. Его сосед, дед которого погиб в концлагере, обратился с иском в суд, считая, что распространение подобного рода информации является, во-первых, ложью, во-вторых, оскорбляет его как человека, который сам – не прямо, а через своих родственников – пострадал от фашизма.

Дело рассматривал региональный суд, который вынес решение в пользу истца. Затем по жалобе ответчика оно рассматривалось в Федеральном суде Германии. Суд признал, что заявитель имеет право на иск. Это то, о чем здесь говорилось, когда обсуждался вопрос, кого можно считать потерпевшим. Памфлеты не были направлены лично против истца или его родственников, но его право на иск обосновано тем, что он, во-первых, является представителем определенной национальной группы, а во-вторых, его собственный дед погиб в концлагере, и поэтому памфлет направлен против него не только как представителя определенной

нации, но и как человека, который имеет правопреемство по отношению к своему родственнику.

Я хочу обратить особое внимание на содержательную часть решения, поскольку в наших делах подобного рода существо исков, как правило, вязнет в массивной демагогии антисемитов и фашистов, которую они используют «на дальних подступах» – на уровне определенных понятий, исторических событий и фактов.

Так вот, в решении было весьма лаконично сказано, что факт массового убийства евреев нацистами исторически доказан и не требует дополнительных исследований. А тот, кто отрицает факт массового уничтожения евреев в период Третьего рейха, «не вправе ссылаться на свободу слова, предусмотренную статьей 1 Основного закона ФРГ, потому что эта свобода не предусматривает права на ложь». Короткое и четкое решение.

Но и вне рамок этого дела хочу сообщить, что прецедентным правом Федерального суда Германии установлены многочисленные факты, в частности, по еврейскому вопросу, которые не требуют новых доказываний в каждом конкретном деле, поскольку уже получили исчерпывающую оценку. Это очень помогает правосудию и ускоряет рассмотрение конкретных дел.

Итак, пройдя все инстанции национальных судов, ответчик обратился в Комиссию по правам человека Совета Европы, которая рассмотрела 16 июля 1982 г. его заявление и вынесла решение о неприемлемости данной жалобы, указав следующее: «Описывая исторический факт как выдумку и ложь, памфлет не только искажает историческую картину, но и оскорбляет достоинство тех, кого представляет лжецами». И дальше идет фраза, которая является одной из ключевых в практике европейских правоохранительных органов: «Ограничение свободы слова необходимо в демократическом обществе для защиты от диффамаций граждан и групп населения. Это не представляет собой дискриминации и ущемления в правах и не противоречит статьям 10 и 14 Европейской конвенции прав и свобод человека». Вот и ответ на вопрос о том, должна ли существовать абсолютная свобода слова или эта свобода должна подвергаться тем или иным ограничениям.

Нам это особенно полезно знать сейчас, когда Россия рвется в Совет Европы, хотя, с моей точки зрения, ей там абсолютно нечего делать. Лишь в самое последнее время произошли определенные события, которые заставили меня несколько изменить это свое мнение.

Позволю себе привести еще одно очень интересное решение, которое хотя, может быть, и выходит за рамки моего доклада, будет вполне уместно, поскольку здесь звучали похожего рода вопросы, – это решение Комиссии по правам человека Совета Европы от 1957 г. по делу коммунистической партии Германии против Федеративной Республики Германии. Тогда Конституционный суд Федеративной Республики Германии вынес решение о запрете коммунистической партии. В этом решении были констатированы следующие моменты: «Коммунистическая партия Германии является антиконституционной. Она должна быть распущена. Создание организаций, замещающих собой коммунистическую партию Германии, или продолжение деятельности уже существующих замещающих ее организаций запрещено. Собственность компартии Германии должна быть конфискована и использована для общепользованных целей». Своё решение суд обосновал статьей 21 Конституции Федеративной Республики Германии, гласящей: «Партии, которые в соответствии с их программой или позициями их членов могут представлять опасность для свободного и демократического конституционного строя и самого существования Федеративной Республики Германии, являются антиконституционными, и вопрос об их антиконституционности решает Конституционный суд».

Вот к чему сводилось это решение, которое каждый из вас может сравнить с решениями нашего российского Конституционного суда.

Далее два члена руководства запрещенной коммунистической партии Германии, считая это решение неправильным, обратились в европейские органы. Комиссия по правам человека признала их жалобу неосновательной и среди прочих доводов указала следующее: «Конкретные ссылки жалобщиков на части 2 статей 9, 10 и 11 Конвенции, которые, по их мнению, не лишают коммунистическую партию права на продолжение функционирования в Федеративной Республике Германии, неосновательны, потому что статья 17 Европейской конвенции гласит: «Ничто в Конвенции не может толковаться как предоставление государству, группе лиц или лицу права заниматься деятельностью или совершать деяния, направленные на ликвидацию прав и свобод, предусмотренных настоящей Конвенцией, или на ограничение их в большей степени, чем в соответствии с Конвенцией».

В решении Комиссии указывается также, что еще в докладе совещательной ассамблеи, которая проводила подготовительную работу по созданию Совета Европы и принятию Конвенции, в качестве одной из целей записано: не дать тоталитаристским силам использовать установленные конвенцией принципы в своих интересах, а именно – для ограничения прав других ссылаться на закрепленные в Конвенции свободы.

Вот как мотивировала Европейская комиссия по правам человека свое решение: «Известно, что коммунистическая идеология имеет целью установление коммунистического строя путем пролетарской революции и диктатуры пролетариата; коммунистическая партия Германии продолжает констатировать это положение как основной принцип и, даже принимая во внимание, что ее настоящая деятельность была направлена на завоевание власти конституционными средствами, она ни в коем случае не отказывается от своих традиционных целей; следование этим целям, по признанию самих заявителей, проходит через стадии, предусмотренные коммунистической доктриной, в том числе через диктатуру пролетариата; обращение же к диктатуре для создания желаемого режима несовместимо с Конвенцией, ибо подразумевает ограничение многих прав и свобод, защищаемых Конвенцией; жалоба не должна быть удовлетворена как неприемлемая».

Вот несколько слов к вопросу о свободе слова, о свободе объединений и о европейских стандартах понимания и восприятия этих самых свобод.

Во Всеобщей декларации прав человека, как известно, кроме статьи 19, провозглашающей право на свободу слова, имеется статья 29, которая как бы корректирует и статью 19, и все остальные: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие личности. При осуществлении прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом, исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других, удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

И вот еще ключевой момент – третья часть статьи 29 Всеобщей декларации прав человека: «Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных наций». Когда я приводил решения Европейской комиссии по конкретным делам, я показывал, где проходит грань между свободой слова и свободой, скажем так, возврата к тоталитаризму. Когда мы читаем третью часть статьи 29 Всеобщей декларации прав человека, мы видим и здесь эту грань уже в концентрированном, концептуальном виде, потому что принципы и цели Организации Объединенных Наций известны – это обеспечение максимально возможной свободы, наиболее полного развития прав человека в условиях демократического общества и в условиях, при которых права и свободы одних не должны входить в коллизию с равными правами и свободами всех других.

Поэтому пропаганда тоталитаризма, пропаганда войны, насилия, расовой исключительности, национальной розни и вражды заведомо неприемлема, поскольку противоречит принципам и целям ООН и Европейской конвенции. Как раз по этим позициям проходит совершенно естественное, нормальное и законное ограничение свободы слова, свободы действий ассоциаций и объединений и т. д.

Международный пакт о гражданских и политических правах имеет норму, аналогичную статье 29 Всеобщей декларации прав человека. В этой норме, в частности, говорится, что пользование всеми правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законами и являются необходимыми для уважения прав и репутации других лиц, для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения.

Наконец, в том же Международном пакте о гражданских и политических правах имеется статья 20, которая гласит: всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом; всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом.

Кроме этих основополагающих норм, существует такой документ, как Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, которая была принята Организацией Объединенных Наций в 1966 г., ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР и вступила в силу в 1969 г. Россия как правопреемник Советского Союза является участницей этой конвенции, поэтому обязана выполнять все ее положения.

В Конвенции записано: каждое государство-участник должно, используя все надлежащие средства, в том числе и законодательные, в зависимости от обстоятельств, запретить расовую дискриминацию, проводимую любыми лицами, группами или организациями, и положить ей конец. Государства обязуются принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение всякого подстрекательства к такой дискриминации, и с этой целью они объявляют противозаконными и запрещают организации, а также организованную и всякую другую пропагандистскую деятельность, которая поощряет расовую дискриминацию и подстрекает к ней, и признают участие в таких организациях или в такой деятельности преступлением, караемым законом.

Вам хорошо известно, что в Конституции Российской Федерации имеется статья 15, в которой говорится: общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора.

Эта формулировка, с моей точки зрения, содержит ключ к решению многих вопросов нашей, так сказать, повседневной жизни и практики. Я твердо убежден, что наше законодательство и правоприменительная практика, в частности, практика применения Закона о средствах массовой информации и статья 7 Гражданского Кодекса Российской Федерации находятся в безусловном противоречии с международными обязательствами России. Я полагаю, что наши законодатели плохо представляют законотворческий процесс, что они пишут законы, зачастую либо не имея ни малейшего представления о международном праве и даже о международных обязательствах России, потому что иначе они не позволили бы себе такое разительное расхождение, либо сознательно это игнорируют в каких-то интересах, безусловно противных интересам нашего государства.

Я начал свое выступление ссылками на нормы международного права и на международную судебную практику, опасаясь, что дальнейшая часть моего выступления вызовет у вас представление обо мне как о человеке, пропагандирующем все что угодно, кроме свободы слова, пропагандирующем ее ограничение и выступающем чуть ли не с позиции тоталитаризма. Смею вас уверить, что это не так. Я как раз считаю, что три грани по цитированным мною документам: пропаганда войны, насилия и расовой дискриминации, – явля-

ются тремя специальными ограничениями свободы слова. Таково мировое право, мировая практика. Кроме того, имеются определенные нормы и в нашем, и в международном праве, уже не находящиеся в сфере идеологии, которые тоже ограничивают свободу слова. Это известная Международная конвенция о запрещении порнографии и статья 228 Уголовного Кодекса Российской Федерации, запрещающая изготовление, распространение и тиражирование порнографических изданий. Имеются также соответствующие нормы в уголовном законе – такие, как клевета, оскорбление, – и они служат естественными ограничителями свободы слова.

В то же самое время хорошо известно, что, не имея, будем говорить так, четкого представления о пределах свободы, понимая свободу как вседозволенность, не умея ею пользоваться, забывая, что свобода – это, в первую очередь, нравственность и ответственность, мы бросились в какую-то крайность и в нормотворчестве периода поздней перестройки и распада Союза начали принимать законы, которые превосходят мировые стандарты демократии и свободы и не содержат необходимых в свободном обществе ограничений. Мне известно, что на конференции в Вене официальные представители некоторых безусловно тоталитарных государств ссылались на свои особые условия и говорили о необходимости ограничения фундаментальных прав человека в их странах. Эту точку зрения я не разделяю, но твердо убежден, что мы должны были декларировать свою полную приверженность мировым стандартам, однако в повседневной практике нашей жизни мы еще не можем позволить себе выйти на уровень мировых стандартов, тем более – превзойти их.

Я не хотел бы развивать эту общую мысль, настолько она очевидна, потому что, когда стандарты нашей социальной жизни хотя бы по некоторым показателям сравниваются с мировыми стандартами, тогда, естественно, мы сможем выходить на эти стандарты и в сфере прав человека тоже.

В связи с этим хочу сказать о Законе о средствах массовой информации, который мой друг Г. Резник назвал хорошим. Я с ним в общем согласен. Я бы с ним согласился даже без оговорки, если бы это был закон не Российской Федерации, а скажем, Соединенных Штатов Америки.

Дело в том, что этот закон не содержит никаких действенных механизмов ограничения свободы слова в указанных выше рамках и не предусматривает ответственности журналистов и редакций не за частные случаи распространения сведений, порочащих чью-то конкретную честь и достоинство, по искам отдельных граждан и организаций, а механизмов ответственности за общую фашистскую, антисемитскую направленность, за призывы к насилию и войне, т. е. ограничения свободы деятельности издания, когда потерпевшим является не конкретное лицо или организация, а государство и общество в целом.

Давайте посмотрим, каким образом можно этим законом пользоваться. Статья 16 говорит о порядке прекращения и приостановления деятельности средств массовой информации, о том, что деятельность их может быть прекращена или приостановлена только по решению учредителя, либо судом в порядке гражданского судопроизводства по иску регистрирующего органа или министерств печати и информации. Вероятно, сейчас правопреемником Министерства печати выступает в этой части Государственная инспекция по защите свободы слова.

Что является основанием для прекращения деятельности? Неоднократно в течение двенадцати месяцев нарушение редакцией требований статьи 4, по поводу которых регистрирующим органом или Министерством печати делалось письменное предупреждение учредителю или редакции, или решение суда о приостановлении деятельности средства массовой информации. Иными словами, первое, что необходимо, – как минимум два письменных предупреждения в течение года, после чего регистрирующий орган или Министерство печати, согласно закону, имеют право обратиться в суд.

Поскольку во второй части процитированной мною фразы говорится: необходимо не только письменное предупреждение, но равно и неисполнение постановления суда о приостановлении деятельности средства массовой информации. Посмотрим, что же является основанием для приостановления судом деятельности такого органа. А основанием может послужить только необходимость обеспечения иска, предусмотренного частью первой настоящей статьи. То есть, если предъявлен иск о запрещении, прекращении деятельности средства массовой информации, то для обеспечения такого иска судья может вынести постановление о приостановлении деятельности до рассмотрения вопроса по существу.

Юристам понятно, что такое обеспечение иска. Неюристам разьясню. Скажем, когда вы подаете иск о разделе имущества с бывшим супругом и боитесь, что, пока суд да дело, это имущество будет продано или каким-то другим образом отчуждено, вы просите в порядке обеспечения реального исполнения иска наложить арест, например, запретить к продаже машину или дачу. Вот это и есть обеспечение иска.

О каком обеспечении иска может идти речь, если я, представитель государственного органа, прошу прекратить выпуск средства массовой информации, а судья рассматривает вопрос и в порядке обеспечения иска прекращает, приостанавливает его издание? Это же нонсенс. Потому что средство массовой информации потому таковым и называется, что оно выходит, функционирует, следовательно, норма, что основанием для приостановления может быть необходимость обеспечения иска – это фикция. И хорошо известно, что по делам, если не ошибаюсь, против газеты «День», «Советская Россия», Министерство печати просило суд вынести решение о приостановлении их деятельности на период рассмотрения дела и, естественно, суды со ссылкой на часть вторую статьи 16 Закона о средствах массовой информации в этом отказывали.

Но все-таки давайте, попытаемся представить: если в течение двенадцати месяцев средство массовой информации получило два письменных предупреждения и, наконец, тот, кому предоставлено такое право, обратился с иском о прекращении его деятельности, может, тут-то как раз правосудие и восторгается?

Мне такие случаи торжества правосудия неизвестны. Где-нибудь далеко от Москвы, может, они и были, но, по крайней мере, совершенно очевидно, что они погоду в правоохранительной практике не сделали. И по этому закону, и по другим нормам нашего гражданского права у недобросовестного ответчика существует масса способов уйти от неприятной для него судебной ответственности. Это и постоянные неявки в суд, и невозможность слушать дело, скажем, при наличии больничного листа у одного из членов редакции, вызываемого ответчиком, в этом случае нельзя прибегнуть ни к каким мерам принудительной доставки, это и ложь и демагогия, в которых вязнет на дальнейших подступах к существу дела судебная процедура. Все знают дела, когда пытались привлечь к ответу фашистов.

Выступления ответчиков полны демагогии в такой степени, что добраться до сути бывает невозможно. Наконец, в этом законе есть главное, что и составляет на сегодняшний день основное оружие подобных редакций – статья 11, которая называется перерегистрацией средства массовой информации. Перерегистрация производится в случае смены учредителя, смены одного из учредителей, т. е. изменения их состава, а равно и изменения названия газеты. По смыслу закона и его тексту получается, что в некой газете учредителями были Иванов, Петров и Сидоров. Потом учредителями могли стать Иванов, Петров и Васильев, который пришел вместо ушедшего Сидорова, – и это уже другая газета. На эту газету не распространяются ранее сделанные ей предупреждения – это уже иное средство массовой информации. Поэтому начинайте раскручивать все с самого начала: двенадцать месяцев и два письменных предупреждения.

В Петербурге целый ряд газет ухитрились уйти от ответственности подобным образом, сменив название. Скажем, газета «Отечество» стала называться «Наше отечество» при всем остальном том же самом. Эта газета, – поскольку у нее и сейчас есть какие-то неприятности по линии региональной инспекции, – уже готовит документы на перерегистрацию под названием «За наше отечество».

Я понимаю, что возникает вопрос: если все до такой степени очевидно и если газета по сути своей та же, так, может быть, можно ей отказать в перерегистрации? Выясняется, что по статье 13 отказ в перерегистрации карается; если регистрация не будет произведена в четко определенный срок, то лица, ответственные за это, могут быть наказаны. Есть перечень мер, которые к ним могут быть применены. Правда, в заявке на перерегистрацию должна быть указана среди прочего «специализация средства массовой информации», и если примерная тематика или специализация средства массовой информации представляет злоупотребление свободой слова в смысле части первой статьи 4, то в перерегистрации может быть отказано. Но когда название газеты хорошее, тематика патриотическая, специализация (не знаю, что пишут в этом разделе) нормальная, что тут может быть такого, что представляет злоупотребление свободой массовой информации? В Москве выходила какая-то газета, которая называлась «К топору». Меня интересует, была она зарегистрирована или нет?

**С места.** Она была зарегистрирована.

**Ю. Шмидт.** Вот видите, даже название «К топору», оказывается, не является основанием для отказа в регистрации с точки зрения возможного злоупотребления свободой массовой информации.

Такова реальная ситуация, с которой мы сталкиваемся в повседневной жизни.

Встает вопрос, что же все-таки делать? Терпеть разгул фашистской пропаганды, терпеть демагогию господ фашистов и коммунистов, которые кричат, что демократы требовали свободу слова для себя, а другим в этой самой свободе отказывают? Конечно, можно им аргументированно ответить. Впрочем, они аргументированных ответов не понимают и даже не умеют их слушать. Значит, нужно принимать какие-то меры. Генри Резник, при всем моем уважении к нему, высказал здесь, с моей точки зрения одну абсолютно несостоятельную идею. Он говорил: кто может констатировать злоупотребление свободой слова средством массовой информации. Только судебный приговор. Это, конечно, не так. Потому что злоупотребление свободой слова может достигнуть степени уголовной ответственности, а может такой степени не достигнуть, и тогда судебный приговор тут не при чем. К тому же рекомендованный им метод – возбуждать уголовное дело после какой-то публикации и после возбуждения уголовного дела или выносить решение о приостановлении издания после привлечения какого-то лица к уголовной ответственности, тоже никуда не годится. Во-первых, этот процесс слишком длительный, а реакция иногда требуется более оперативная. Во-вторых, газета сама по себе не субъект уголовной ответственности: субъектом уголовной ответственности может быть журналист. В-третьих, орган, который должен оценивать и констатировать наличие злоупотребления свободой слова, намечен в самом Законе о средствах массовой информации: если регистрирующему органу или Министерству печати предоставлено право делать предупреждение, это означает, что этому самому органу предоставлено право констатировать факт нарушения. Почему в двух случаях такой факт может констатировать этот орган, а в третьем, когда вопрос уже может стоять о прекращении издания, его этого права нужно лишать? С моей точки зрения, совершенно необходимо привести внутреннее законодательство в соответствие с нормами международных договоров и обязательств России, которые я оглашал. Если в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации говорится, что государство обязано запретить всякую, в том числе пропагандистскую деятельность, направленную на разжигание национальной вражды, розни, призывы к насилию и т. д., это означает, что в соответствии с частью третьей статьи 15 Конституции Российской Федерации эта норма имеет преимущество перед соответствующим внутренним законом. На месте Президента я в первую очередь обратился бы к Государственной Думе с предложением привести наше законодательство в соответствие с Конституцией России и с международными обязательствами. И, если Государственная Дума откажется такой закон принять, то тут-то как раз Конституционный суд и должен рассмотреть вопрос и в

конец концов дать какое-то авторитетное заключение о том, что Россия взяла на себя международные обязательства, ею подписаны документы, существуют нормы Конституции о приоритете этих документов над внутренним законодательством. Я, конечно, понимаю, что господин Жириновский, Зюганов и им подобные господа могут заблокировать на сегодняшний день принятие любого закона, но вот тогда-то многое и станет очевидным. Соединенные Штаты вообще не ратифицировали Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, но они ссылаются на первую поправку к конституции США, которая запрещает всякое ограничение свободы слова. Это, по крайней мере, честная позиция. Соединенные Штаты посчитали, что они потеряют от ратификации этой Конвенции больше, чем приобретут. Их демократический строй настолько устойчив и сбалансирован, что они могут позволить себе такую роскошь, как не подписывать Конвенцию и не менять соответственно по этой причине свою конституцию. А Россия обязана выполнять те договоры, которые она подписала.

Мне представляется, наиболее правильным и действенным механизмом в такой ситуации был бы следующий: тот самый орган, который регистрирует (инспекция по защите свободы слова, государственная или региональная, которая имеет право делать предупреждение) должен иметь право в случае систематического злоупотребления средством массовой информации свободой слова одновременно с обращением в суд приостанавливать деятельность этого издания. Это один из вариантов, при котором окончательный запрет будет все-таки налагаться судом, но суд уже будет проверять деятельность не выходящей ежедневной газеты, продаваемой на всех углах и переходах, а той газеты, которая, по крайней мере, будет озабочена тем, чтобы дело поскорее было рассмотрено.

Другой вариант: властным волеизъявлением прекращается при соблюдении определенных условий издание газеты, а газете самой предоставляется право обратиться в суд, быть истцом и доказывать что она – газета хорошая. Этот вариант мне нравится еще больше, и я полагаю, что в наших конфетных исторических условиях мы могли бы пойти по этому пути. Во всяком случае, делать что-то надо, хотя бы потому, что мы, повторяю, не Соединенные Штаты Америки и не другое государство, которое может себе позволить определенное баловство и шалости, не ставя себя на грань гибели, на грань крушения, на грань потери всего, что с таким трудом было завоевано.

Кроме того, как мне представляется, целесообразно воспринять европейский опыт. Ссылаясь на два решения Европейской Комиссии по правам человека, я обратил ваше внимание на то, как она относится к фактам, которые в юридической теории и практике называются фактами общеизвестными. Нормальное правосудие, как я говорил, не позволяет вступать в дискуссии по терминологии или по сути общеизвестных фактов. Я имею в виду факты, не относящиеся к деятельности конкретного истца, ответчика или обвиняемого, а факты исторические: уничтожение евреев, существование газовых камер, античеловеческая сущность фашизма. В нашем законодательстве или, может быть, в каком-то документе, который назывался бы, скажем, декларацией Государственной Думы, Федерального Собрания, должны быть достаточно четко отражены события и факты, получившие историческую оценку. К их числу можно отнести факты, которые получили исчерпывающую историческую оценку в документах Нюрнбергского трибунала, у авторитетов высшей духовной власти, например, в решении Вселенского Собора о реабилитации еврейского народа по обвинению в распятии Христа, признание фактов геноцида евреев и других «неполноценных» народов во время второй мировой войны, провокационная сущность обвинения в употреблении при следовании обрядам иудаизма крови христианских младенцев. Необходимо раз и навсегда признать исторической фальшивкой такие приписываемые идеологам сионизма сочинения, как «Протоколы сионских мудрецов». Ведь в каждом новом деле приходится снова доказывать, что это фальшивка, и конца этому не видно. Это можно было бы сделать путем, как я сказал, принятия государством какого-то меморандума, заявления, декларации; или через Верховный Суд, или через Конституционный Суд обеспечить действенную борьбу с такими опасными явлениями, как призывы к насилию, фашизм, фашистская идеология, антисемитизм и т. д.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**Письменный вопрос.** Какие существуют возможности судебного преследования за фашистские публикации в России?

**Ю. Шмидт.** Это длинный разговор. Возможности очень маленькие. В Петербурге оправдали одного фашиста, прекратили дело другого. Слишком неудачно сформулирован наш уголовный закон. К тому же у власти нет четкой воли к этому.

**Письменный вопрос.** Может ли быть запрещено или караться законом издание и распространение, например «Майн кампф», не будет ли это нарушением конвенции? Почему в этом отношении бездействует прокуратура? Как заставить ее действовать?

**Ю. Шмидт.** «Майн кампф» в качестве академического издания для ограниченного пользования издать с комментариями и пр. – это вещь допустимая, потому что есть исследователи, которые должны иметь возможность ее прочитать. Но издавать «Майн кампф» массовым тиражом или издавать, как это сделал Безверхий в Петербурге, тенденциозный сокращенный вариант «Майн кампф», где выпущена вся безумная геополитическая белиберда, а оставлено только то, что относится к обоснованию «неполноценности» народов и весь антисемитизм, да еще снабженный соответствующим предисловием, – вот это, безусловно, должно быть предметом уголовной ответственности. Но г-на Безверхого суд оправдал. Он не нашел в его действиях

умысла, направленного на разжигание национальной розни. Но это особый разговор.

**Т. Котляр.** Известна ли вам недавняя практика применения статьи о распространении порнографии, когда владельцы видеоманитрофонов сажали на небольшие сроки просто за то, что они показывали своим друзьям то, что является киноклассикой. Вопрос состоит в том, что до сих пор ни у нас, ни на Западе нет какого-то формального критерия разграничения порнографии и эротики. Поймите меня правильно, я не сторонник порнографии и вовсе не поклонник эротики. Но это неразрешимое противоречие между свободой слова, свободой искусства и запретом на порнографию.

**Ю. Шмидт.** Я думаю, это разрешимый вопрос. Я против распространения порнографии открыто. В Соединенных Штатах есть специальные отделы, где написано: вход с восемнадцати лет. Зашел, купил, взял кассету. А за то, как это у нас делается, я бы тоже наказывал. Не знаю как – уголовно или как-то по-другому, но наказывал бы.

**С места.** Какой, с точки зрения международного права, была реакция российских и европейских властей на различные высказывания Жириновского, которые сейчас тиражируются?

**Ю. Шмидт.** Ничего нового и оригинального в высказываниях Жириновского я не нахожу. К сожалению, реакция властей определяется на сегодняшний день не только тем, что хотела бы власть, но и тем, что, как она понимает, она может решительно себе позволить. И это, увы, в большой степени определяет нашу жизнь. А что касается Совета Европы, то, как я сказал, России сегодня там делать нечего. Нам нужно создавать свой механизм защиты прав человека, региональные механизмы СНГ. Механизм Европейского суда по правам человека наши проблемы не решит. А Совет Европы – это, в первую очередь, механизм защиты прав человека, эти Комиссия и суд – сейчас они будут реорганизованы в один орган – Европейский суд по правам человека. Можно на эту тему говорить достаточно долго, но наши проблемы сломают их хрупкий механизм, хотя я беспокоюсь не об этих механизмах, а о том, что они просто не сумеют работать в нашу пользу. Нам нужно создавать в рамках бывшего Союза или по крайней мере СНГ свое объединение, свой суд по типу Европейского суда по правам человека, который мог бы успешно решать наши проблемы. А если в Совет Европы вступят Украина, Белоруссия, Россия, мы уйдем от решения своих проблем на региональном уровне. Эти проблемы нам надо решать самим, потому что наши стандарты и европейские стандарты – это вещи, которые соединить невозможно.

Я вижу единственный положительный фактор вступления в Совет Европы: влияние судебной практики, прецедентного права Европейского суда по правам человека очень благотворно для изменения внутреннего законодательства. Но с нашей Думой сегодня мы все равно не будем ничего менять. Если нам даже двадцать раз представлять решение Европейского суда, мы все равно будем поступать так, как хотим.

**В. Ронкин.** Является ли правовым применением контент-анализа текста?

**Ю. Шмидт.** У нас делается иначе. Скажем, господин Безверхий – издатель «Майн кампф» – выступил с новыми творениями. Он получил оправдательный приговор, сейчас этот приговор является пособием по технике безопасности для всех антисемитов, в домах висит окантованный, в рамочке, они получили руководство, какую позицию им занимать: говорить, что они действовали просто из желания получить прибыль, издавая и тиражируя газету, и этого достаточно, потому что прецедентное право у нас тоже существует. Так вот, господин Безверхий опубликовал новый труд, где пытается доказать, что слово «жид» вообще не ругательное: оно просто означает «религиозный еврей». Слово «ублюдок» тоже не ругательное: оно употребляется у Дарвина как определение какого-то там смещения видов и пр. Поэтому «жидовский ублюдок» – это совершенно нормальное, вовсе не оскорбительное выражение. Все это Безверхий написал в вышедшем недавно журнале «Волхв». Мы обратились по этому поводу к Генеральному прокурору.

**Г. Марьяновский.** У нас в Харькове выходит профашистская антисемитская газета «Нова Украина». Наше движение обращалось в прокуратуру. Правильно ли я понял, что на сегодняшний день ни у нас, ни у вас, в России, нет механизмов привлечения к суду за подобного рода действия?

**Ю. Шмидт.** Практически нет. Повторю еще раз: нужны хорошие законы (а у нас плохие законы) и главное – политическая воля. Даже по плохому закону сегодня привлечь к ответственности можно. Надо только захотеть. По-моему, не очень хотят.

**А. Симонов.** Могут ли несколько общественных организаций, набрав достаточно фактов, обратиться по этому поводу в Международный суд, где ответчиком будет наше собственное государство? Два года назад я таскал эти грязные листки в Америку посоветоваться, что можно сделать. Мне сказали, что ничего нельзя сделать, пока не будет решения Верховного суда о правоприменении статьи 4 Закона о средствах массовой информации. Ну, не получается у нас с Верховным судом. Более того, факты ни у кого по-настоящему не собраны. Миную это, можно что-то сделать в принципе?

**Ю. Шмидт.** Нельзя. Но я плохо знаю устав Международного суда в Гааге. Насколько я помню, обязательным условием в каждом конкретном случае является согласие государства на юрисдикцию этого суда.

**С места.** Какую силу имеют решения международных судов, если они не могут обязать государство?

**Ю. Шмидт.** Решения Европейских органов, Комиссии по правам человека Совета Европы обязательны для всех государств – участников Европейской конвенции, членов Совета Европы. Россия не член Совета Европы.

**С места.** А Международный суд в Гааге?

**Ю. Шмидт.** Юрисдикция Международного суда в Гааге зависит от согласия сторон. Если стороны согласны на рассмотрение дела в суде в Гааге, то при соблюдении целого ряда других условий оно может рас-



смагиваться. Куба, например, в какой-то момент судилась с Соединенными Штатами. Я не помню, кто был истцом, кто ответчиком, но Куба неожиданно дала согласие на рассмотрение дела в этом суде.

## **О моральной и профессиональной ответственности журналистов**

**А. Яковлев**, *руководитель Федеральной службы Российской Федерации по телевидению и радиовещанию*

О чем бы я сегодня в коротеньком своем выступлении хотел сказать? Не хочу впадать в очередное романтическое заблуждение, чем страдаю уже многие годы, но все же спасение от разрушительных крайностей правого и левого толка любого мироустройства следует на этом этапе цивилизации искать все-таки в этике, в этическом начале жизни, да, пожалуй, и в политике, к чему мы имеем уже большее отношение.

Как бы ни считали в прошлом, все-таки не общественные формы жизни выделяют человечество, как это утверждалось. Они существуют и в стаде. И не материальные достижения как таковые, как нас учили. Но именно этическое начало, присущее только человеку. Отсюда накопление и развитие цивилизованности, основ человечества. Такова моя точка зрения.

Я об этом говорю потому, что мне хотелось бы и тот вопрос, который мы обсуждаем, рассмотреть именно с этой позиции.

Оглядываясь в прошлое, особенно ясно видишь, что каждый принципиальный поворот в истории цивилизации был не просто связан с переменами в этической сфере, но во многом и предопределен такими переменами.

Этическими соображениями, более, вероятно, чем какими-либо иными, было обусловлено в свое время принятие христианства. Этическими соображениями вызывались последующие важнейшие реформации христианства. Да и другие религии были связаны с этическими началами. Все это, надо полагать, оказало большое влияние на политические институты, общественную организацию Европы и ее народов.

Рождение капитализма также было связано с очередным шагом в эволюции практической этики, равно как позднее нравственно-этические факторы вызвали появление идей отрицания капитализма. Да и перестройка в Советском Союзе, положив конец сталинистскому эксперименту, тоже начиналась не с компьютерного пересчета экономических, военных или каких-то иных альтернатив, но с простого нравственного убеждения, что этически, нравственно так дальше жить нельзя.

Капитализм принес с собой этику прагматизма, этику здравого смысла. В его лозунгах свободы, равенства, братства жил высокий идеализм, но опирающийся на трезвый приземленный учет реальностей. Догмы, мифы и условности, насажденные клерикально-монархической традицией, должны были потесниться или вовсе уйти там, где здравый смысл, жизненные потребности, проверенные знанием, диктовали нечто иное.

Двойной парадокс состоит в том, что появление коммунистического учения (я повторяю, двойной парадокс) было по-своему справедливой реакцией на крайности раннего, классического, слабо развитого капитализма. Оно отрицало эти крайности этически и предполагало бороться с ними на том уровне понимания и возможностей, которые были реально доступны в то время.

Мы с вами знаем, что, как только некоторые даже правильные соображения, достаточно понятные и в научном отношении, были превращены или переведены на рельсы идеологии, наука закончилась, и началась эпоха обыкновенной волчьей борьбы за власть, особенно проявившаяся в XX веке. И в особенно крайней форме это выразилось в большевизме.

Итак, именно природа большевизма, столь близкая к природе фашизма, предопределила положение средств массовой информации (я не говорю уже о политической стороне, мы не этот вопрос обсуждаем) как способа борьбы за власть, как форму угнетения масс, угнетения народа, опустошения его духовности. Эти функции средства массовой информации в Советском Союзе выполняли в полной мере, может быть, даже в особо агрессивной манере, т. е. в форме полной подчиненности задачам власти, задачам манипуляции общественным мнением, задачам подавления личности во всем.

Когда мы говорим о расстрелах, о миллионах погибших людей, мы, конечно, понимаем, что это невиданное в истории зверство самого знаменитого крестосеятеля на земле. В то же время мы все-таки должны иметь в виду и другое и понимать, что, уж если кто и был подручным этого крестосеятеля, так это средства массовой информации. Ибо любое злодеяние начиналось в них. Если вы посмотрите, скажем, главную репрессивную газету «Правда», то все крупнейшие злодеяния начинались со статей в газете «Правда». Мы могли, прочитав какую-то статью, точно угадать, что за этим последуют те или иные репрессии. То есть печать была (это мы пока что мало изучили) таким же репрессивным аппаратом, как и Комитет государственной безопасности, как НКВД, как партийные органы. Она была включена в систему репрессий, идеологически готовила их, идеологически оправдывала, да еще очень активно привлекала к этому интеллигенцию. Письма некоторых людей, относящих себя к интеллигенции, в газеты и журналы тридцатых-сороковых годов тоже полны требований уничтожить «собак», «предателей», «шпионов», ну и т. д. Пока, к сожалению нет серьезных статей, исследований на эту тему, т. е. о роли основных партийных средств массовой информации в процессе жесточайших репрессий.

К чему я это говорю? Вовсе не для того, чтобы еще раз помянуть то, что вы знаете и без меня. А говорю потому, что в психологии журналистики, публицистики остается до сих пор язва обличительства человека, а

не стремление к анализу проблемы. Мы привыкли все время хватать человека за самое больное место, нам ничего не стоит оскорбить его, обидеть, пригвоздить, поставить к стенке, сначала морально, а потом уже физически. И до сих пор в статьях многих, не всех, но многих, журналистов, в газетах, по телевидению продолжается та же большевистская линия. А если это так, то, конечно, ни о какой настоящей свободе печати речи быть не может.

Возникает такая странная мысль. Вот раньше государственная печать была действительно орудием манипуляции общественным мнением и угнетения человека. А независимая – самиздат, естественно, не была государственной и осваивала поле независимости.

Что сегодня? Не кажется ли вам, что государственные средства массовой информации более независимы, ибо независимые, которые почему-то упорно сами себя называют независимыми, независимы не более, чем в прошлом. Допустим, вдруг ни с того ни с сего назвала бы себя независимой, скажем, «Советская Россия».

Меня пугает, когда газеты, телевидение, радиостанции переходят в прямую экономическую зависимость. А в условиях, когда механизм отношения экономического с духовным (скажем, банка и газеты) еще не отработан, журналист оказывается на побегушках. Видимо, переходный период демонстрирует себя и здесь. Очень печально, но это факт, и он может привести к серьезным последствиям, когда вдруг окажется, что свободной четвертой властью, как мы ее себе мыслим, легко манипулировать. И вовсе это не власть, хотя будет всячески изображать из себя власть, и чем меньше она будет властью, тем больше она будет наддувать щеки, изображая из себя власть.

Второе, с чего я начал – это о духовном угнетении людей, когда печать была полностью на службе большевизма, когда человек был всего лишь глиной для постройки чего-то, удобным самовосстанавливающимся средством, возобновляемым ресурсом, из которого можно сделать, что хотите.

Но посмотрим, как дело обстоит сегодня. Судебная власть работает еще плохо. Защиты человека от властей и от средств массовой информации нет. Вы сейчас не можете пойти в суд, чтобы он в три дня решил какой-то гражданский вопрос, когда оскорбили человека, обидели его, унизили на каком-то уровне чиновничьего всевластия. И вот, когда я думаю о чиновничьем всевластии в стране, еще сталинском, большевистском всевластии, когда наверху произносятся всякие демократические лозунги, призывы, а внизу остается та же жесткая, безграмотная, невежественная и злая власть, то становится не по себе, ибо отношение к человеку стало еще хуже, чиновник наш окончательно, по-моему, озверел, и, наверное, Салтыков-Щедрин вместе с Чеховым или с Гоголем уже не нашли бы слов для описания поведения власти чиновничества.

Почему средства массовой информации так робко ведут себя с чиновничеством? Боятся оскорбить чиновничество? А вот просто человека ничего не стоит оскорбить, обозвать его, сделать предположение, что он, допустим, по утрам ест маленьких детей, а вечером закусывает старушками? И ничего. В суд идти – только себе нервы трепать, и вовсе нет гарантии, что суд встанет на твою сторону, ибо суд у нас еще номенклатурен, третья власть рождена давно, с удовольствием действует по телефонным звонкам, т. е. нет еще по-настоящему третьей власти. Вот почему ленинградские суды защищают фашистов, московские суды тоже защищают фашистов, а вовсе не наоборот, ибо тут нет законов, там нет законов, еще где-то нет законов или законы не такие, как надо.

Я вовсе не хочу оскорблять кого бы то ни было, но я все-таки думаю: а почему средства массовой информации так беспардонно относятся к личности? Почему это остается ненаказуемым, считается даже признаком профессионализма, если хотите? Да, профессионализм журналистов за последние годы, конечно же, вырос. Слог стал другой, читать интереснее, структура публицистических статей любопытнее. Ну, читаемый стал материал. Но не кажется ли вам, что в условиях нынешней озлобленности, неприятия всего и вся очевидное неуважение к человеку очень сильно бьет, как говорится, в нос?

Когда берешь газетные полосы или включаешь телевизор и натыкаешься на тех авторов, которые обязательно начинают какую-то злую собачью свадьбу, обязательно кого-то оскорбят, обязательно кого-то укусят, то читать и слушать не хочется. Подобная манера считается почему-то выражением какой-то личности, исключительности, смелости.

Ну, какая же тут смелость? Перед кем? Если бы это было при всевластии, скажем, КГБ или большевиков, это я понимаю. А тут перед кем? Перед самим собой?

Так вот – перед самим собой. Знаете, это очень неприятно в журналистике – попытки самоутвердиться за счет чужого здоровья и спокойствия общества.

Я хочу самоутвердиться, и мне в общем безразлично, какова реакция в обществе, мне безразлично, что какой-то человек, которого я оскорбил и обидел, будет заплеванным изгоем там, где он живет.

Я хочу задать сам себе и вам такой вопрос: что это – закономерность или что-то другое, когда реакционные, полуфашистские средства массовой информации упорно тянут демократическую печать в сторону такого же поведения – дабы не отстать от «Советской России» и прохановских изданий? Те ставят определенную цель: расколоть общество, унижить его и убедить в том, что нужно возвращаться быстренько назад – ко всеобщему лагерю. Я просто хочу понять, что это: погоня за славой или непонимание ситуации, в которой живет общество? Вот и мы туда же: чем хлеще, тем лучше.

Я хотел бы быть понятым правильно. Я вовсе не говорю, что чиновников любых рангов нельзя критиковать. Да, надо. Конечно же, надо. Может быть, даже беспощаднее, чем это делаем. И есть за что.

Но зачем обижать без нужды просто нормальных людей, которые занимают какую-то позицию? А главное – еще раз: речь вот о чем идет. Можно в самых резких словах критиковать, писать о проблеме. Ска-

жем, в «Московских новостях» мне очень понравилась статья Людмилы Сараскиной. Там проблемы поставлены резко и ясно, и я со многим согласен. Но она говорила о проблемах.

Мы соскучились по свободе слова. Но скажу так: во многом заблуждались. Лично я был романтиком. Мне казалось: вот печать будет свободной и немедленно станет справедливой.

Извините, ни черта подобного не случилось. Она стала свободной, но не стала справедливой. И, по моему, – это главная проблема свободы человека в наших условиях, в российских условиях, это главная проблема демократии в нашей стране.

Если печать не будет искать новую тональность, новые проблемы, новый стиль, новый подход к человеку, мы вернемся если не к физическому, то к духовному большевизму. Это может случиться.

Вот все, что я хотел вам сказать. Спасибо.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**О. Панфилов.** Вы руководите сейчас телекомпанией «Останкино», которая у меня как правозащитника и, я думаю, у многих моих коллег вызывает, мягко сказать, неудовольствие вот чем. Я ни разу не слышал, чтобы в «Новостях» «Останкино» или в какой-нибудь специальной передаче говорилось о правах человека. Почти в каждом выпуске информационных программ зарубежных телекомпаний можно услышать или увидеть какой-либо сюжет о правах человека. «Останкино», мне кажется, намеренно ограничивает себя и не говорит о том, что происходит на самом деле.

Я беженец из Таджикистана. Вы, наверное, знаете, что там делается, но информационная служба «Останкино» упорно не сообщает о том, что происходит в Таджикистане, в Узбекистане. Говорят, что там все хорошо. А в Таджикистане сидят в тюрьме четыре журналиста, сидел девять месяцев крупнейший таджикский поэт. Если вы считаете, что газеты не совсем нормально ведут себя сейчас, то, может быть, «Останкино» должно стать тем самым информационным источником, из которого люди будут узнавать, что происходит с правами человека на территории бывшего Советского Союза, потому что «Останкино» вещает на всю территорию бывшего Советского Союза.

**А. Яковлев.** Во-первых, все, что я говорил о наших газетах, прошу иметь в виду, я полностью отношу и к телевидению, в том числе к «Останкино». Давайте договоримся об этом.

Во-вторых, мне еще рано судить о работе телевидения. Прошло полтора месяца, и тут, знаете, разбираться и разбираться, вникать и вникать. Тем более, в «Останкино», надеюсь, я человек временный, так, собственно, и решено было. Сейчас стоит задача найти председателя. В какой-то мере эта функция возложена на меня, я этим занимаюсь. Я больше, наверное, склонен заниматься федеральной службой.

Что же касается существа дела, то я с вами согласен.

Вообще освещение прав человека – это тоже вопрос о том, о чем я говорил, вопрос отношения к человеку. Пренебрежение к нему до сих пор нас преследует. Ну, нарушаются права, ну и что? Тем более, вообще наши чувства стали несколько усыхать.

Нам вообще многое безразлично. То ли в силу собственных тягот, то ли еще по каким-то другим причинам, но мы стали более безразличны к судьбе кого бы то ни было. У нас все реже и реже кто-то кого-то защищает – несправедливо оскорбленного или обиженного. Защищай себя сам, если хочешь, если тебе не надоело.

Что же касается нарушения прав в бывших республиках, то здесь вопрос сложнее. Мы должны все-таки привыкнуть, что это самостоятельные государства. И, вы знаете, стоит пройти какой-то информации по радио о том, что где-то, скажем, в Армении или в Азербайджане, что-то случается, все равно вы должны ожидать две ноты: оттуда и отсюда. Говорят: вот, у вас прошла оскорбительная информация для народа такого-то (называется республика). Читаешь: а в чем оскорбительная? Первый раз читаешь, второй раз читаешь, в общем, думаешь, что надо туда ехать, надеть их ботинки, походить в них и тогда все поймешь, а может, и тогда не поймешь, в чем оскорбительность. И, тем не менее, я, например, получаю каждый день бумаги из той или иной республики об оскорбительной информации в адрес народа, обязательно в адрес народа, меньше никак нельзя. О человеке речи не идет, народ оскорбили! Народ не видел, не читал и не слышал. Все это говорит об уровне мышления политиков. Уверен, пока это поколение политиков не уйдет и не появится новое поколение, воспитанное на какой-то новой этике (о чем я говорил вначале), это все будет продолжаться: и борьба элит, и борьба за власть. Межнациональные конфликты – драка за власть между политиками, которые должны нести уголовную ответственность за разжигание гражданских войн. И они будут ее нести. Никаких межнациональных конфликтов нет и быть не может. Я говорю «межнациональных», между людьми разных национальностей.

**А. Симонов.** У нас огромная очередь на лицензирование теле- и радиовещания. Лицензированием в соответствии с президентским указом ведают федеральные службы. При этом федеральная служба должна руководить государственным телевидением и одновременно лицензировать как бы своих конкурентов – независимые и коммерческие теле- и радиоконпании. Все это очень важно. Многие региональные так называемые независимые телевизионные компании, между прочим, сыграли во время выборов свою совсем не дурную роль и в плане информации играют свою недурную роль. Государственные областные теле- и радиоконпании в основном хилые, оттуда все живое ушло. Независимые компании по сути дела расширяют информационное поле. Я думаю, сейчас в очередь на лицензирование стоят уже, наверное, 600 организаций.

Мне звонят: «Куда обращаться?». Я говорю: «Уже не ко мне». – «А к кому?» – «Не знаю».

**А. Яковлев.** Алексей Кириллович, вы лучше знаете проблемы лицензирования: вы занимались этим, по-моему, около двух лет. Я мало в этом плане понимаю. Но что меня беспокоит после первых наблюдений?

То, что появляются независимые теле- и радиостанции, это хорошо. Пусть себе развиваются. Но я знаю и другое: очень часто эти компании превращаются в лакомый кусочек эфира, служащий для наживы. Получают деньги за рекламу, крутят какое-то кино собственного производства или просто «клубничку» в целях наживы.

**А. Симонов.** Но НТВ-то отдали и никакого условия не поставили. Отдали целый союзный канал.

**А. Яковлев.** Условия есть.

**А. Симонов.** Они нигде не напечатаны.

**А. Яковлев.** Это вы думаете, что нет условий. Я пока дал разрешение вещать на экспериментальной основе. Пока что никакой лицензии они не получили.

**В. Осипов.** Я считаю, что нерешенность проблемы свободы слова, независимости прессы и вообще средств массовой информации является сохранением власти бывшими большевистскими чиновниками. У них большая материальная власть. Почему старое чиновничество до сих пор не отстраняется от власти?

**А. Яковлев.** Этот вопрос для меня очень легкий: потому что новое чиновничество оказалось еще хуже. Они, ко всему прочему, еще и некомпетентны, а свое чувство неполноценности восполняют еще большим хвастовством. Системы подготовки чиновничества нет. Это наша промашка, и очень серьезная. Надо было с восьмидесят пятого года начинать готовить компетентных работников государственного аппарата, которые знали бы не историю КПСС, а делопроизводство, психологию, социологию и конкретное дело.

**А. Азаров.** 10 января был издан указ Президента о дополнительных гарантиях прав граждан на информацию. Предполагается в связи с этим указом издание закона о праве на информацию? Что предполагает этот закон о праве на информацию?

**А. Яковлев.** Во-первых, пока никто еще даже не притрагивался к подготовке такого нового закона. Во-вторых, суть его заключается в том, чтобы как-то упорядочить перед началом работы Думы споры по этому вопросу: показывать заседания полностью, частично, час отвести, два часа, еще что-то. Если вы внимательно читаете, то там заложена именно эта мысль, мысль о праве определять, в каком жанре, сколько времени, каким образом будет освещаться деятельность законодательной власти с тем, чтобы избежать столкновения между законодательной и исполнительной властями, которое приводило к столь печальным результатам.

Что касается существа, то о праве на информацию там написано, по-моему, достаточно прямолинейно: каждый человек имеет право на информацию, и каждый человек имеет право на то, чтобы ему на его вопрос ответили. Это писалось во многих постановлениях ЦК КПСС, а их, по-моему, штук двести. Но никогда никто каждому человеку не отвечал. Представьте себе, что если «Останкино», получая миллион писем в год, будет отвечать на каждое письмо. Половину населения страны надо посадить писать ответы. Это нереально, да и не нужно. Ответы на многие письма – в самих теле- и радиопередачах; вот там надо искать ответы.

**А. Даниэль.** Проект закона о праве на информацию в течение примерно полугода уже гулял между разными комитетами и комиссиями Верховного Совета. После исчезновения Верховного Совета судьба его мне неизвестна. Может быть, вы в курсе?

**А. Яковлев.** Я не знаю об этом. Наверное, гуляет до сих пор где-нибудь.

**Е. Дикий.** Вы жаловались на нехорошие бывшие республики, которые регулярно посылают ноты протеста по поводу передач «Останкино». По-вашему, это связано только с тем, что там сидят такие нехорошие политики, или все-таки телекомпания «Останкино» действительно далеко не всегда придерживается нормальных, принятых в цивилизованном мире рамок корректности? Почему-то, насколько я знаю, агентству «Рейтер» такие ноты протеста не присылают. Если вдруг случится, как вы сказали, что к уголовной ответственности будут привлечены политики, разжигавшие межнациональные конфликты, то не должно ли будет все руководство телекомпания «Останкино», включая вас, тоже занять место на скамье подсудимых?

**А. Яковлев.** Нет уж, пусть отвечают политики.

**Л. Богораз.** Как читателя и зрителя неужели вас удовлетворяет профессиональный уровень сегодняшней журналистики? Я просто возмущена. Прежде всего, это полная безграмотность. У нас вырастет поколение безграмотных людей. Как только началась перестройка, пошли орфографические ошибки в газетах. Это элементарное отсутствие профессионализма. Я уж не говорю о стилистике и о компетентности.

Намерены ли вы как руководитель телекомпания заниматься просветительской деятельностью в области правовых знаний, в частности прав человека, включите ли вы это в план работы студий?

**А. Яковлев.** У нас есть программа «Человек и закон», но я не думаю, что она удовлетворяет людей; она не удовлетворяет и меня. У нас уже был разговор об изменении характера этой программы, о том, чтобы перевести ее на пропаганду правовых знаний, а главное – суметь связать преступление и наказание. Знаменитый вопрос, ибо мы все время пишем о преступлениях, а наказаний вроде бы и нет. Это очень сложный вопрос, страшный вопрос, для меня лично не во всем понятный, почему правительство столь равнодушно к этой проблеме относится. Не все здесь ясно.

Конечно, меня не удовлетворяет многое в журналистике, но я говорю не об этом; я говорю, что сама жизнь позволила ставить многие новые вопросы. И если мы сравним газеты десятилетней давности с сегодняшними, то разница очевидна. Мы радовались, когда Алексей Аджубей стал делать более или менее приличные «Известия». Повевало чем-то новым, и мы газету читали, даже между строчек читали. Ну вот, хоро-

шо было Алексею Ивановичу, он-то был прикрыт генеральным секретарем, он может, а что дальше будет? А дальше было то, что он уже умер, не исчерпав свой талант газетчика.

Но я говорил о другом. Согласен, что уровень элементарной неграмотности резко повысился, я бы сказал, подскочил – это правильно. Я уже говорил у себя в «Останкино», что буду очень тщательно следить, кто на каком языке у нас будет говорить.

**Г. Молчанов.** Существует несколько программ организации правозащитных телепередач и радиопередач.

**А. Яковлев.** Я вас понимаю. Все это правильно. Но не могу я попросить вас, правозащитников, как-то потеснее быть, а то вы раскалываться начинаете. Давайте займем какую-то единую линию и будем ее придерживаться. А то придется мне следующий раз говорить, а меня упрекнут: вот, вы отдаете предпочтения имярек, а нас не слушаете.

**Л. Богораз.** Ничего, Александр Николаевич. Может быть, лучше выступать раздельно, чем единым фронтом.

**А. Яковлев.** А в данном случае лучше единым фронтом.

**С. Русс.** Перед журналистом часто стоит дилемма: публиковать или не публиковать факт, который может впоследствии либо принести ему личную неприятность, либо навредить другим. Но факт есть факт. Журналист с ним столкнулся. Он его видит. Он его знает. Молчать или не молчать?

Эта проблема в свое время широко обсуждалась американскими журналистами, и большинство из них четко ответили: если факт есть, журналист обязан его осветить. Часто «Останкино» не представляет фактов, например о положении в ближних государствах. Может быть, при этом учитываются политические соображения?

**А. Яковлев.** Если бы вы мне сказали, какой факт не освещен... Конечно, если факт правильный, о нем надо передавать. Тут и спора-то нет.

Не надо общих заявлений. Я не думаю, что раскрою большой секрет. Реакция, скажем, Казахстана, президента Назарбаева. Он неделю назад мне звонит и цитирует нас: «В Казахстане нарушаются права человека, русскоязычное население бежит». И приводит статистику. Да, действительно, уехало из Казахстана 154 тысячи, из них военных с женами 78 тысяч. Приехало в Казахстан 258 тысяч.

**В. Колотуша.** Врет. Русских вообще не прописывают в Алма-ате.

**А. Яковлев.** Давайте, проверим. Сразу: врет. Ах, в Алма-ате? Не знаю. Я вам передаю разговор. Но я до главного не дошел. Он меня просит: освещайте нарушение прав конкретного человека, я вам буду очень благодарен, это мне очень поможет. Дескать, есть такой-то человек, нарушены его права, и, пожалуйста, передавайте, я буду вам очень благодарен.

**А. Хейтсвер.** Следует ли понимать ваши сетования по поводу нот протеста и различного рода инвектив в адрес «Останкино» и средств массовой информации России со стороны новых суверенных государств с претензиями, что они не так освещают, не так подают, как основание вообще игнорировать тему защиты прав русскоязычного населения? В последнее время и по телевидению, и в газетах все меньше и меньше уделяют внимания положению миллионов людей, не относящихся к так называемым коренным. Если такова будет тенденция, то это будет очень печально.

Вы говорите: есть хорошие, демократические газеты с какими-то недостатками, есть поганые газеты профашистского или большевистского толка и т. д. Вся беда в том, что сегодня в национальных республиках – например, в Молдавии, – люди вообще лишены возможности читать какие-либо российские газеты, ибо их туда просто не пропускают. Можно ли что-нибудь предпринять здесь, в России, как говорится, не вторгаясь в сферу независимости суверенных государств, чтобы миллионы людей, проживающих там, могли читать российскую прессу и потом уже судить, какая газета на каких позициях стоит? Сегодня там читатели охотятся уже буквально за какими-то бульварными листками, которые хоть как-то проникают через границы.

**А. Яковлев.** Дело в том, что все упирается, к сожалению, в деньги. Министерство связи берет бешеные деньги, и газеты просто не хотят платить. У них нет средств на то, чтобы распространялась их газета.

Где не пропускают газеты? Я уже слышал эти жалобы – не пускают. Как начинаешь конкретно факты разбирать, вроде и не найдешь никого, кто бы не пускал. Денег нет. Вы спросите любого редактора газеты. – Нет денег. Это жаль. Это плохо. Но это так.

Какой вопрос еще ставят президенты и руководители республик? Почему вы говорите (я пока что не в порядке симпатий к той или иной точке зрения) о русскоязычном населении? Если русский человек – гражданин России, понятно. Если нарушаются его права, конечно, гражданин России должен защищаться российским правительством, это общепринятая международная практика. А если это гражданин, допустим, Казахстана, то, извините, в Казахстане есть президент, в Узбекистане тоже и т. д. Мы обязаны сообщать о нарушениях прав всех граждан независимо от их национальной принадлежности. Вот, скажите, есть тут вопрос?

**А. Тавризов.** Есть, конечно, потому что вы имеете право и обязанность информировать.

**И. Дядькин.** Я восхищен тем, как команда Гайдара в девяносто первом году расправилась с переходом от нерыночной экономики к рыночной. Между тем большинство людей не понимают ни как это делалось, ни что при этом происходило. Собирается ли «Останкино» информировать об этом более подробно, чем до сих пор?

**А. Яковлев.** Тут я могу пожаловаться. Я написал письма и в администрацию президента, и разговари-

вал с Черномырдиным, я получил жесткие и твердые обещания, что будут регулярно выступать и тот, и другой, и министры, информировать хотя бы, что сделано за неделю и как сделано. Пока что обещания не выполняются.

Вы правы, абсолютно правы в том, что надо было сказать людям, как и почему, собственно, поступали так, а не иначе. Мы с вами, допустим, не знаем, в чем же разногласия между Федоровым и Геращенко. Одни говорят (причем экономисты высоких рангов), что Геращенко прав, другие говорят, что Федоров прав. Звонишь Геращенко, вроде рассуждает разумно: кредиты большие, говорит, надо давать только тем, которые совсем помирают. Разговариваешь с Федоровым, тот говорит, что, в общем, против всяких кредитов, а Геращенко их раздаст. Когда я говорю Геращенко: «Ты кредиты хочешь раздавать?», он отвечает: «Я кредитов вообще не даю. Вопросы кредитов решает комиссия во главе с Федоровым, он председатель кредитной комиссии». Вот вам, пожалуйста, разговор. На телевидении никто из министров не хочет объяснять, почему именно так делают. Действительно, в обществе накопились сотни «почему». Но никто на них не хочет отвечать. Меня это тоже волнует.

**С места.** А перед Ельциным ставили вопрос?

**А. Яковлев.** Он считает, что это очень правильно, что это надо делать. При мне он давал указания аппарату создать специальную группу, которая бы информировала людей о том, что делает Президент, почему это делается и т. д. Все это было.

## **О моральной и профессиональной ответственности журналистов (содоклад)**

**Л. Тимофеев, писатель, публицист**

Большая часть выступлений была посвящена тем или иным аспектам нормотворчества, юридической защиты. Я же полагаю, что в нашем случае говорить об этом не нужно и даже вредно. Вообще я сказал бы, что пафос предыдущих докладов на самом-то деле никакого отношения к журналистской работе не имеет. Все это хорошо, низкий вам поклон, господа, что вы думаете об этих нормах, и за то спасибо, что нормы эти возникают, и за то, что вы защищаете саму эту общественную институцию, которая называется журналистикой... Но для самого-то журналиста это все, по крайней мере, пятое или седьмое дело. Опыт практической журналистики подсказывает, что, кроме тьмы субъективных творческих проблем, есть только одна объективная проблема, от которой действительно зависит журналист – это состояние общественного сознания в тот самый момент, когда журналист работает. Он есть продукт общественного сознания. Но одновременно и его реформатор. Когда много лет назад мне впервые в руки попал «Архипелаг ГУЛАГ» (я тогда был далек от диссидентских кругов и довольно поздно приобщился к такого рода литературе), я дрожа побежал к одному своему приятелю, известному журналисту, который, к слову, сейчас – заместитель главного редактора крупнейшей центральной газеты. Так вот, я побежал к нему с книгой: «На, скорей, прочти». Он взял, посмотрел и сказал, что читать не будет – не будет, потому что не хочет менять свою жизнь, систему координат своей жизни. Вот ведь что важно: в море общественного мнения журналист принимает ту или иную систему координат, тот или иной стереотип мировосприятия. Мне кажется, что сегодняшнее состояние журналистики зависит в огромной степени от того, что за последние годы нарабатался новый стереотип мировосприятия, какой был стереотип мировосприятия десять или пятнадцать лет назад. Я говорю об этой проблеме не как социолог или психолог, но только как журналист-практик. У меня только мой собственный опыт. Я ведь в свое время тоже, как и многие, писал только в рамках разрешенного, – и совсем не потому, что я боялся. В глубине души у меня тогда даже кипела добрая зависть к диссидентам, которые пришли в себе силы сказать что-то против коммунистической доктрины. Я не писал не потому, что боялся, а потому, что не понимал, что именно должен говорить. И как только я это понял, мое право говорить не надо было отстаивать. Мне никто не мог помешать высказаться вполне. И я старался это сделать. Уж как удалось – не мне судить.

И так же точно мне никогда в голову не приходила прежде мысль о необходимости издания журнала, а только тогда, когда я ощутил, что вот сзади, где-то на плечи, на спину напирает общественная потребность в такого рода издании. Я имею в виду журнал «Референдум», тридцать восемь номеров которого вышли в свет в 1987-1990 г. И перестал я издавать журнал «Референдум» прежде всего потому, что мне показалось: ту общественную функцию, которую этот журнал на себя брал, т. е. функцию улучшения и предъявления обществу в виде словесных формул некоторого знания об общественной жизни, – эту функцию взяла на себя открытая пресса, большая пресса, газеты и журналы.

Видимо во всем, что мы говорим сегодня, есть некоторое недоразумение по части вот этого, структурного, что ли, понимания задач прессы. Ведь у прессы по крайней мере две функции: одна – функция информации, и, мне кажется, худо-бедно с этой функцией нынешняя российская пресса справляется, и другая функция, которую я могу, конечно, только условно отделить от первой – это функция публицистического обращения к обществу, функция предъявления, внедрения в общественное сознание неких формул понимания общественной жизни. Название «формула» не я придумал, это еще в прошлом веке придумал драматург А. Н. Островский.

Куда девались все замечательные публицисты, блиставшие три-пять лет назад? Куда девались печатные органы, бывшие изданиями, по преимуществу, публицистическими: «Московские новости», «Огонек» (я мог бы назвать еще два-три издания). Их роль в формировании общественного мнения была чрезвычайно важна. Я помню, что, пребывая в лагере, узнал о начале новых времен в стране главным образом потому, что выписывал газету «Московские новости» на английском языке и там прочел рецензию Лакшина на фильм Абуладзе. Это была как бы телеграмма, как бы весть о том, что в обществе произошло нечто очень серьезное. Хотя никакой, казалось бы, «фактурной» информации здесь нет... Вот этого ощущения новизны процессов, происходящих в общественном сознании, не видим мы в сегодняшней печати. Отчего так?

Думаю, это прямо касается моральной и профессиональной ответственности журналистов. Иногда кажется, что журналисты стали слишком много думать о своих правах... Впрочем, нет, это не так, права журналиста – дело важное. Но еще важнее его профессиональная ответственность. Хотя я понимаю, что не в желании журналистов дело, а может быть, в создании некоей общественной атмосферы, некоего общественного климата вокруг журналистского долга. И здесь мы должны перейти к разговору о понимании недавней истории и сегодняшних процессов, о языке прессы, «настоянном» на прежней марксистской – или какая она там была – государственной или советской терминологии. Это продолжение публицистической речи (да и информационной речи тоже) на языке вчерашнем, эта неспособность, невозможность, ленность ума, зависимость от инертности общественного сознания в обнаружении новых реалий – главная беда современных журналистов.

Проблемы не новые. Они старые на самом деле. Они только потаенные. Но ведь задача журналистики в том-то и заключается, чтобы вывести потаенное на свет.

Тут я должен покаяться: нельзя было прекращать издание журнала независимых мнений «Референдум». Нельзя было отказываться от возможности своего, обособленного, отделенного, отграниченного от главного общественного русла процесса изучения реальности.

Я не могу пожаловаться: все, что я пишу, все появляется в прессе. Но это совершенно другое. Когда, скажем, моя статья появляется в «Известиях» – это совершенно иное, чем если бы эта статья появилась в журнале «Референдум»...

Вот некоторые несвязные соображения по поводу профессиональной ответственности журналиста...

Еще два момента.

Во-первых: получать деньги от государства или не получать? Так не дают. Я бы взял и издавал журнал, но никто мне денег не давал. Я не вижу особой разницы между положением российской прессы и положением «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост»: что, разве люди, которые дают им деньги, руководят политикой журнала?

Полагаю, что это исключительно дело совести журналиста – чувствовать или не чувствовать себя обязанным откликаться содержанием того, что пишешь, на сумму гонорара. Иначе как тогда вообще быть с гонораром? Отказываться, что ли?

Теперь о другом. Конечно, хорошо бы, если бы в обществе вообще не было идей фашистского толка. Но никуда нам от этого не деться. Конечно, надо создать механизм судебного преследования, конечно, предложение административного запрета нас выведет в такую сферу, где нам будет очень неудобно.

Заканчивая свое выступление, я хочу еще раз вернуться к профессиональной ответственности. Мало мы собираем собраний, где говорили бы об ответственности, об обязанностях журналистов и вообще творческих работников.

26 февраля я провожу в Российском государственном гуманитарном университете конференцию на тему «Черный рынок как политическая система». Я считаю, что разговор на эту тему чрезвычайно важен, потому что речь идет о разрушении того языкового и мыслительного, ментального стереотипа, который в современной журналистике утвердился, укоренился и приобретает форму предрассудка. Беда, когда журналистика, продолжает судить о реальности по поверхностным политическим процессам: победила партия Жириновского, коммунисты набрали столько-то голосов – и полосы газетные с этими подсчетами. Между тем, глубинные процессы, начавшиеся за десятилетия до августа 1991 г., процессы создания теневых отношений и теневых институций и теневых структурных образований, эти процессы уходят на откуп криминалистам, которые распоряжаются ими во многих случаях весьма грамотно и компетентно, но совершенно безотносительно к общественно-политической и исторической ситуации в стране.

## ОБСУЖДЕНИЕ

**И. Дядькин.** Черный рынок нас теперь интересует как никогда.

**Л. Богораз.** Мне кажется, что в вашем выступлении прозвучали две противоречивые идеи. Одна – о необходимости разрушения стереотипов в сознании, другая – о внедрении формул в сознание общества. Мне кажется, они противоречат друг другу. Если я целиком поддерживаю первую идею, то вторая у меня вызывает просто опасения. Вам не кажется это опасным – внедрение формул в сознание? Вот пример. Прошлой весной нам внедряли перед референдумом формулу, как голосовать: да, да, нет да. Я так и голосовала, но не потому, что в меня внедрили эту формулу; это был мой выбор. Но когда на пасху христосовались и говорили: Христос воскрес! – то получали в ответ: да, да, нет, да.

Вам не кажется, что здесь есть опасность?

**Л. Тимофеев.** Нет, не кажется. Это разные вещи. То, о чем вы говорите, относится к стереотипам, причем к самым элементарным, что ли, схемам мышления. Я же говорю о формулах, от которых не уйти, потому что формула есть основа общественного мышления.

**И. Дядькин.** Может быть, слово «формула» здесь не очень удачно применено?

**Л. Тимофеев.** Нет, нет, «формула» – это очень хороший термин, и я еще раз говорю: не я его придумал. Он существует в русской литературе минимум сто лет.

## **Концепция информации против концепции агитации**

**Ю.Вишневецкая, журналист, сотрудник радио «Свободная Европа»**

Казалось бы, какая разница между средствами информации бывшего СССР и Запада? Там газета – и тут газета, там журнал – и тут журнал, там TV – и тут телек. Мы думали, что разница в том, что там эти медиа независимы, а тут – цензура, зависимость то от ЦК, то от каких-то теперь новых политических сил. Это, конечно, есть. Но главная разница вовсе не в этом. Изначально у нас прессу воспринимали как «коллективного организатора и агитатора». А при таком подходе в зависимости оказываются не только журналисты (какая же власть – реальная или мнимая – упустит возможность использовать эти функции прессы?), но через прессу попадает в идеологическую зависимость и гражданин. Читатель, зритель не может выработать собственную позицию. Ведь любая газета, любая передача подсовывает ему свою позицию – или позицию тех, кто ими управляет. Дозированная, тенденциозно подобранная информация. При таком подходе естественно желание тех, кто имеет такую возможность, заткнуть рот несогласным. Свобода в этом случае висит на волоске.

Свобода средств массовой информации состоит не только в том, чтобы было много разных изданий, каждое со своей позицией, и читатель мог бы выбрать то, что ему больше всего по вкусу. В этом, конечно, тоже. Но главное, обрисовывая некоторую, скажем так, конфликтную ситуацию газета, журнал, TV обязаны представить весь спектр мнений (и их проявлений), какие существуют в обществе. При таком подходе журналист считается профессионально непригодным, если он не может в одном материале корректно изложить точки зрения обеих сторон. Конечно, бывает и на Западе, что журналист явно сочувствует одной стороне, но в принципе это является не правилом, а исключением. Российская пресса, даже ее лучшие образцы, начисто этого не умеет.

Вот этот принцип – откровенного воздействия на читателя, на зрителя свойственен российской печати.

Здесь мы непрерывно чувствуем, что нас направляют, поучают, воспитывают. А я не хочу покупать газеты, чтобы меня за мои деньги воспитывали. Для этого у меня есть мама, которая это делает совершенно бесплатно.

Западный человек, сталкиваясь с нашей журналистикой, испытывает буквально культурный шок. Ведь для него редактор «Известий» и «Дня» вовсе не антиподы, как для нас, а люди, принадлежащие к одной традиции.

Возможно, что обе концепции – и концепция информации, и концепция агитации – имеют равное право на существование. Но тогда мы имеем дело с совершенно разными явлениями: разные концепции – и разное представление о взаимоотношении человека, общества, государства. Естественно, при этом будет резко различаться и форма изложения материала, и структура газеты. Да и структура всей системы средств массовой информации будет совершенно иной.

И тогда нечего на Запад кивать: «А вот у них независимость, а вот у них журналист имеет право...» Разные функции – разные обязанности – разные права.

## **Право на свободу слова, закон и ответственность (диспут)**

Ведущий – **А. Даниэль, руководитель программы «История диссидентского движения в СССР», НИПЦ «Мемориал».**

**Ю. Рахаева.** Я хотела бы сузить тему. «А судьи кто?» – может быть, не слишком оригинальная постановка вопроса. Где-то по осени в «Литературке» Станислав Рассадин писал, что раскаявшийся грешник может стать в конце концов праведником. Есть тому примеры и в литературе, и в жизни. Но вот чтобы раскаявшийся грешник стал проповедником и учителем жизни, с этим я никак согласиться не могу. Из-за этого у меня бывают всякие проблемы в журнале «Новое время», в котором я работаю.

На наших глазах происходят совершенно чудовищные вещи, когда люди, которые учили нас одному, начинают нас учить совершенно противоположному, причем с той же страстностью, с той же убежденностью.

Когда я работала в газете «Московский комсомолец», эту газету курировала инструктор идеологического отдела горкома комсомола (я не буду здесь называть ее имя, дело ведь не в имени, не одна она учила меня и других журналистов писать идеологически выдержанные материалы). Несколько лет назад она же, уже со страниц «Независимой газеты», стала учить нас демократии. Спустя еще какое-то время, она стала корреспондентом радио «Свобода». Сегодня она метит в редколлегию московского бюро радио «Свобода», види-



мо, чтобы учить писать вчерашних диссидентов и сегодняшних правозащитников. Если бы это был единственный пример! Люди, которые были пламенными комсоргами, «первыми учениками», становятся первыми учителями демократии. Это, мне кажется, тенденция очень серьезная и страшненькая. Об этом сейчас как-то не очень говорят, а мне кажется, об этом надо кричать. Я решительно против люстрации, но я – за полную гласность в подобных случаях. Есть два журналиста, которых по ряду признаков объединил до меня Юрий Щекочихин в той же «Литературке» – это Александр Минкин и Леонид Радзиховский. Они тоже очень любят учить жизни. Минкин со страниц «Московского комсомольца» читает коллегам нотации: на чьи деньги можно куда-то ездить, а на чьи нет. При этом себе он позволяет ездить на деньги известных всем людей и потом писать без подписи материалы, которые просто неприличны.

Или взять господина Радзиховского. О нем я хочу сказать поподробнее. В последнее время он со страниц разных органов печати клеймит Александра Николаевича Яковлева, который теперь возглавляет телевидение. Недавно мне в руки случайно попал журнал «Я» трехлетней давности, за январь 1991 г. Среди прочего, в этом номере изумительный материал Радзиховского, просто апологетика А.Н. Яковлева «Его любят, его ненавидят»; автор утверждает, что само лишь присутствие Яковлева в высшем эшелоне власти означает громадную перемену, начало интеллигентной политики. Мол, Яковлев не либерал, не демократ, не левый, не правый. Яковлев просто порядочный человек. И через какое-то совсем небольшое время – материал того же Радзиховского в газете «Новый взгляд»: «Как в доме повешенного не говорят о веревке, так и в свободной прессе плохо не пишут о Яковлеве. Все еще считают, видимо, что находятся на его веревке». То есть, надо так понимать, что когда Радзиховский писал статью в журнале «Я», он находился на той самой веревке? Этот журнал видели немногие. Видимо, кто-то должен заниматься такими вещами, показывать, как люди меняются. Я думаю, новой информации об Александре Николаевиче Яковлеве у Радзиховского за это время не появилось. Просто ему стало выгодно писать так, а не иначе. Эти тенденции меня очень волнуют в сегодняшней как бы свободной прессе.

**А. Даниэль.** Ну, а как быть, если автор – хамелеон, но хороший специалист и хорошо пишет?

**Ю. Рахаева.** То есть, за то, как он пишет, можно простить, что он пишет?

**А. Даниэль.** А правомерно ли вообще ставить вопрос так: что кому-то что-то надо прощать в его профессиональной деятельности? То есть, является ли журналист учителем нравственности или он является профессионалом, который должен донести информацию или мнение до читателя?

**Ю. Рахаева.** Есть такие темы в журналистике, когда человек может писать, что думает, независимо от того, каких взглядов он придерживается. Есть какие-то области, в которые он может уйти. Я, например, не согласна с той позицией, которую «Новое время» занимает по ряду политических вопросов. Но я имею свою нишу, в которой могу быть честна, работая в этом издании.

**А. Даниэль.** Есть журналист, много лет пишущий на правовые темы – Юрий Феофанов. Всем памятна его погромная статья по делу Синявского и Даниэля. Сейчас он весьма прогрессивный и грамотный популяризатор права, регулярно публикуется в «Известиях» и других изданиях. О его статьях хорошего мнения такие известные юристы, как Д.И. Каминская и К.М. Симис. Забыть ли, что публиковал Феофанов в 60-е годы? Должен ли редактор отвергать его нынешние публикации? Должен ли сам журналист – в данном случае Ю. Феофанов – устранить от своей профессиональной деятельности? Должны ли читатели, которые помнят его прошлое, заявить, что они не хотят читать статьи этого человека? Что должно быть сделано?

**Ю. Рахаева.** Я знаю читателей, которые не хотят читать сочинения этого человека. Я знаю журналистку, очень хорошую, которая не пошла в его журнал «Закон», хотя ее туда звали, не пошла потому, что она не может Феофанову простить его прошлые публикации. Думаю, вопрос, что должно быть сделано, каждый решает для себя сам – редактор ли, читатель ли, журналист ли.

**А. Гладкий.** Несколько месяцев назад «Известия» опубликовали статью Феофанова о юридической системе в ФРГ. В начале статьи автор пишет, что раньше он написал бы о том, какая плохая эта система, а теперь напишет, как и чем она хороша. И Феофанов без зазрения совести берется редактировать журнал «Закон», и кто-то рекомендует Феофанова на этот пост.

**М. Розанова.** Как старая диссидентка, как нарушитель всех советских законов и обычаев, могу сказать, что для Феофанова у меня нет и никогда не было другого названия, чем гнида. Я не могу ему забыть того чудовищного дела, когда закону была придана обратная сила и к расстрелу приговорили ни в чем не повинных людей.<sup>6</sup>

**Ю. Вишневецкая.** Почему учить людей морали вменяется в обязанность журналистам, а не церкви, которая имеет к этому делу прямое отношение? У журналистов, мне кажется, совсем другая функция, не так ли?

**Ю. Эдельштейн.** Я думаю, некорректно противопоставление: не функция журналистов поучать морали, пусть этим занимается церковь. Я полагаю, любой христианин получил благодать и обязан, будь он журналист или кто иной, заниматься тем, чем занимается и чему учит его церковь.

---

<sup>6</sup> Розанова говорит о деле Рокотова и др. (1963) и о публикациях по этому делу Ю. Феофанова. Приговор по делу Рокотова был вынесен в 1963 г. Ю. Феофанов еще до суда опубликовал несколько статей в «Известиях», и эти статьи готовили общественное мнение к тому противоправному и античеловеческому событию, о котором говорит М. Розанова. Два из подсудимых – Рокотов и Файбишенко – были приговорены к смертной казни и расстреляны. Ю. Феофанов (мы с ним говорили) не считает, что за ним есть вина в деле Рокотова, Он признает свою вину в деле Синявского и Даниэля, а в деле Рокотова «я чист», сказал он нам. *Прим. ред.*

**М. Григорян.** Я обращаюсь к вам, Юрий Михайлович, не как к светскому человеку, а как к лицу, представляющему православную церковь. Хотите ли вы сказать, что неправославный христианин или не христианин вообще не имеет права вести какую-то морализаторскую линию в средствах массовой информации?

**Ю. Эдельштейн.** Конечно, не так! Я просто сказал, что противопоставление в этом аспекте журналиста и церкви представляется мне некорректным. Каждый христианин обязан заниматься проблемами морали, но это не значит, что ими не должны заниматься другие.

**Ю. Шмидт.** Я тоже не представляю себе даже раскаявшегося грешника в роли проповедника и в роли наставника. Глубокоуважаемый Юрий Михайлович! Хотелось бы знать вашу точку зрения – человека, носящего духовный сан и обязанного воспитывать своих прихожан: известно немало людей, согрешивших в прошлом перед обществом, перед людьми, а впоследствии хотя и не принеших покаяния в канонической или иной форме, но, тем не менее, своей дальнейшей деятельностью или заявленной позицией доказавших свою приверженность общечеловеческой морали и нравственности, могут ли они стать духовными пастырями? Как Вы считаете?

**Ю. Эдельштейн.** Православная церковь знает на это только один ответ: пастырем может быть любой, кто покался. Известно, кем был апостол Павел.

**Ю. Шмидт.** А форма покаяния – имеет ли значение?

**Ю. Эдельштейн.** Форма покаяния может быть любой. Для православного человека одна форма покаяния, для внецерковного – другая. Но церковь всегда будет судить так: раскаявшемуся грех прощается. Иного подхода к кающемуся грешнику церковь не знает. У нас есть пример покающейся блудницы. Я напому слова Иисуса о том, кто первым бросит камень. В этой притче и ответ на вопрос: а судьи кто? Христос никогда не был занудой. Он не говорил: блудница, как тебе не стыдно? Ты осознаешь, что ты делала? Формула Его была иная: никто не обвинил тебя, и я тебя не обвиняю; иди – и больше не грехи. Других формул Евангелие не знает.

**Л. Богораз.** Христос, говорите Вы, никогда не был занудой. А Вы сами, Юрий Михайлович? Почему Вы не хотите применить Вами же приведенную евангельскую формулу к Александру Николаевичу Яковлеву?

**Ю. Шмидт.** А. Н. Яковлев, по-моему, сделал немало в меру своих скромных сил, для того, чтобы мы перешли от несвободы в наше нынешнее состояние. Не считаете ли Вы, что в этом и было его покаяние и что оно искупило его прошлые грехи, по крайней мере, те, о которых напоминали выступавшие здесь?

**Ю. Эдельштейн.** Что касается А.Н. Яковлева, то он мне глубоко безразличен, в той же мере, как и Дзасохов, Суслов, Черненко, Гришин и т. д. Для меня это явления одного порядка. Но вряд ли к Яковлеву следует подходить с мерками православного христианства. Для него, для атеиста, существуют свои атеистические мерки. И все же – что я мог бы назвать его покаянием? Если бы он собрал и сам опубликовал бы ряд подписанных им документов, подобных тому, который приводил здесь Подрабинек (а ведь наверняка есть и другие подобные), а не ждал бы, надеясь, что никто о них не узнает, – если бы он сделал это сам, вот тогда я двумя руками голосовал бы за его назначение начальником телевидения, потому что тогда поверил бы его раскаянию, а так...

**А. Даниэль.** Но ведь в христианстве известен и другой путь освобождения от греха – искупление? Быть может, мерки Церкви различны в отношении атеиста или верующего. Но хотелось бы услышать Вашу оценку прежних и нынешних деяний А.Н. Яковлева – не православного или католика, мусульманина, иудея или атеиста – а человека.

**Ю. Эдельштейн.** Кто я такой, чтобы ставить человеку оценки по поведению? Лично для меня важно не то, в какой форме Александр Николаевич Яковлев или какой-то другой член ЦК КПСС признает свои ошибки; важно, чтобы он твердо засвидетельствовал, что он делал то-то и то-то и больше на эту блевотину не вернется.

**А. Даниэль.** С подачи Юлии Рахаевой мы все сосредоточились на одном, безусловно, важном аспекте темы. Рахаева определила его следующим образом: «А судьи кто?» Это определение основывается на предположении, что журналисты берутся – и должны браться – за обучение общества морали и нравственности. И вопрос: годятся ли они сами – все ли из них годятся для того, чтобы исполнять эту роль? Но пора обратиться и к другим аспектам нашей темы.

**Е. Бершин.** В наше время появилась масса моралистов, морализаторов. А наше дело, дело журналистов писать, давать людям информацию. И вот что мы действительно обязаны – мы обязаны делать это хорошо, профессионально и добросовестно. А что нередко происходит? Журналисты часто работают без документальных фактов, в лучшем случае узнают факты по телевизору. Такой журналист берет с экрана телевизора уже готовый, прожеванный кем-то факт и, в свою очередь, пережевывает его для читателей по-своему. Он не отвечает и за достоверность этого факта. Какая уж тут добросовестность! Я думаю, это не журналистика, а какое-то новое малоприятное явление.

**А. Блинушов.** Я хотел бы сказать несколько слов о выступлениях многоуважаемых адвокатов Г. Резника и Ю. Шмидта. По-моему, их идеи об ограничении свободы средств массовой информации содержат в себе серьезную опасность, так сказать, мину.

Всем известно, что народный судья любого уровня может осуществить действия по поводу возбуждения уголовного дела. Наши глубокоуважаемые юристы предлагают в законе о СМИ предусмотреть порядок приостановления выпуска издания с момента возбуждения уголовного дела. А кто будет это реализовать? Те самые судьи, которые участвовали в политических процессах 70-х годов. В нашем журнале «Карта» был ряд

публикаций о судьях, участвовавших в процессах по статьям 70 и 190-1 УК РСФСР; об этих судьях писали, конечно, нелестно, и они подали на нас иск за «клевету». Решение о возбуждении уголовного дела было принято голосованием судей на областной конференции судей. В общем, весь сыр-бор вокруг этого дела тянулся не меньше года. Так что ж, год «Карта» не выходила бы, если была бы принята поправка о приостановлении издания с момента возбуждения уголовного дела?

**Ю. Шмидт.** Глубокоуважаемый Блинушов напрасно идентифицирует позиции Г. Резника и мою – они вовсе не полностью совпадают. Я очень четко сформулировал три критерия, по которым, как я считаю, следовало бы приостановить издание в административном порядке: 1) пропаганда войны, 2) пропаганда насилия на почве национальной розни, 3) возбуждение национальной розни и вражды. Все эти три критерия абсолютно не связаны с уголовным делом, например, о клевете и подобными делами.

**Л. Богораз.** Свобода слова: значит ли это, что все дозволено, или чего-то все-таки нельзя? Может быть, нельзя по разным причинам: из-за законодательных запретов, моральных или внутренних нравственных запретов. Могу ли я сказать и опубликовать нечто, что оскорбляет чувства другого человека? Что оскорбляет чувства группы людей? Что оскорбляет чувства читателей? Неприлично употреблять в печати нецензурные слова – это оскорбляет чувства читателей. Только ли неприлично – или должно быть запрещено? Что? кем? как? При каких санкциях?

Некая сатира на религиозные темы, вероятно, оскорбляет чувства верующих. Тогда – мог Пушкин написать «Гавриилиаду» или не имел права? Справедливо ли было наказать его за это?

**А. Даниэль.** Он ее не напечатал.

**Л. Богораз.** А если бы напечатал? Были бы полтора столетия назад современные способы тиражирования – может, и напечатал бы. А Рушди имел право публиковать свои «Сатанинские стихи» – они ведь безусловно оскорбляют чувства верующих? А имел право Андрей Синявский написать слова «Россия-мать, Россия-сука» – тоже ведь чьи-то чувства оскорбляющие? А о Пушкине «на тонких эротических ножках»? Я могу написать нечто, оскорбляющее чувства коммунистов, – а они ведь тоже люди.

**А. Даниэль.** Иными словами, можно ли совершить преступление, проступок устным или печатным словом?

**Л. Богораз.** Пожалуй, мой вопрос можно сформулировать и так.

**А. Подрабинец.** Мне кажется, этот вопрос адресован в будущее. Это очень тонкая материя: где и как ограничить свободу слова, в тех ли случаях, когда слово оскорбляет чьи-то чувства, или, может быть, в тех случаях, когда слово адресовано людям с ограниченной ответственностью, допустим, подросткам? Я думаю, что для нас сейчас актуальны самые грубые нарушения свободы слова и самые грубые злоупотребления этой свободой. Об этом и говорил Ю. Шмидт. Свободу слова надо ограничить, когда она используется для призывов к насилию, для дестабилизации ситуации, для разрушения зачатков демократического общества и для того, чтобы вернуть нас в прошлое. Мы сейчас неспособны разобраться в случаях более тонких, более сложных. Это выработается постепенно, когда сложится общественное мнение, когда появится демократическое общество.

**С места.** Можно ли совершить словом преступление? Если я, например, в переполненном театре заору: «Пожар!»? А разве лучше сеять панику с помощью телевизора?

**Г. Марьяновский.** Наверное, надо все-таки разделять две вещи: одно дело – конкретное преступление, о котором говорил Ю. Шмидт и вот сейчас сказал коллега из зала; и совершенно другое дело – позиция журналиста по какому-то вопросу. Мы сейчас пытаемся выяснить, вправе ли журналист заявить любую свою позицию, если она оскорбляет чувства других людей. Я считаю, что вправе.

**М. Григорян.** Коррелирует ли мнение, высказанное в виде вопроса А. Даниэлем – о возможности совершить преступление словом – с талантом?

**А. Даниэль.** Великолепный вопрос! Лучший из всех, прозвучавших на этом семинаре. Очень хочется ответить: «Да»...

**Л. Богораз.** То есть, что можно Пушкину или Андрею Синявскому, – то, может быть, нельзя кому-то менее талантливому. Душой я за это. Но такой подход невозможно ввести в рамки закона. Вероятно, он может быть адресован лично к людям, занимающимся печатью, публицистикой, литературой. Я согласна с Подрабинеком: то, что можно в других странах, у нас, наверное, действительно нельзя. У нас очень взрывоопасная обстановка. И я взывала бы к нравственному чутью работников СМИ, пожелала бы им всякий раз задавать себе вопрос: «Как наше слово отзовется?»

**Е. Захаров.** На все вопросы, предложенные Л. Богораз – о «Гавриилиаде», о «России-суке», о «Сатанинских стихах» – на все эти вопросы я отвечал бы: можно, можно, можно. Я считаю, что прессе нельзя ограничивать. Известный консерватор судья Блэд говорил, что против злоупотреблений свободой слова есть только одно оружие – еще большая свобода слова. А как быть, если мы сталкиваемся с пропагандой войны, насилия, с клеветой?

Должно быть разработано законодательство, препятствующее таким явлениям. Пусть люди, чувствующие себя оскорбленными, оклеветанными, опороченными, обратятся в суд, и суд на основе закона должен защитить их права, их честь и достоинство. На Украине тоже есть крайние националисты, у них есть свои газеты, где они пишут, что Украина – для украинцев, а инородцы должны ее покинуть. Я считаю, что закрывать такую газету, – неправильно, ведь такое решение не сняло бы проблем, из которых вырос национализм, а только загнало бы их глубже.

**Н. Богатикова.** А если такие газеты не закрывать, не вспыхнет ли пожар с большей силой?

**Ю. Серeda.** Мне кажется, что если бы Жириновского в последние месяцы перед выборами не пустили неограниченно на телевидение, то несколько миллионов граждан России не совершили бы идиотский и совершенно дикий поступок, проголосовав за него. Пресса и телевидение обеспечили половину успеха его предвыборной кампании.

**Е. Захаров.** Я с этим не согласен. Если выбрали Жириновского, значит, этого заслуживаем. И никуда вы от этого не денетесь.

**А. Даниэль.** Первое. Можно ли ограничивать в чем-нибудь свободу слова? Я глубоко убежден, что свободу слова, свободу печати ни в чем ограничивать нельзя. Ни на йоту, ни на миллиметр.

Второе. Можно ли совершить преступление с помощью слова – печатного или устного? Конечно, можно. Это знают и Уголовный, и Гражданский Кодексы.

Тогда – должны ли выполняться законы, которые выработало наше общество, да и человечество в целом, по отношению к людям, совершающим преступления с помощью слова? Да, конечно.

Тогда еще вопрос: что такое свобода слова? Никто из выступавших не предложил определения. Я предлагаю следующее: свобода слова – это возможность написать или сказать публично все, что хочешь, без всяких ограничений. Но помни при этом, что тебя могут за нарушение закона привлечь к суду. Таким образом, свобода слова – это свобода от предварительной цензуры. Свобода от предварительной цензуры, на мой взгляд, должна быть абсолютной. Но уголовная, гражданская, административная ответственность за произнесенное, опубликованное, напечатанное слово должна быть жесткой. То есть, ты можешь напечатать в газете фашистский призыв или призыв к восстанию, но будь готов к тому, что тебя за это посадят. Я говорю, прежде всего, о предварительной государственной цензуре, но в нашем обсуждении возникали вопросы о цензуре иного рода – о цензуре внутрицерковных изданий, о цензуре редактора в отношении журналиста, о цензуре владельца газеты, в том числе государства в отношении редакции в целом. По-моему, тут должен действовать тот же самый принцип. Реакция на печатное слово должна осуществляться в рамках права и на основании законов, но не может реализовываться в виде предварительной цензуры. Каждый должен иметь возможность сказать все, что хочет, и каждый должен четко знать, что он за это получит.

Ни от какой ответственности – юридической, моральной – свобода слова не должна защищаться. Это и есть сочетание свободы и ответственности.

**С места.** Несет ли ответственность журналист, писавший всякие страсти о «лицах кавказской национальности» за депортацию этих «лиц» или возможное насилие по отношению к ним, и какую ответственность?

**А. Даниэль.** Я думаю, что в этом случае безусловно можно говорить о моральной ответственности, а об ответственности юридической лучше могут судить юристы. Я не касался вопроса о том, какими должны быть законы, карающие за слова, ведущие к преступлению. Наверное, в разных обществах они могут быть разными. Где-то есть статья, аналогичная нашей 174-й, где-то такой статьи нет. Это зависит, наверное, от состояния общества.

**Н. Богатикова.** Понес ли наказание хоть один фашистский листок?

**А. Даниэль.** Кажется, какой-то был наказан, но это раз в сто пятьдесят меньше, чем нужно. И все равно, этот вопрос не решить восстановлением предварительной цензуры.

**С места.** Не противоречит ли свобода слова свободе предпринимательства?

**А. Даниэль.** В странах, где свобода слова существует достаточно давно, разработано и действует законодательство, четко определяющее права журналистам по отношению к редакциям, права редакций по отношению к владельцам. У нас ничего подобного даже в микроскоп не разглядишь. У журналистов – наемных работников – должны быть и определенные права, и обязанности по отношению к нанимателю. И решаться эти вопросы должны контрактом, заключенным на основании закона.

**А. Горелик.** Следуя логике Александра Юльевича, можно говорить и о свободе совершать убийства, конечно, с последующей ответственностью за это.

**А. Даниэль.** Я провел бы другую параллель: возьмем свободу передвижения. Значит ли эта свобода, что любой человек может сесть в машину и ехать, куда глаза глядят, не разбирая дороги и давить всех по пути? Нет, конечно же. Ведь есть правила дорожного движения, и любой путник обязан их соблюдать. И нести наказание за их нарушение.

**Г. Марьяновский.** Мы не можем закрывать и запрещать газеты лишь потому, что одна – фашистская, другая – коммунистическая, третья еще какого-нибудь неприятного толка. Принципиально неправильно говорить: не пиши этого, не публикуй того-сего. Существуют люди, которые избрали Жириновского, издают фашистские листки. Нельзя и безнадежно бороться с ними закрытием, запрещениями.

**Л. Богораз.** Да, ведь тогда и они прибегают к своему Самиздату, а запретный плод сладок...

**А. Даниэль.** Вы возражаете против самой мысли о законодательных мерах против преступлений, совершаемых «словом и помышлением»?

**Г. Марьяновский.** Нет, против законодательных мер я не возражаю, если суд сможет доказать, что такая-то публикация подпадает под такую-то статью закона. Само по себе это чрезвычайно сложно – и должно быть сложно. Поэтому в России только один листок наказан, а на Украине – ни одного. Пишущий должен знать, что по закону ему придется отвечать за то, что он написал. Как и тот, кто взял в руки автомат и стреляет, знает, что и в него стреляют.

**А. Даниэль.** Я рискну высказать парадоксальную мысль, что приснопамятная статья 70 УК РСФСР соответствовала тому паскудному обществу, в каком мы жили. Когда Андрей Синявский – Абрам Терц писал и публиковал за границей свою прозу, он ведь на самом деле знал, на что шел. Он реализовал явочным порядком свободу слова. А наше возмущение несправедливым приговором и наказанием на самом деле было возмущением несправедливым нашим обществом. Другой вопрос, грамотно ли применялись тогда законы, – а они применялись совершенно неграмотно, и по этим законам нельзя было Синявского и Даниэля сажать в тюрьму.

**С места.** В ампиловском листке написано: «Кровавый диктатор Ельцин», а в областной газете «Новгород» такая подпись под карикатурой: «змеевик из аппарата президента». Можно ли по этим публикациям возбудить уголовное дело об оскорблении чести и достоинства?

**А. Даниэль.** По-моему, правильно и разумно устроено общество, в котором должностные лица в меньшей степени защищены от оскорблений, чем рядовые граждане. Грубо говоря, президента оскорблять можно, а рядового гражданина – нельзя.

**С места.** Но если можно оскорблять президента, то тем более будут оскорблять рядового гражданина.

**А. Даниэль.** Я думаю, что здесь как раз обратная зависимость.

**В. Речицкий.** Суть наших споров и разногласий я вижу в следующем: мы избрали доктрину свободы вместо доктрины порядка, однако, доктрина порядка засела у нас в головах и в печенках, и наша аргументация сводится к тому, что порядок важнее свободы. При обсуждении в июле 1992 г. проекта Конституции Украины наша конституционная комиссия гордилась тем, что в текст Конституции вписала полностью Пакт о правах человека. Действительно, в проекте свобода слова сформулирована примерно так, как это сделано в двух Пактах 1966 г. Только там двенадцать оговорок, а у нас – пятнадцать. Профессор Стэнтон сказал, что наш подход к свободе слова – ни более, ни менее, как мечта тирана. То же подтвердил и Майкл Дэвид, юридический советник Сената Соединенных Штатов. Этим специалистов мы просили дать экспертную оценку нашего проекта.

Свобода слова обозначает примерно то же, что и мыслительная деятельность отдельного человека, только в масштабах общества. Если мы хотим предпринять какое-то действие, то не ограничиваем себя в мыслях по поводу этого действия, продумываем возможный риск и т. д. Как это происходит, скажем, в области неполитической, прекрасно показано в фильме «Дневная красавица».

Свобода слова для общества есть не что иное, как диалог, который предшествует политике, а не завершает ее. Предшествует становлению органа власти, всякой власти, в том числе и той, которая принимает законы, ограничивающие или не ограничивающие свободу людей.

Правовая система всегда как бы биполярна: в жизни людей всегда имеют некую ценность порядок и некую ценность свобода. И часть юридических норм обеспечивает стабильность, порядок, защищенность, безопасность. А другие юридические нормы (в демократических государствах они сконцентрированы прежде всего в конституциях) обеспечивают не стабильность, не порядок, а состояние свободы. Именно поэтому конституции создают зоны, свободные от правового регулирования, как это сделано первой поправкой к конституции США, где сказано, что Конгрессу запрещено принимать законы, ограничивающие свободу слова. Есть и другие области в жизни людей, которые тоже должны быть вне правового регулирования, ибо власть некомпетентна в отношении той мыслительной деятельности, которую осуществляет общество, определяя лицо этой власти. Если запретить все фашистские газеты, все призывы к национальной розни, к войне и т. д., как тогда избиратель узнает, кто есть кто? И в парламент пройдут с помощью политического лицемерия люди, которые являются, по сути дела, врагами общества. Ведь нужно знать спектр мнений, нужно видеть, кто чем занимается, кто на что ориентируется, у кого какие ценности. Без свободы слова это совершенно невозможно установить. Демократия – это некий процесс, в котором процедура значит все, а результаты никогда не предопределены. Мы не можем заранее рассчитывать на некий позитивный результат, пользуясь понятными нам, открытыми, доступными институтами свободного общества. Да и кто определит меру позитивности или негативности результата? Гарантии позитивных результатов нет, но и нет другого выхода, кроме как идти путем риска. И это само по себе колоссальный прогресс, колоссальный итог политического развития. Свобода слова позволяет нам включить механизмы демократии. Если урезать свободу слова, то не заработают и механизмы демократии. У нас не будет адекватного парламента, решений, адекватных ситуациям (ведь мы не получим представления о самих ситуациях), будем двигаться, спотыкаясь, медленно, наощупь.

Свобода слова вообще не должна регулироваться законом. Она стоит вне закона; она – предзакон. Она относится к ценностям гораздо более высокого уровня, нежели те, которые регулируются законом.

**А. Даниэль.** Вы произнесли пламенную речь в защиту свободы слова, но так и не определили, что это такое – свобода слова. Согласны ли вы с тем, что свобода слова – это отсутствие предварительной цензуры? И что авторов можно привлекать к судебной ответственности, если они нарушили закон?

**В. Речицкий.** Да, конечно, согласен: именно предварительная цензура означает некоего социального арбитра, с чем мы и хотим бороться. А если статья явилась орудием преступления, то после публикации ее автора, разумеется, можно привлечь к суду.

**А. Даниэль.** Далее. Не следует ли из вашего выступления, что свобода слова нужна нам для достижения демократии? Честно говоря, лично для меня свобода слова – ценность абсолютная, и Бог с ней, с демократией, но пусть будет свобода слова!

**В. Речицкий.** И с этим я вполне согласен. И, если бы ценность порядка не ставилась многими впереди и выше ценности свободы (во многих выступлениях, на мой взгляд, подсознательно звучало именно это), я, безусловно, отказался бы от прагматических аргументов. Конечно, свобода слова и вообще свобода прекрасны сами по себе.

**Е. Дикий.** Меня не устраивает такое рассуждение: главное – сказать, а потом пусть за это даже и посадят. Такое было и при советском строе. «Тому в истории мы тьму примеров слышим...» По-моему, свобода слова значит, что человек может сказать все, что хочет, и знает, что ответят ему на это тоже словом, а не ключей проволокой.

**В. Речицкий.** Информация – это количество непредсказуемого, содержащееся в сообщении. Всякий человек, который реализует свободу слова, предоставляет людям информацию, рискует не только сам. Рискует и все общество: невозможно предсказать, что решит предпринять общество на основании полученной им новой информации, усвоенной им новой ценности; невозможно предсказать, каким будет следующий за этим шаг общества. Рискует и тот, кто реализует свободу слова с агрессивными намерениями его, и тот, который уверен, что никаких негативных последствий от его вольных речей не наступит, и общество, которое слушает обоих. Институты государства действительно обеспокоены и должны быть обеспокоены стабильностью, защищенностью, безопасностью и порядком. А гражданское общество превыше всего ставит и ценит свободу. Между гражданским обществом и государством постоянно существует и должна существовать органическая оппозиция. Важно понимать ее природу и суть.

**А. Даниэль.** Попытаюсь подвести некоторые итоги нашего обсуждения. Мы коснулись, разумеется, не всех аспектов темы нашего диспута. Напомню: речь шла о «моральном облике» (как сказали бы в недавние годы) наших журналистов, об их общественной роли – морализаторы или информаторы; о том, что есть свобода слова, можно ли и нужно ли ее ограничивать – и каким образом; об ответственности людей, пользующихся этой свободой. Напомню также, что по каждому из этих вопросов были высказаны различные точки зрения, часто полярные. Всем нам, оказывается, есть над чем задуматься. Свою точку зрения я высказывал как участник диспута. А как ведущий – не хочу встать ни на какую из заявленных позиций.

#### **Заключительное слово**

**Л. Богораз, руководитель семинара**

Оргкомитет программы благодарит всех, кто принял участие в работе нынешнего семинара – глубокоуважаемых докладчиков, всех выступивших на семинаре и всех, активно участвовавших в обсуждениях. Конечно, мы не разрешили все поставленные здесь проблемы и не ответили на все вопросы – но ведь на это никто из нас и не рассчитывал. По крайней мере, мы имели возможность понять друг друга: читатели – пишущую братию, и наоборот; и все мы получили богатый материал для размышлений.

Я хочу вновь обратить ваше внимание на следующее: нормы права – это, конечно, нормы права, на каждый сегодняшний день они должны быть незыблемы. Но сама идеология Права, прав человека – не есть нечто застывшее, она развивается и будет развиваться, и ее нормативы будут развиваться и совершенствоваться по мере ее вхождения в реальную жизнь. Надеюсь, этому процессу сослужат службу и наши семинары.

#### **СПИСОК УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА**

**Абдурашид Шариф.** Общество прав человека в Центральной Азии при Центре по правам человека (Москва), т. 206-09-24.

**Абидов Ядгор.** Комитет по защите прав человека в Узбекистане, т. 270-24-63.

**Абрамкин Валерий Федорович.** МХГ. Директор центра «Содействие».

**Адельханов-Штейнберг Эмиль Семенович.** «Мемориал». 380123 Тбилиси, Киндзмараульский пер., 13, 16.), т. 71-61-65 (д.).

**Азаров Анатолий Яковлевич.** Институт повышения квалификации учителей, преподаватель курса «Права человека». Московская обл., ИПК и ПРНОМО, т. 186-22-56.

**Акунов Турсунбек.** Правозащитное движение Киргизии, т. 210-08-77.

**Алейник Л. А.** «Сегодня», т. 251-70-17.

**Алексеева Людмила Михайловна.** МХГ, радио «Свобода».

**Альтшулер Борис Львович.** Московский исследовательский центр по правам человека, МХГ, Москва, Лучников пер., 4, т. 206-88-36.

**Апресян Рубен Грантович.** Научно-просветительский центр «Этика ненасилия», т. 406-13-09.

**Арендарь Анатолий Федосеевич.** 454080 Челябинск, ул. Витебская, д. 3, кв. 8, т. 34-28-31 (р.).

**Арутюнов Михаил Георгиевич,** Комитет по правам человека при Президенте Российской Федерации. 113149 Москва, ул. Азовская, д. 4, кв. 88, т. 310-16-83 (д.).

**Асцатрян Вардан Робертович.** Республика Армения, Ереван, ул. Григора Лусаворича, д. 15, т. 56-33-21, факс-56-34-52.

**Аюбзод Салим.** Радио «Свобода», т. 973-06-40.

**Барихновская Елена Григорьевна.** Российский комитет адвокатов в защиту прав человека. Санкт-

Петербург, ул. Чайковского, д. 28, т. (812) 272-49-61.

**Бауринг Билл (Bill Bowring).** Комитет прав человека, Союз адвокатов Англии, т. 071-405-6114, факс 071-831-6112.

**Вершин Ефим.** «Литературная газета», т. 208-99-72.

**Блинушов Андрей Юрьевич.** Рязанское региональное отделение правозащитного общества «Мемориал», т. (0912) 77-51-17; 55-91-84.

**Богатикова Надежда Анатольевна.** «Мемориал», Москва, т. 200-65-06.

**Бродский Дмитрий Александрович.** Московская независимая общественная библиотека. 107005 Москва, ул. Бауманская, д. 38, кв. 39, т. 267-22-86.

**Бурмистрович Илья Евсеевич.** Сотрудник комиссии по правам человека, т. 240-45-81 (д.).

**Быков Сергей Николаевич,** Московский антифашистский центр, т. 282-83-63 (д.).

**Вдовин Юрий Иннокентьевич.** Датский "Baltic media centre". 191028 Санкт-Петербург, а/я 118, т. (812) 279-67-76.

**Великанова Татьяна Михайловна,** Москва, ул. Шверника, д. 12/2, к. 1, кв. 49, т. 126-29-63.

**Вишневская Юлия.** Исследовательский институт радио «Свободная Европа», т. 133-61-93.

**Волобуева Любовь Дмитриевна.** Лига прав человека. 220010 Минск, пр. Ф. Скарыны, д. 4, т. (0172) 26-58-97, факс (0172) 24-80-61.

**Ганджумян Александр Рубенович.** СМИ, т. 339-39-26.

**Генке Юлия Николаевна.** «Народная христианская газета», 603070 Нижний Новгород, ул. Есенина, д. 16, кв. 36, т. (8312) 49-44-96.

**Герчук Юрий Яковлевич.** 121615 Москва, Рублевское шоссе, д. 93, к. 1, кв. 8, т. 141-57-45.

**Гладкий Алексей Всеволодович.** 117333 Москва, ул. Фотиевой, д. 3, кв. 98, т. 137-18-38.

**Гладышев Вячеслав Владимирович.** Фонд «Права человека», Комитет защиты прав человека Астраханского ОККР, т. 22-43-67.

**Голубцов Юрий Михайлович.** Христианская ассоциация служения осужденным. Газета «Весть надежды». Тула, ул. Комсомольская, д. 10, т. 77-04-07, 77-92-85.

**Горелик Александр Соломонович.** Красноярский краевой фонд «Правовая защита». 660099 Красноярск, 99, а/я 10280, т. (3912) 21-94-17.

**Григорян Марк Владимирович.** Группа защиты прав человека при объединении национального самоопределения. 375015 Ереван, ул. Гр. Лусаворича, Д. 15, т. (8852) 56-29-16, 56-34-52.

**Григорьянц Сергей Иванович.** Фонд «Гласность», т. 474-45-90.

**Даниэль Александр Юльевич.** НИПЦ «Мемориал», т. 209-78-83.

**Денбер Рейчел.** «Хельсинки Вотч», т. 265-44-48.

**Демин Игорь Юрьевич.** «Останкино», комментатор, т. 252-47-13.

**Дикий Евгений Александрович.** Украинский комитет «Хельсинки-90». Киев, ул. Верхний Вал, д. 44, кв. 27. т. (044) 416-28-67 (д.), ул. Прорезная, д. 27 (офис), т. (044) 228-03-06 (р.).

**Дитевский В, Ю.** Московский антифашистский центр, т. 496-35-80.

**Дорош Светлана Григорьевна.** Украинское независимое информационное агентство новостей (УНИАН), 252001 Киев, Крещатик, д. 4, т./факс (044) 229-31-31, 228-60-59.

**Дустов Дуст Каримович.** Демпартия Таджикистана, т. 306-08-63.

**Дядькин Иосиф Гецелевич.** МХГ, Тверской «Мемориал». 170040 Тверь, Мигаловская наб., д. 2, кв. 54, т. (08222) 485-17 (д.), 383-84 (р.).

**Жаворонков Геннадий Николаевич.** «Общая газета». Москва, Арбат, д. 43, кв. 17.

**Жайкевич Александра Львовна.** Комитет «Гражданское содействие» при «Литературной газете», т. 208-88-02, 112-69-74.

**Жильцов Василий Арсеньевич.** Журнал «Московский клуб». 117602 Москва, Олимпийская деревня, д. 6, кв. 152, т. 437-66-60.

**Жук Виктор Ильич.** Тел. 245-40-83.

**Завражин Константин Юрьевич.** Редакция газеты «Мегаполис-экспресс». Москва, Лубянка, д. 16, т. 928-51-17, 928-41-20.

**Захаров Евгений Ефимович.** Харьковский «Мемориал», член МХГ.

**Зейналов Эльдар.** Информационно-правозащитный центр Азербайджана, газета «Истиглал», 370110 Баку, ул. Ингилаб, д. 82, кв. 45, т./факс 987-555.

**Зубарев Дмитрий Исаевич.** НИПЦ «Мемориал», т. 432-56-77.

**Зубенко Владимир Михайлович.** Пресс-служба Московской областной думы МОПЧ, т. 206-75-91. 206-64-49.

**Капировский Александр Михайлович.** Православное просветительско-благотворительное братство «Сретение», журнал «Православная община», т.928-78-54 (р.), 379-47-71 (д.).

**Ковсман Марина Евгеньевна.** Тула-26, просп. Ленина, д. 137, кв. 4, т. 22-71-69.

**Колотуша Валентина Степановна.** Алма-атинская хельсинкская группа. 480033 Алма-Ата, ул. М. Торева 152, д. 1, кв. 81, т. 61-10-73 (р.).

**Косенко Евгений Евгеньевич.** Алма-атинская хельсинкская группа. Алма-Ата, «Орбита-3», д. 1, кв. 12, т. 39-01-39.

**Косорец Ольга Ноевна.** «Мемориал», юридическая группа, т. 158-58-42.

**Котляр Татьяна Михайловна.** Обнинская правозащитная группа (не зарегистрирована). 249020. Обнинск-7, Калужская обл., ул. О. Кошевого, д. 19, кв. 1, т. 78-520 (р.).

**Кравченко Наталья.** «Мемориал», НИПЦ.

**Краснов Георгий Васильевич.** Вузовская ассоциация (филологии). 140404 Московская обл., Коломна, бульвар 800-летия Коломны, д. 10, кв. 205, т. (8-201)7-08-07.

**Лавут Александр Павлович.** 129090 Москва, 2-й Троицкий пер., д. 6, кв. 6, т. 284-36-93.

**Лаптева Мария Дмитриевна.** С.-Петербургский «Дом прав человека», т./факс (812) 306-80-90, т. 275-31-38.

**Лебедева Марина Александровна.** Газета «Известия», т. 209-70-81.

**Лизогуб Анатолий Григорьевич.** Украинский центр прав человека, Киев, ул. Червоноармейская, д. 64, т./факс (044) 227-23-98.

**Личутин Генрих Борисович.** С. Петербургский «Мемориал», Гатчина, ул. Киротова, д. 225, кв. 14.

**Лобанов Владимир Борисович.** Тульский общественный правозащитный фонд. 300041 Тула, ул. Революции, д. 12, кв. 306, т. (0872) 20-55-96.

**Лобанов Вячеслав Сергеевич.** Московский антифашистский центр. Москва, ул. Петровка, д. 22, комн. 411, т. 928-71-13.

**Ломунов Алексей Николаевич.** Независимый корреспондент. Московская обл., Пушкино, ул. Тургенева, д. 2, кв. 24.

**Левина Инесса Николаевна.** «Мемориал». 277038 Кишинев, ул. Роз, д. 29/3, кв. 43, т. (0422) 55-84-83.

**Марьяновский Григорий Абрамович.** Харьковская правозащитная группа. 310170 Харьков, ул. Блюхера, д. 24, кв. 48, т. 68-90-39 (д.), 30-15-36 (р.).

**Мильнер Людмила Александровна.** Украинско-американское бюро в защиту прав человека. Киев, т./факс (044) 410-41-60, 216-48-62.

**Миронов Андрей Николаевич.** Группа поддержки В. Мирзаянова. Москва, т. 251-83-43.

**Митрохин Николай Александрович.** «Панорама», т. 119-18-27 (р.).

**Молчанов Геннадий Владимирович.** Центр по правам человека, т. 206-09-23.

**Морозов Юрий Иванович.** «Народная Христианская газета». 603070, Нижний Новгород, ул. Есенина, д. 16, кв. 36, т. (8312) 49-44-96.

**Мусин Альберт Каюмович.** Общество содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии, т. 270-24-63, 206-85-07.

**Нарзикулов М.** Среднеазиатский информационный центр по правам человека. Москва, т. 270-24-63.

**Ненашев Михаил Федорович.** Издательство «Русская книга», т. 205-33-76 (р.).

**Николаев Михаил Георгиевич.** Объединение «Государственный исторический музей». Москва, ул. Усачева, д. 19а, к. 3, кв. 130, т. 245-43-10 (д.).

**Николаева Евгения Григорьевна.** Московский государственный институт культуры. Московская обл., Калининград, ул. К. Маркса, д. 5, кв. 28.

**Огарышева Э. Ф.** Центр по правам человека, т. 206-88-52.

**Ойвин Владимир Наумович.** Общественный фонд «Гласность»; Христианское информационное агентство. 115407, Москва, Кленовый бульвар, д. 15, к. 1, кв. 136, т. 115-50-12.

**Осипов Александр Геннадьевич.** Кавказский институт мира, демократии и развития. 129085 Москва, Звездный бульвар, д. 3, кв. 64, т. 282-08-16 (д.).

**Осипов Василий Николаевич.** Комитет социально активных граждан. Москва, т. 484-03-47.

**Панфилов Олег Валентинович.** Фонд защиты гласности, т. 201-49-47, 201-44-20.

**Петренко Владимир Федорович.** Саратовское общественное движение «Союз за химическую безопасность». 412680 Саратовская обл, Вольск-18, (Шиханы-2), д. 519, кв. 62, т. (8-8452) 64-05-44.

**Петров Александр Борисович.** Хельсинки Вотч, т. 265-44-48.

**Печуро Сусанна Соломоновна.** «Мемориал». Москва, ул. Новаторов, д. 40, к. 11, кв. 61; Москва, М. Каретный пер., д. 11, т. 432-27-20 (д.), 200-65-06 (р.);

**Подрабинек Александр Пинхасович.** Газета «Экспресс-хроника», т. 264-97-91.

**Попов Кирилл Николаевич.** Московский центр по правам человека, т. 128-12-30 (д.).

**Пореш Владимир Юрьевич.** Центральный дом прав человека в Санкт-Петербурге. С.-Петербург, ул. Шпалерная, д. 60, кв. 339, т. 306-80-90.

**Прибылов Андрей.** Московский центр по правам человека, т. 206-09-23.

**Прошечкин Евгений.** «Антифашистский центр», т. 496-35-80.

**Прилежаев Николай Николаевич.** НПР. 173020 Новгород, а/я 108, т. 3-22-91 (д.).

**Пугачев Владимир Владимирович.** Саратовский Университет.

**Пудова Анна Сергеевна.** «Демроссия» г. Обнинска Калужской области. Калужская обл, Обнинск, ул. Маркса, д. 49, кв. 88, т. 7-33-98 (д.).

**Раскин Владимир Владимирович.** Московский центр по правам человека, т. 206-88-52.

**Рахаева Юлия Феликсовна.** Журнал «Новое время», т. 499-60-10 (д.), 292-85-57 (р).

**Резинко Дмитрий Борисович.** Астраханское областное отделение международного общества «Мемориал». 414000 Астрахань, ул. Чернышевского, д. 7, кв. 17а, т. 24-53-06.



**Резник Генри Маркович.** Адвокат, член МХГ, член президиума Московской городской коллегии адвокатов.

**Речицкий Всеволод Владимирович.** Украинско-американское бюро по защите прав человека. Харьков-100, Садовый проезд, д. 11а, кв. 9, т. (0572) 47-36-89.

**Розанова Мария Васильевна.** Журнал «Синтаксис».

**Ронкин Валерий Ефимович.** 188270 Луга Ленинградской обл., дер. Заклинье, ул. Новая, д. 20/19, т. (272) 2-44-13.

**Русс Сергей Николаевич.** Главный редактор газеты «Моя Родина», т. 22-65-48.

**Рыбалка Андрей Витальевич.** Харьковская правозащитная группа. 310023 Харьков, пер. Артема, д. 3, кв. 9, т. (8-0572) 43-15-07.

**Санникова Елена Никитична.** Москва, Оружейный пер., д. 25, кв. 134, т. 250-24-63.

**Середа Юлия Борисовна.** Российский независимый исторический и правозащитный журнал «Карта». 390000 Рязань-центр, а/я 20, т. (0912) 77-51-17,75-40-20.

**Сидоуи Фарид Шамирович.** Газета «Подмосковные известия», т. 259-80-42 (р.), 931-14-43 (д.)

**Симонов Алексей Кириллович.** Фонд защиты гласности. Москва, Зубовский пер., д. 46. комн. 443, т./факс 201-49-47, 201-44-20.

**Симонова Мария Кирилловна.** Фонд защиты гласности, т. 201-49-47.

**Синявский Андрей Донатович,** писатель.

**Тавризов Алексей Григорьевич.** Правозащитный центр «Мемориал». 103051 Москва, М. Каретный пер., д. 12, т. 299-11-80, 200-65-06, 209-78-83

**Терновская Людмила Николаевна.** Москва, т. 370-19-63.

**Тимофеев Лев Михайлович.** МХГ, т. 339-13-59.

**Ульрих Хайден.** Журналист «Тагесцайтунг». Москва, ул. Цюрюпы, д. 8, к. 1, кв. 42, т. 128-11-73.

**Фет Абрам Ильич.** 630090 Новосибирск, ул. Жемчужная, д. 2.

**Фролов Вадим Георгиевич.** Российско-американское бюро по правам человека. Москва, Волгоградский просп., д. 26, т. 270-06-62.

**Хействер Алексей Валентинович.** «Мемориал», 277005 Кишинев, просп. Молодежи, д. 20, кв. 45, т. (0422) 22-70-10.

**Шабалин Максим Георгиевич.** С.-Петербургский дом прав человека, газета «Невское время». С. Петербург, ул. Голикова, д. 62, кв. 103, т. 314-19-34. 152-58-63.

**Шаршеналиева Зульфия Маратовна.** Киргизско-американское бюро по правам человека и соблюдению законности. 720000 Бишкек, пр. Эркиндик, д. 64, кв. 14.

**Шелудько Валерий Евгеньевич.** Украинский центр прав человека. 252005 Киев, ул. Червоноармейская, д. 64, т./факс (044) 227-23-98.

**Шименков Евгений Васильевич.** Комитет социально активных граждан (правозащитная общественная организация). Москва, пер. Стопани, д. 10, кв. 65, КСАГ, т. 923-79-51.

**Шмидт Юрий Маркович.** Российский комитет адвокатов в защиту прав человека. С.-Петербург, ул. Чайковского, д. 28, т. (812) 272-49-61.

**Шуверова Вера Демьяновна.** Москва, т. 248-85-94.

**Эдельштейн Георгий (Юрий Михайлович).** МХГ, 156005 Кострома, ул. Осыпная, д. 3, кв. 58, т. (094) 2-54-86-02.

**Яблоков Алексей Владимирович.** Межведомственная комиссия по экологии Совета Безопасности Российской Федерации.

**Яковлев Александр Николаевич.** Руководитель Федеральной службы Российской Федерации по телевидению и радиовещанию, Москва.

Необходимо разрушить монополию телевидения, подчинить его непосредственно аудитории, нужно абонентное телевидение, наблюдательные советы.

*М. Ненашев*

Можно предложить такой механизм права граждан на информацию: либо Указ Президента, либо решение Думы о собственной отчетности, об отчетности Правительства ежедневно.

*Г. Жаворонков*

Разработать положение о статусе журналистов в конфликтных ситуациях и при чрезвычайных обстоятельствах.

Для экстраординарных случаев необходимо ввести специальные карточки, специальный яркий опознавательный знак, по которому журналиста обязано было бы признать любое охранное ведомство.

*А. Симонов*

Нужен бюллетень по проблемам экологии для просвещения журналистов.

*А. Яблоков, Н. Кравченко*

Нужен рабочий печатный орган, например, под названием «Миграция» для информации о проблемах беженцев и вынужденных переселенцев.

*М. Арутюнов*

Необходимо привести внутреннее законодательство в соответствие с нормами международных договоров и обязательств.

*Ю. Шмидт*

Создать в России крупный общественный фонд поддержки прессы:

*А. Подрабинек*

Институции гражданской инициативы должны взять на себя тяжелую ответственность писать «болванки» каких-то законов, не доверять созданию законов о деятельности СМИ государственным чиновникам.

*Ю. Вдовин*

Нужно думать о создании комиссий по этике, о возможности влиять на своих коллег, на издателей.

*Г. Жаворонков*

Государство обязано поддерживать издательства научной литературы. Право образованных людей знать о достижениях науки заслуживает уважения; от этого зависит будущее и безопасность страны.

*А. Гладкий*

Клуб главных редакторов газет, где обсуждали бы случаи дезинформации и даже принимали бы какие-то санкции.

*Г. Жаворонков*